

**МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ
ГБУ РК ЛИВАДИЙСКИЙ ДВОРЦОВО-ПАРКОВЫЙ
МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК**

*К 71-й годовщине Крымской (Ялтинской)
конференции 1945 года*

**МАТЕРИАЛЫ
Научной конференции**

**«Ялта 45: уроки истории.
Крым в истории международных
отношений в XIX-XXI вв.»
25-26 февраля 2016 г.**

*Рекомендовано к печати решением научно-методического совета
ГБУ РК «Ливадийский дворцово-парковый музей-заповедник»
(протокол №1 от 29.02.16 г.)*

Редакционная коллегия:

Декушева Л.В. – директор ГБУ РК «Ливадийский дворцово-парковый музей-заповедник»

Шамрин О.А. – заместитель директора по научной и просветительской работе

Воронин В.Е. – д.и.н., профессор кафедры «История России» исторического факультета Института истории и политики Московского педагогического государственного университета

Вертепова Л.Ю. – начальник научно-просветительского отдела ГБУ РК «Ливадийский дворцово-парковый музей-заповедник»

Пятков П.Г. – начальник научно-экспозиционного отдела «Крымская конференция»

Ялта 45: уроки истории. Крым в истории международных отношений в XIX-XXI вв.: Материалы научной конференции (Крым, Ялта, Ливадийский дворцово-парковый музей-заповедник, 25-26 февраля 2016 г.): Сборник научных статей

ISBN 978-5-9908009-3-9

Сборник материалов научной конференции «**Ялта 45: уроки истории. Крым в истории международных отношений в XIX-XXI вв.**», посвященной 71-й годовщине Крымской (Ялтинской) конференции 1945 года.

Для историков, политологов, работников музеев и библиотек, краеведов, широкого круга читателей.

Статьи публикуются в авторской редакции. Мнение редколлегии может не совпадать с мнением и позицией авторов. Авторы статей несут полную ответственность за точность приводимой информации, цитат, ссылок.

ISBN 978-5-9908009-3-9

© Авторы статей, 2016

© ГБУ РК «Ливадийский дворцово-парковый музей-заповедник», 2016

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	4
Агишева И.Ю. И. Сталин, У. Черчилль, Ф. Рузвельт. Последняя встреча (материалы Крымской (Ялтинской) конференции 1945 года в фондах Государственного музея героической обороны и освобождения Севастополя).....	5
Барышников Д.Н. Международные конференции глав государств антигитлеровской коалиции в 1943-1945 годах: опыт для саммитов XXI века	16
Блинцов Д.А. Глава британской военной миссии в СССР контр-адмирал Э.Р. Арчер	26
Горлянский С.П. Крым на страницах социального сервиса обмена знаниями QUORA в 2014-2016 гг.	43
Ковалев Б.Н. Крым на страницах русской коллаборационистской прессы на Северо-Западе России (1941-1944 гг.).....	51
Конкин Д.В. К вопросу об участии иностранцев в экономических преобразованиях Крыма (конец XVIII – XIX вв.): люди и проекты.....	61
Крапивин А.В., Амедов Д.Н. Тема Крыма и современные российско-немецкие отношения.....	73
Кулик С.В. Партизанские суды над изменниками Родины как предшественники Нюрнбергского процесса	81
Кучмина М.В. Значение личности И.В. Сталина в историческом процессе Крымской (Ялтинской) конференции	91
Масаев М.В. Юридические аспекты присоединения Крыма к России в конце XVIII столетия и воссоединение Крыма с Россией в 2014 году	99
Оранский А.Н. «Рузвельтовская погода» в Ялте в феврале 1945 года	110
Плужник П.Б. Директор Ливадийского курорта периода подготовки и проведения Крымской конференции 1945 года.....	119
Романько О.В. Насильственные репатриации советских граждан в 1944-1947 гг.: причины, ход и последствия	129
Соколов Д.В. Положение иностранцев в Крыму после Врангеля в 1920-1921 гг.	149
Ставицкий А.В. Причины «холодной войны»: мифологический аспект.....	155
Таньшина Н.П. «Крым вдруг стал в моде»: Крым в путевых заметках французского дипломата Проспера де Баранта	164
Храпунов Н.И. Размышления о Крыме в контексте мировой политики в трудах путешественников рубежа XVIII-XIX вв.....	173

ОТ РЕДАКЦИИ:

Представленные в сборнике материалы отражают содержание докладов, прозвучавших на научной конференции **«Ялта 45: уроки истории. Крым в истории международных отношений в XIX-XXI вв.»**, которая была посвящена 71-й годовщине Крымской (Ялтинской) конференции 1945 года и организована Ливадийским дворцово-парковым музеем-заповедником при поддержке Министерства культуры Республики Крым.

В феврале 1945 года в Белом зале Ливадийского дворца проходили заседания Крымской (Ялтинской) конференции, на которой были приняты решения исторического значения, во многом определившие облик послевоенного мира. 71 год спустя в Ливадийском дворце на научной конференции исследователи рассмотрели и обсудили широкий круг вопросов, связанных с различными аспектами истории Отечества и Крыма, как его составной части, в контексте международных конфликтов и отношений в XIX-XXI веках.

Определяющими направлениями работы конференции «Ялта 45: уроки истории. Крым в истории международных отношений в XIX-XXI вв.» были:

- История Крымской (Ялтинской) конференции 1945 года.
- История второй мировой войны. Международные отношения в период второй мировой войны.
- Крым в истории международных отношений в XIX-XXI вв.
- Отражение истории международных отношений и отечественной внешней политики в музейных коллекциях.

В работе научной конференции приняли участие исследователи и специалисты Санкт-Петербургского государственного политехнического университета Петра Великого, Санкт-Петербургского института истории Российской Академии Наук, Московского педагогического государственного университета, Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского, Филиала Московского государственного университета в Севастополе, Государственного музея героической обороны и освобождения Севастополя, Ливадийского дворцово-паркового музея-заповедника, а также представители общественных организаций.

Уверены, что настоящее издание, ставшее одним из результатов работы научной конференции «Ялта 45: уроки истории. Крым в истории международных отношений в XIX-XXI вв.», вызовет интерес как у специалистов, так и у широкого круга читателей.

Редакционная коллегия

И.Ю. Агишева

*заведующая отделом истории
Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.
ФГБУК «Государственный музей героической
обороны и освобождения Севастополя»
(г.Севастополь)*

И.СТАЛИН, У. ЧЕРЧИЛЬ, Ф.РУЗВЕЛЬТ. ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА

*(Материалы Крымской (Ялтинской)
конференции 1945 г. в фондах Государственного
музея героической обороны и освобождения Севастополя).*

***Аннотация.** Дана характеристика музейным предметам различной фондовой направленности, хранящимся в коллекциях Государственного музея героической обороны и освобождения Севастополя по теме «Крымская (Ялтинская) конференция глав правительств трех союзных держав 1945 г».*

***Ключевые слова:** конференция, пропуск, брошюра, благодарность, газета, фотография, Южный берег, Севастополь, Графская пристань, Малахов курган, Сапун-гора, генерал Моргунов, Иосиф Сталин, Уинстон Черчилль, Франклин Рузвельт.*

***Summary.** The characteristic of museum exhibits from different funds is given, stored in the collections of the State museum of heroic defense and liberation of Sevastopol on the subject «The Crimean (Yalta) Conference of the government heads of three allied powers».*

***Keywords:** conference, permit, brochure, gratitude, newspaper, photo, Sevastopol, Earl's Wharf, Malakhov, Sapun Mountain, gen, Morgunov, Joseph Stalin, Winston Churchill, Franklin Roosevelt.*

71 год назад, в феврале 1945 г. в Ялте проходила конференция под кодовым названием «Аргонавт» с участием лидеров стран антигитлеровской коалиции – И.Сталина, У. Черчилля, Ф. Рузвельта. На очень известной фотографии, сделанной в парке Ливадийского дворца и переданной в музей Г.Т. Караназе, наркомом внутренних дел Крыма в 1941 – 1942 гг., они вместе в последний раз. 12 апреля 1945 г. умрет Ф. Рузвельт, а У. Черчилль на Потсдамской конференции появится только в самом ее начале.

Первое пленарное заседание открылось четвертого февраля. За восемь последующих дней «тройке» удалось договориться об окончательном плане разгрома гитлеровской Германии и милитаристской Японии, о зонах контроля и влияния в освобожденной Европе, в послевоенном мире, о нерушимости границ, создать международную структуру для сохранения мира – ООН. Все эти решения были изложены в итоговом документе, принятом в последний день работы конференции – 11 февраля. В фондах музея хранятся три брошюры, где этот документ был опубликован сразу после окончания конференции в Красноярске и Пензе.

Пусть эти решения и «люди, их принимавшие, до сих пор по-разному оцениваются в своих странах и историографии», от восхваления до уничтожения, но главное в том, что они создали систему международных отношений, просуществовавшую без малого 50 лет и обеспечившую стабильную жизнь Европе. Посол СССР в США в 1945 г., А. Громыко охарактеризовал существование конференции так: *«Всем присутствующим ... было ясно, что решения, принимаемые в Ливадийском дворце, имеют огромное значение для будущего Европы и мира. Всех, кто находился там, не покидало ощущение, что в этом зале заседания они находятся в фокусе событий истории. А она, как богиня правосудия Фемиды, стоит сейчас вот тут, где-то рядышком, с весами в руках и выносит свои приговоры»* [1].

Для обеспечения работы конференции привлекались тысячи русских, американских, британских представителей служб охраны и безопасности, солдаты и матросы союзных держав и, конечно же, личный состав соединений и частей ЧФ и Приморской армии, оставленной на полуострове после его освобождения. Очевидцы и участники этих событий и передали в наш

музей материалы, которые представлены сегодня вашему вниманию. Всего коллекция насчитывает около 150 единиц, из них больше половины – это негативы и фотографии, как сделанные профессионалами, фотокорреспондентами А. Межуевым, Б. Шейниным, А. Соколенко, Б. Гореловским и др., так и любительские. В документальном фонде находятся брошюры и листовки, пропуска и грамоты, газеты и благодарности, есть почтовые открытки. Вещевой фонд не так насыщен: посуда для сервировки столов, фотоаппараты и кинокамера. Но к перечисленному, что совершенно оправдано, следует добавить и то, что имеет опосредованное отношение к теме: документы, фотографии, награды, личные вещи, реликвийные предметы и др. материалы различных периодов боевой деятельности, довоенной и послевоенной жизни людей, которые были связаны с подготовкой и проведением конференции. Это позволяет увеличить коллекцию, по крайней мере, в пять раз.

Общеизвестно, что эскадра, катера, подводные лодки и авиация ЧФ контролировали прибытие в Севастополь и Ялту кораблей союзников и обеспечивали перелет делегаций на аэродром Саки, который стал для них «воротами в Ялту». Там были подготовлены обе полосы, способные принять самолеты всех типов, аэронавигационное оборудование, места стоянок, прикрывавшиеся истребительной авиацией и зенитными батареями. Бесперебойно действовал и узел связи аэродрома, который, как и сам аэродром, находился под усиленной охраной. Это подтверждает пропуск на право входа на аэродром и хождения по территории его служебных помещений, действительный по 15 февраля и подписанный командиром авиагарнизона капитаном С. Котовым, лейтенанта Африкана Силина, начальника радицентра узла связи ПВО ЧФ. В музее имеются также несколько фотографий лейтенанта А. Силина, участника обороны и освобождения Севастополя, сделанные в 1941 – 1945 гг. Проверить готовность аэродрома накануне прилета гостей из Симферополя прибыл В. Молотов. На фотографиях музейного фотофонда он изображен рядом со своим заместителем А. Вышинским, командующим ВВС ВМФ маршалом С. Жаворонковым, командующим ВВС ЧФ генерал-полковником В. Ермаченковым, госсекретарем США Э. Стеттиниусом и послом США в СССР А. Гарриманом.

Ф. Гусев, посол СССР в Великобритании, вспоминая февральские дни, отмечал то большое волнение, с которым каждый присутствующий на аэродроме ожидал прибытия союзников. Оно было связано с тем, что все ощущали себя *«причастными к событиям огромной исторической важности, ведь от исхода встречи зависели судьбы мира»* [2].

3 февраля в Саках один за другим приземлились самолеты Ф. Рузвельта и У. Черчилля. На фотографиях, сделанных Б. Шейниным и переданных им в музей, запечатлены самолет Ф. Рузвельта «Sacred Cow»; торжественная встреча гостей, о которой У. Черчилль писал: *«Мы инспектировали почетный караул; президент, сидя в открытой машине, а я – шагая рядом»* [3] и в ходе которой адмиралу У. Леги запомнился оркестр, игравший великолепную музыку и имевший необычные знамена; обсуждение В. Молотовым, маршалом авиации С. Худяковым, начальником штаба ВВС Красной Армии, адмиралом Н. Кузнецовым, наркомом ВМФ, комиссаром госбезопасности К. Павловым, ответственным за передвижение кортежей делегаций, У. Черчиллем, Ф. Рузвельтом и Э. Стеттиниусом различных вопросов, в том числе и маршрута движения на Южный берег Крыма.

Для обеспечения охраны и безопасности переездов и пребывания союзных делегаций весь район их возможного нахождения был разбит на пять секторов: Саки-Симферополь, Симферополь, Симферополь-Алушта, Алушта-Ялта-Байдары, Байдары-Севастополь. В музее имеется фотография краснофлотца Юрия Громова, радиста узла связи штаба ЧФ и его пропуск на право свободного передвижения в зоне особого района, заверенный печатью сектора №5, подписанный начальником охраны района С. Кругловым, зам. наркома внутренних дел. Тем самым, который за работу по обеспечению конференции был награжден американской медалью и английским орденом Бани с присвоением «звания рыцаря-командора этого ордена», т.е. перед его именем надо было бы писать слово «сэр».

Такие пропуска предъявлялись на контрольно-пропускных пунктах (КПП), их было семь на дорогах, которые охраняли 2500 бойцов и оперработников, а в дни переездов глав делегаций еще 3000 человек. Союзники делали пропуска-удостоверения сами, причем американцы отдельно печатали пропуска, отличные по

цвету, для представителей группы обеспечения (члены экипажей самолетов, техники) и для членов делегаций. В наших фондах – образцы пропусков американской и британской делегаций, которые оставались на КПП для проверки подписей комендантов штабов союзников и сличения их с предъявляемыми. Образец пропуска английской делегации, имеющийся у нас, предназначался для тех, кто прибыл на кораблях, т.к. указан номер палубы и каюты. Эти пропуска передала в музей семья В.П. Лебединца, (в 1945 г. – лейтенанта госбезопасности, а с 1952 по 1983 гг. – начальника управления кинофикации Севастополя), как и его награды, личные документы и фотографии. На одной из них Валентин Прокофьевич снят вместе с актрисой Ниной Дробышевой на палубе крейсера «Михаил Кутузов» в 1969 г. во время всесоюзного кинофестиваля, который проходил в Севастополе.

О завершении переезда У. Черчилль писал: *«Когда мы пересекли горы и спустились к Черному морю, мы вдруг почувствовали тепло, яркий солнечный свет. Климат здесь очень мягкий»* [4]. Хотя ранее, в поисках причин почему бы не ехать в Крым, премьер-министр заявлял, что там вши, свирепствует тиф и погода мерзкая. Как известно, делегации разместились: Великобритания – в Алушке, США – в Ливадии, СССР – в Кореизе. Об этом рассказано в газете Приморской армии «Вперед за Родину» от 23 марта 1945 г., которую передал в музей лейтенант Иван Мартынов, начальник авторемонтных мастерских Приморской армии, участник освобождения Севастополя в 1944 г. В 1945 г. он командовал специальной авторотой, обеспечивавшей работу конференции. В статье «По историческим местам Крымской конференции» военкора Дмитрия Холендро помещена фотография Воронцовского дворца и комментарий: *«Перед парадным входом – белые мраморные скамеечки, окутанные зеленью самшита»* [5]. Интересно, что на фотографиях 1945 г., переданных в музей самим автором, он запечатлен на фоне этих самых скамеек и львов Южной террасы дворца.

Статья иллюстрирована и фотографией, сделанной еще одним участником освобождения Севастополя, фотокорреспондентом газеты 2 гв. армии «В атаку», Леонидом Яблонским. На ней изображен Юсуповский дворец, где, как известно, разместилась советская делегация. Там во всех корпусах были подготовлены

50 комнат, организован узел связи, который обеспечивал связь с Москвой, фронтами. Была и внутренняя АТС, и АТС, которая поддерживала связь с английской, американской делегациями, с портами и аэродромами. В фондах музея – фотографии Лидии Балицкой, телеграфистки-бодистки этого узла связи, а в 1941-1942 гг. – участницы обороны Севастополя, ефрейтора 110 полка связи Приморской армии и ее пропуска. Один на право хождения по хозяйственной территории объекта, подписанный ответственным за безопасность особняка комиссаром госбезопасности А. Медведевым, другой – на право входа на объект, подписанный начальником личной охраны И. Сталина, комиссаром госбезопасности Н. Власиком. Кроме этого, Л. Балицкая передала в музей красноармейскую книжку, комсомольский билет, удостоверения, увольнительную записку и др. материалы.

И еще один документ, переданный в музей женщиной-воином (которые, кстати говоря, так умиляли У. Черчилля и его дочь Сару) Пелагеей Истоминой. Это листовка с решениями конференции, отпечатанная через день после ее окончания – 13 февраля. Есть и фотографии П. Истоминой, мастера артвооружения авиаэскадрильи 31 гв. истребительного авиаполка 6 гв. истребительной авиадивизии 8 Воздушной армии.

Решения конференции вырабатывались в жарких дебатах на восьми заседаниях. Эпизоды некоторых из них запечатлены на 30 фотографиях, поступивших в фонды от уже упомянутого наркома внутренних дел Крыма Георгия Каранадзе.

Но не духом единым жив человек, даже если он президент или премьер-министр. В музее хранятся тарелка и блюдо, использовавшиеся для сервировки стола во время трапез участников конференции. Говорят, что Ф. Рузвельту очень нравился борщ. А Николай Власик утверждал, что *«все ожидания превзошли настоящие большие бутерброды, обильно намазанные маслом и икрой», которые он приказывал делать вместо традиционных для англичан и американцев крошечных сэндвичей»* [6].

После окончания конференции президент и премьер-министр с сопровождающими их лицами посетили Севастополь. Существует предположение, что И. Сталин «разрешил этот визит специально, чтобы показать на примере почти полностью разру-

шенного города масштаб урона, нанесенного СССР фашистской Германией». Если это так, то задуманное удалось на все 100%. К сожалению, в музее нет ни одной фотографии (и ни в одном издании, имеющемся в распоряжении музея тоже нет; а та, о которой говорил севастопольский краевед М. Лезинский, все-таки сделана не в Севастополе), на которой был бы изображен Ф. Рузвельт в Севастополе. Это может быть объяснимо тем, что он был в Севастополе только вечером 11 и утром 12 февраля, переночевав на корабле связи «Кэтоктин» и, по свидетельству адмирала Н. Кузнецова, видел окрестности Севастополя (Лабораторное шоссе, Корабельную сторону, Ушакову балку) из машины и центр Севастополя с борта корабля, оценив степень разрушения. По мнению президента, которым он поделился с первым секретарем севастопольского горкома ВКБ (б) П. Лесиком (у нас хранятся его орден Красной Звезды, медали, знаки, документы, фотографии), она была такова, что только на восстановление ушло бы 50 лет и то в случае помощи США. В фондах музея огромное количество негативов и фотографий, на которых запечатлен разрушенный город. Ведь еще в «Итоговом донесении штаба 11 немецкой армии в штаб армий «Юг» от 4 июля 1942 г. в последней строке преамбулы документа было сказано: *«... Севастополь превращен в груды руин...»* [7].

У. Черчилль же задержался в городе на два дня. Он не мог не посетить места, связанные с историей своей страны, с участием Соединенного Королевства в Крымской войне: «долину смерти» (Балаклавскую), где, по мнению некоторых (а они ссылаются на адмирала Н. Кузнецова), погиб его предок, тоже из рода герцогов Мальборо; английское кладбище на Каткартовом холме; Балаклаву, главную базу британского флота в 1854-1855 гг. (фотография находится в фондах). Был он и в разрушенном здании Панорамы (на снимке, имеющемся в нашем фонде, премьер-министр изображен на ступеньках здания) и на крейсере «Ворошилов». Правда, он не мог видеть могилу лорда Ф. Раглана, как утверждал в своем дневнике [8], т.к. тот был увезен в Англию и похоронен там, в фамильном склепе Бэдминтона. Скорей всего речь идет об одной из мемориальных досок на хуторе Бракера, главной квартиры экспедиционного корпуса, где сообщалось о смерти главнокомандующего.

Интересовали англичан и события, связанные с боями за Севастополь в 1941–1944 гг. Они посетили Сапун-гору, проехали по рубежам севастопольского плацдарма, осмотрели разрушенный город и были потрясены увиденным. И фраза У. Черчилля «о, сколько здесь пролито крови!», по свидетельству очевидцев, относится к судьбе Севастополя, как в XIX, так и в XX веке. Сопровождавшие премьер-министра фельдмаршалы А. Брук, начальник имперского генштаба, Г. Александер, верховный главнокомандующий войсками союзников на Средиземном море, Г. Вильсон, начальник британской военной миссии в США, адмирал флота Э. Кэннингхем, первый морской лорд и др. члены делегации заслушали доклад генерала П. Моргунова, коменданта Береговой обороны Главной базы ЧФ, одного из руководителей обороны Севастополя в 1941–1942 гг. Он вспоминал: *«Их интересовали истоки героизма воинов, защищавших город. Они были убеждены, что речь может идти либо о больших днях, либо о страхе перед комиссарами»* [9].

По примеру руководителей осматривали город американские и английские моряки и летчики. На фотографиях, сделанных фотокорреспондентами А. Межуевым и Б. Шейниным, они запечатлены на Сапун-горе, тогда еще голой, у памятника 51 армии, у входа на Малахов курган и на самом кургане, у Владимирского собора на центральном городском холме, на Историческом бульваре перед зданием Панорамы, на Графской пристани, на улицах города, осматривающими трофейную технику. А доставляли их с кораблей на берег, равно как и наших моряков на корабли союзников на катерах ЧФ. Один из своих снимков Алексей Межуев так и назвал «В гости». А вот на любительской фотографии можно увидеть, как американцы на причале «Угольная стенка» встречают наших моряков с самодельным плакатом «Привет черноморцам!». Интересно, что вместо русской буквы «Ч» на плакате написана английская «У». На другой фотографии – командование эскадры ЧФ и командиры кораблей на борту «Кэтоктина». Среди приглашенных – вице-адмирал С. Горшков, командующий эскадрой, контр-адмирал Г. Громов, начальник связи ЧФ и капитан 1 ранга В. Мельников, начальник оперотдела эскадры, передавший нам этот снимок.

12 февраля в Доме офицеров флота командованием ЧФ был устроен банкет. На фотографиях фотофонда музея – здание ДОФа, перед которым собрались гости, накрытые столы на втором этаже, группы американских, английских и советских моряков, среди которых старшина Василий Заика, линотипист газеты «Красный Черноморец», Герои Советского Союза летчик Михаил Авдеев, подводники Михаил Грешилов (в его персональном фонде 15 фотографий, 5 листовок, плакат), который пользовался особой популярностью из-за своей экзотической внешности (окладистой бороды) и красавец–осетин Астан Кесаев (в его личном деле 20 фотографий и негативов, листовки, газеты, грамоты). Большинство фотографий на банкете было сделано фотокорреспондентом А. Соколенко, как и последняя в этот день, где на Графской пристани запечатлены рулевые катеров – представители трех наций–союзниц по антигитлеровской коалиции, как подтверждение взаимопонимания и сотрудничества.

Советское правительство высоко оценило вклад черноморцев в обеспечение успешного проведения Крымской конференции, наградив орденами и медалями причастных к этой работе, отметив грамотами отличившихся. Таких грамот, врученных от имени наркома иностранных дел В. Молотова, в музее 14. Среди них грамоты майору Николаю Кошелькову, командиру эскадрильи 11 штурмового авиаполка ВВС ЧФ, а его самого можно увидеть на фотографии 1944 г., сделанной фотокорреспондентом Н. Асниным. И ст. лейтенанту Иллиодору Горячеву, механику по фотооборудованию 119 полка авиации флота, который на фотографии, переданной в наши фонды, изображен на крыле самолета, подаренного полку трудящимися Свердловской области. Грамота Горячеву подписана командиром полка майором Иваном Локинским. А он сам – на фотографии среди командиров авиачастей, принимавших участие в обеспечении работы конференции. Она была сделана в тот же день, когда высокие гости покинули полуостров.

Перед отлетом У. Черчилль, вновь обойдя строй почетного караула, произнес речь, закончив ее словами: *«Покидая воскресный Крым, очищенный от гуннов благодаря русской доблести, я выражаю восхищение русским народом и его армией, испытываемое британской расой... Мы молимся, чтобы русский народ никогда*

более не подвергался тяжелым испытаниям, из которых он вышел с такой славой» [10]. Через две недели, выступая в конгрессе США, Ф. Рузвельт скажет: «Я читал о Варшаве, Лидице, Ковентри, но я видел Севастополь...и я знаю, что на земле не могут существовать одновременно германский милитаризм и христианское приличие» [11].

Когда осмысливаешь эти слова и в целом решения Ялтинской конференции в свете англо-американо-российских отношений наших дней, то с печалью констатируешь правоту участника конференции, дипломата, публициста и историка И.М. Майского, который в своих воспоминаниях написал: «Какой же фантастической сказкой звучат сейчас они» [12].

Не менее печально говорить о том, что мы не можем показать нашу коллекцию по Крымской конференции, как и многое другое из более чем 70 000 музейных предметов по периоду Великой Отечественной и 2 Мировой войн гостям Севастополя, создав отдельную экспозицию или стенд в действующей экспозиции, или стационарную выставку из-за отсутствия площадей. А Мемориал героическим защитникам Севастополя в 1941-1942 гг., строительство которого ведется на м. Хрустальном с переменным успехом с 1973 г., так и не построен, более того, в правительстве и законодательном собрании города постоянно муссируется вопрос о целесообразности его возведения. И Севастополь остается единственным городом-героем на постсоветском пространстве, который не имеет музея, ни монументального, ни просто приличествующего званию, посвященного тем событиям, за которые он, собственно, и получил звание город-герой. Это нонсенс, и это непроходящая боль Государственного музея героической обороны и освобождения Севастополя. Но мы все-таки надеемся, что справедливость восторжествует, и память защитников города будет увековечена в большой экспозиции Мемориала.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Громько А.А. Памятное : В 2 кн. Кн. 1. М., 1991. С. 185
2. Цит. по: Юрченко С.В. «Большая тройка» и другие официальные лица. Крымская конференция 1945 года в портретах ее участников. Севастополь, 1995. С. 45
3. Черчилль У. Вторая мировая война : В 3 кн. Кн. 3. М., 1991.С. 511
4. Черчилль У. Ук. соч. С. 511
5. Фонды ГМГООС. А 20920
6. Власик Н.С. Воспоминания о И.В. Сталине. URL: <http://www.runivers.ru/vestnik/issues/9123/479238/> (дата обращения: 17.02.2016)
7. ЦГАВО (центральный государственный архив высших органов власти и управления) Украины. Ф. КМ 7-8. Оп. 2. Д. 418. Л. 155.
8. Черчилль У. Ук. соч. С. 540
9. Моргунов П.А. Воспоминания. Личное дело. //Фонды ГМГООС. А 15495
10. Цит. по: Гуркович В.Н. Крымская конференция 1945г. Памятные места. Симферополь, 11. 1995. С. 7
11. Цит. по: Гуркович В.Н. Ук. соч. С. 43
12. Майский И.М. Воспоминания советского дипломата. 1925 – 1945. М., 1987. С. 757

*Д.Н. Барышников,
кандидат политических наук,
доцент кафедры Мировой политики
факультета международных отношений СПбГУ
(г. Санкт-Петербург)*

МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОНФЕРЕНЦИИ ГЛАВ ГОСУДАРСТВ АНТИГИТЛЕРОВСКОЙ КОАЛИЦИИ В 1943-1945 ГОДАХ: ОПЫТ ДЛЯ ДИПЛОМАТИИ САММИТОВ XXI ВЕКА

***Аннотация.** Темой доклада является проблема современной трансформации международных саммитов как формы двусторонней и многосторонней дипломатии. Рассматривается возможность использования опыта международных конференций в период Второй мировой войны с участием лидеров «Большой тройки» для повышения эффективности современных саммитов.*

***Ключевые слова:** саммит, дипломатия, международная конференция, Вторая мировая война.*

***Summary.** The conference paper is focused on the problems of transforming political summits as a form of bilateral and multilateral diplomacy. The author puts under consideration feasibility of using the Second World War conferences involving the “Big Three” leaders for enhancing the effectiveness of nowadays summits.*

***Keywords:** summit, diplomacy, international conference, the Second World War.*

Третье тысячелетие предъявляет человечеству новые, все более сложные вызовы и угрозы во всех областях общественно-политического развития. В международных отношениях рассуждения о необходимости поиска эффективных механизмов мирного урегулирования споров и разрешения проблем мирового развития давно стали общим местом политических деклараций и заключений экспертов. С конца XX века особое значение и интенсивность приобретает такая форма двусторонней и многосторонней дипломатии, как встреча на высшем уровне или саммит. Так, согласно подсчетам американских исследователей, президент Б. Клинтон в период с 1993 по 2000 годы совершил 133 зарубежных визита. Это больше, чем общее число визитов президентов Д. Эйзенхауэра, Дж. Кеннеди, Л. Джонсона и Р. Никсона [12, 510]. При том что встреча на высшем уровне, как таковая, не является чем-то новым в дипломатической практике, ее современное значение и отличительные характеристики претерпевают заметные трансформации под влиянием процесса глобализации, в первую очередь, в его технологическом и информационно-коммуникационном измерениях [12, 501; 1].

В этой связи весьма перспективным представляется обращение к историческому опыту успешных дипломатических встреч и переговоров в верхах и его соотнесение с практикой современных саммитов. Представляется, что по ряду ключевых характеристик международные конференции лидеров стран антигитлеровской коалиции в период 1943-1945 годов являются примерами одних их самых успешных саммитов в истории, принимая во внимание глобальное значение принятых в ходе них решений и продолжительность исторического периода, в течение которого эти решения сохраняли свое значение.

Считается, что понятие «саммит» закрепилось в английском дипломатическом словаре с февраля 1950 года, когда впервые употребленное в отношении встречи на высшем уровне У. Черчиллем в его речи в Эдинбурге оно стало общеупотребимым с легкой руки британских журналистов [9, 229]. В русскоязычном политическом лексиконе это понятие закрепляется после холодной войны, приобретая, как и многие другие англоязычные заимствования, статус профессионального жаргонизма, означающего встречу в верхах, главным образом, в новейший период.

Между тем, в подтверждение известной мысли о том, что абсолютных синонимов в языке не существует, практика многосторонней дипломатии в наши дни свидетельствует о том, что современные саммиты имеют ряд своеобразных черт по сравнению со встречами в верхах в прежние эпохи.

Прежде всего, следует отметить ряд объективных факторов, способствующих росту числа и интенсивности саммитов в современных международных отношениях.

В первую очередь, это формирование общепризнанной глобальной повестки дня. Новые планетарные вызовы и угрозы в области военной, энергетической и информационной безопасности, состояние окружающей среды и гуманитарные катаклизмы требуют регулярного личного участия политических лидеров во многих международных встречах и переговорах. Пассивное или опосредованное отношение лидера к формированию глобальной повестки дня или разрешению насущных проблем современности сегодня могут восприниматься международным сообществом как признак слабого или безответственного игрока на международной арене. Кроме того, продолжают развиваться многосторонние форматы планового международного сотрудничества в рамках международных организаций, дипломатических конференций и форумов, многие из которых проходят в форме регулярных или возобновляемых саммитов, а некоторые, как, например, Совет Европейского Союза, являются одним из юридически установленных механизмов функционирования этого наднационального института [11]. Таким образом, в современной практике многосторонней дипломатии можно выделить две разновидности саммита: т.н. саммиты *ad hoc* и возобновляемые [9, 229].

Другим важнейшим импульсом к развитию многостороннего формата дипломатии с участием глав государств и правительств в современном мире стало беспрецедентное развитие средств транспорта и информационно-коммуникационных технологий. Возможность оперативного планирования и организации визита или встречи самого высокого уровня практически в любой точке планеты приводит к тому, что многие политические лидеры стремятся принять личное участие во многих международных событиях. Практика прямой трансляции любых более или менее

значимых дипломатических мероприятий средствами массовой информации также подталкивает глав государств и правительств к тому, чтобы принять в них участие или, по крайней мере, публично отреагировать на важнейшие международные новости.

Оценивая ход и содержание многочисленных саммитов последних лет, исследователи, в том числе, отмечают и сомнительные тенденции в их развитии. Прежде всего, это нарастающая частота проведения и рутинизация встреч на высшем уровне, начиная с ежегодной сессии Генеральной Ассамблеи ООН и заканчивая региональными двух- или трехсторонними саммитами [8, 108-109; 10, 93]. Повестка дня многих современных саммитов поверхностна, решения и итоговые документы носят декларативный, отвлеченный характер. В условиях преобладания многостороннего формата большинства встреч на высшем уровне приходится говорить также о немалых расходах и инфраструктурных издержках, связанных с проведением мероприятий с участием глав государств и правительств.

В большей степени оправдывают свое значение незапланированные саммиты, организуемые чаще всего по чрезвычайным поводам, как, например, Минская встреча на высшем уровне 11-12 февраля 2015 года по урегулированию конфликта на Украине, в ходе которой, несмотря на противоречия в позициях сторон, удалось создать политико-правовой фундамент для дальнейшего преодоления кризиса [3].

Для лучшего понимания и максимально эффективного использования саммитов как высшей формы дипломатического взаимодействия в современном мире представляется перспективным обратиться к опыту регулярных встреч на высшем уровне с участием политических лидеров ведущих государств мира в период Второй мировой войны, в первую очередь, в рамках международных конференций с участием И.В. Сталина, Ф.Д. Рузвельта и У. Черчилля – главных союзников по антигитлеровской коалиции.

При очевидной неприменимости исторических условий и личностных обстоятельств союзнических конференций 1940-х годов к практике саммитов в XXI века, представляется бесполезным рассмотреть результаты этих встреч с точки зрения оценки их эффективности и долговременности.

Первым фундаментальным фактором, предопределившим использование встреч на высшем уровне в качестве важнейшего инструмента союзнической дипломатии, безусловно, стало то обстоятельство, что все три державы находились в состоянии открытой войны с одними и теми же противниками во главе с гитлеровской Германией. В условиях военного конфликта, когда главным на повестке дня внешней и внутренней политики страны является вопрос выживания, резко повышается персональная ответственность политических лидеров и, прежде всего, главы государства, являющегося, как, например, И.В. Сталин и Ф.Д. Рузвельт, верховным главнокомандующим вооруженных сил.

Другим важнейшим обстоятельством, способствовавшим превращению встреч союзников на высшем уровне в главный инструмент дипломатического взаимодействия, безусловно, стало влияние принятых ими решений на судьбы всего мира, поскольку речь шла об участии в войне мощного государства, теряющего свои позиции (Великобритания), и двух нарождающихся сверхдержав, имевших собственное видение послевоенного мироустройства (СССР и США).

Кроме того, одним из ведущих препятствий для установления полноценного международного диалога в предвоенный период между главными союзниками было идеологическое противостояние СССР с США и Великобританией. Не стоит также забывать об известных исторических и геополитических разногласиях между западными союзниками, проявившихся, в частности, в неготовности Великобритании отказаться в ходе войны от статуса мировой державы в пользу США и одновременно неспособности Лондона противостоять Германии без союза с Вашингтоном. Для преодоления такого непростого политико-идеологического фона в отношениях между союзниками, в условиях мировой войны усилий традиционной профессиональной дипломатии, очевидно, было недостаточно.

Представляется, что перечисленные факторы в первую очередь предопределили использование личных встреч политических лидеров СССР, США и Великобритании как одного из ключевых дипломатических инструментов их военно-политического союза.

Со дня нападения Германии на Советский Союз формирование антигитлеровской коалиции проходило при непосредственном участии политических лидеров. Из 21 межсоюзнической конференции в период с августа 1941 года (Атлантическая конференция) по август 1945 года (Потсдамская конференция), 15 состоялись с участием лидеров государств-союзников. Решающее значение для судеб войны и послевоенного мира играли конференции в Тегеране, Ялте и Потсдаме, поскольку в них участвовали руководители всех трех государств — главных союзников по антигитлеровской коалиции.

Представляется, что ход и результаты этих трех конференций наглядно демонстрируют возможности и назначение дипломатии саммитов, даже с учетом временной отдаленности и исторической специфики периода Второй мировой войны.

Итоги Тегеранской конференции 1943 года свидетельствуют о подлинном прорыве в отношениях союзников, поскольку, впервые общаясь лично все вместе, И.В. Сталин, Ф.Д. Рузвельт и У. Черчилль имели возможность обсудить первые успехи коалиции на фронтах и наметить военно-политические планы на будущее [4, 628-630]. Очевидно, что залогом успешных договоренностей в ходе конференции стали решающие успехи Красной армии в Сталинградской битве и на Курской дуге. Вместе с тем, позволим себе предположить, что достижение такого ключевого соглашения как «Военные решения Тегеранской конференции», в которой однозначно утверждаются перспективы и сроки открытия второго фронта, вряд ли были бы достижимы в течение четырех дней переговоров без участия высших политических руководителей. [6,173]. Присутствие и ведущая роль на конференции И. В. Сталина, Ф. Д. Рузвельта и У. Черчилля способствовали также доверительному и ответственному обсуждению таких важных аспектов продолжения войны как будущее участие СССР в войне с Японией, возможность вступления Турции в антигитлеровскую коалицию и т. д. [6, 89-168, 173]. Таким образом, Тегеранская встреча обозначила достижение и наметила стратегические цели дальнейшего взаимодействия союзников по итогам прямого обмена мнениями и подписанием итоговых документов лидерами союзных держав.

Особое значение для хода Второй мировой войны и послевоенного мироустройства, как известно, имела Крымская (Ялтинская) конференция руководителей стран антигитлеровской коалиции 4-11 февраля 1945 года. И вновь следует отметить, что сама повестка дня, ход и результаты этой исторической встречи определялись участием политических руководителей ведущих союзных государств. Не отрицая огромного вклада в успех конференции глав внешнеполитических ведомств, послов и военных трех держав, следует отметить, что исторический масштаб и значение принятых решений соответствовали уровню принятия решения только первыми лицами: совместное заявление об окончательном разгроме и оккупации Германии, «Декларация об освобожденной Европе» и, наконец, четкая политическая договоренность о созыве Конференции в Сан-Франциско 24 апреля 1945 года для подготовки Устава Организации Объединенных Наций, соответственно положениям, выработанным во время переговоров в Думбартон-Оксе [7, 245-253]. Достижения и историческое значение ялтинских соглашений стали апогеем личной дипломатии «Большой тройки», о чем упоминали сами участники и современники тех событий [5, с. 417].

Конференция в июле-августе 1945 года в Потсдаме стала завершающим аккордом в серии встреч на высшем уровне с участием лидеров трех союзных держав. Ее ход и общая атмосфера на переговорах были принципиально иными по сравнению с Тегераном и Ялтой.

Во-первых, конференция проходила после разгрома и капитуляции главного противника союзников, гитлеровской Германии, и на ее территории. Это нивелировало военную заинтересованность союзников вдруг в друге и, наоборот, обострило борьбу интересов в вопросах контроля над территорией Германии, доступа к ее ресурсам и влияния на ее будущее политическое устройство.

Во-вторых, по сравнению с ялтинской встречей позиции союзников претерпели серьезные изменения в отношении роли государств на завершающем этапе мировой войны. Проведя успешные испытания атомной бомбы одновременно с переговорами в Потсдаме, США более не нуждались в участии СССР в войне с Японией, так как победа над ней стала фактически решенным вопросом [5, 687]. Другое важное противоречие на завершаю-

щем этапе войны наметилось в отношениях между Соединенными Штатами и Великобританией, поскольку желание последней сохранить статус великой колониальной державы столкнулось с планами глобального присутствия и контроля со стороны США [2, 517-519]. Кроме того, оба западных союзника опасались чрезмерного усиления влияния в мире СССР и, как следствие, распространения в мире левых идей и движений.

Наконец, принципиально важным моментом стало исчезновение личного фактора в отношениях лидеров, сложившегося и игравшего особую роль в ходе их встречах во время войны. Приход в Белый дом Г. Трумена, ставшего президентом США после смерти Ф.Д. Рузвельта 12 апреля 1945 г., и смена К. Черчилля К. Эттли на посту премьер-министра уже по ходу Потсдамской конференции, 26 июля 1945 г., не способствовали поиску взаимоприемлемых решений на фоне обострившихся противоречий между союзниками в стиле «Большой тройки» периода совместной борьбы с нацистской Германией.

Тем не менее, Конференция союзных держав в Берлине выполнила свою миссию по организации последнего этапа Второй мировой войны и подведению ее главных итогов. Разумеется, предчувствие близкой победы и известная эйфория среди союзников не уничтожили глубинных противоречий между ними, но основы военного альянса трех держав и ключевые договоренности их лидеров позволили успешно завершить войну на всех фронтах и создать фундамент нового миропорядка на десятилетия вперед.

Опыт двусторонних и многосторонних встреч политических руководителей государств в период Второй мировой войны, конечно же, невозможно буквально применить к международно-политической повестке, системе и технологиям дипломатических отношений в XXI веке. Вместе с тем, в условиях известной девальвации современных саммитов и одновременно растущей потребности в эффективном разрешении глобальных проблем с участием мировых лидеров, необходим и возможен пересмотр основных параметров этого действенного формата международного сотрудничества, в том числе, с учетом опыта встреч «Большой тройки».

Представляется, что в первую очередь целесообразность проведения саммита должна определяться тщательно проработан-

ной повесткой дня. Встречи и совместные декларации политических лидеров даже по самым острым вопросам без прорывных, юридически обязывающих решений, не имеют смысла.

Как следствие, саммиты не должны организовываться слишком часто, становясь рутинным явлением мировой политики, когда главы государств и правительств в рамках форума или международной организации встречаются, следуя календарному плану, обмениваются мнениями, но стратегических решений не принимают.

И напротив, осознание собственной ответственности и стратегического характера документов, принимаемых на встречах политических лидеров, будут способствовать усилению внутригосударственной и международной легитимности принимаемых решений, конечно же, при соответствии повестки дня и условий проведения саммита нормам международного права.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. *Барышников Д. Н.* Трансформация дипломатии в условиях глобализации // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета, № 1, 2012. – сс. 405-407.
2. *Березков В.М.* Страницы дипломатической истории: 4-е изд. – М.: Междунар. отношения, 1987. – 616 с.
3. Декларация Президента Российской Федерации, Президента Украины, Президента Французской Республики и Канцлера Федеративной Республики Германия в поддержку Комплекса мер по выполнению Минских соглашений, принятого 12 февраля 2015 года [электронный ресурс]. – URL: <http://kremlin.ru/supplement/4803> (дата обращения: 14.02.2016).
4. *Печатнов В.О., Магадеев И.Э.* Переписка И.В. Сталина с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем в годы Великой Отечественной войны. Документальное исследование, Т. 1. – М.: ОЛМА Медиа групп, 2015. – 656 с.
5. *Печатнов В.О., Магадеев И.Э.* Переписка И.В. Сталина с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем в годы Великой Отечественной войны. Документальное исследование, Т. 2. – М.: ОЛМА Медиа групп, 2015. – 768 с.
6. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: Сборник документов, Т. 2. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (28 ноября – 1 дек. 1943 г.) / М-во иностр. дел СССР. – М.: Политиздат, 1978. – 198 с.
7. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941 – 1945 гг.: Сборник документов, Т. 4. Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (4–11 февр. 1945 г.) / М-во иностр. дел СССР. – М.: Политиздат, 1984. – 302 с.
8. *Barston R.P.* Modern Diplomacy. – Person Education, 1997. – 308 PP.
9. *Berridge G.R., James A.* A Dictionary of Diplomacy. – N.-Y.: Palgrave, 2001. – 270 PP.
10. *Jönson Ch., Hall M.* Essence of Diplomacy. – N.-Y.: Palgrave MacMillan. 2005. – 207 PP.
11. Rules of Procedure of the European Council of 1st December 2009 (2009/882/EU) // Official Journal of the European Union, En. - 2 December 2009.
12. *Wilson T.A.* Summit Conference // DeConde A., Burns R.D., Logevall F. (Eds.). Encyclopedia of American Foreign Policy: Studies of the Principle Movements and Ideas. – 2nd edition, Vol. 3 (O-W). - N.-Y.: Charles Scribren's Sons, 2002. – PP. 501-5012.

ГЛАВА БРИТАНСКОЙ ВОЕННО-МОРСКОЙ МИССИИ В СССР КОНТР-АДМИРАЛ Э.Р. АРЧЕР

***Аннотация.** Статья посвящена вопросам военного сотрудничества между СССР и Великобританией во время Второй мировой войны. Рассматривается деятельность британской военной миссии в СССР во время войны. Особое внимание уделено адмиралу Э. Арчеру, который принимал участие в работе Крымской конференции лидеров стран антигитлеровской коалиции в 1945 году, военной карьере адмирала, его службе на посту главы британской миссии в 1944-1945 гг.*

***Ключевые слова:** военная миссия, флот, сотрудничество, СССР, Великобритания.*

***Summary.** This article focuses on the issues of military cooperation between the USSR and Britain during the second world war. The article discusses the work and activities of the British military mission, its leaders in wartime and due to the nature of the Soviet system. Special attention is given to Admiral Ernest Russell Archer, who took part in the Crimean conference of the three heads of anti-Hitler coalition in 1945, his military career and the work at the head of the British mission in 1944-1945.*

***Keywords:** military mission, navy, cooperation, USSR, Great Britain,*

Великая Отечественная война явила собой не только примеры героического самопожертвования советских людей и показала непобедимость духа, как советских людей, так и силу советского оружия. Необходимо заметить, что она явила миру и примеры сотрудничества, часто очень разных, как по духу и идеологии, так и по чисто специфичным различиям и особенностям государств. Речь идет о создании широкой коалиции против фашистской Германии, которая была сформирована в очень трудных условиях и фактически предопределила успешное завершение Второй мировой войны и победу США, СССР и Великобритании над блоком стран «Оси». Важным фактором в деле сотрудничества стало создание института военных миссий держав – участниц антигитлеровской коалиции. Обладая достаточно широкими полномочиями на месте, они должны были решать возникающие проблемы в сфере стратегического планирования, организовать обмен информацией и налаживать контакты среди высшего военного и политического руководства страны пребывания, обеспечивать сотрудничество в военно-технической сфере (обеспечивая поставки сырья, военных материалов и вооружения), координировать вопросы краткосрочного и долгосрочного планирования, обмен разведывательной информацией.

Создание военных миссий союзников фактически было предопределено самой войной, а точнее, ее катастрофическим началом. Но, говоря о начальном периоде ВОВ, мы должны также помнить и о факторах большой политики. Возникновение второго фронта на востоке несомненно отдаляло угрозу германского вторжения на Британские острова и позволяло получить столь необходимую передышку, как для вооруженных сил, так и для населения (речь идет о снижении интенсивности боевых действий непосредственно над территорией Великобритании).

Военно-политическое руководство Британской империи это осознавало, и потому вновь обретенный союзник был для нее жизненно необходим. В то же время стало сразу понятно, что с учетом того размаха стратегических операций, количества личного состава и техники, вовлеченных в боевые действия, необходима другая структура, отличная от аппарата военного атташе и ориентированная на решение чисто военных вопросов. В июне 1941 года в Москву прибыла специальная британская военная

делегация, которую возглавляли генерал-лейтенант Мэйсон Макфарлейн и контр-адмирал Джеффри Майлз. Во время своего пребывания члены делегации провели ряд встреч среди высшего военного и политического руководства СССР, в том числе с главой Советского государства И.Сталиным, народным комиссаром иностранных дел В.Молотовым и наркомом военно-морского флота, адмиралом Н.Кузнецовым. Именно тогда был подписан документ, заложивший основы военно-технического и политического сотрудничества между двумя государствами. 12 июля 1941 года подписано «Соглашение о совместных действиях правительства Советского Союза и правительства Его Величества в Великобритании в войне против Германии». Это соглашение фактически инициировало начало двусторонних переговоров в военно-технической сфере, хотя на начальном этапе британские союзники довольно прохладно отнеслись к пожеланиям и предложениям советской стороны. Практически сразу после подписания соглашения в Великобританию была отправлена советская военная миссия во главе с генералом Ф. Голиковым (зам. начальника Генерального штаба) и контр-адмиралом Н.Харламовым, имевшая в своем составе специалистов практически по всем родам вооруженных сил: военно-морская группа, группа по авиации и сухопутным силам.

Говоря о деятельности британской военной миссии мы, конечно, не можем не коснуться и того важного фактора, который, несомненно, влиял и часто предопределял взаимоотношения членов миссии с советскими официальными лицами и представителями — это идеология. Этот фактор часто омрачал контакты и вносил дезорганизующий элемент в систему сотрудничества. Накладывал свой серьезный отпечаток и тот факт, что совсем недавно обе стороны стояли по разные стороны барьера и отстаивали совершенно противоположные цели и взгляды. Однако, несмотря ни на что, вверх брали профессионализм и общность интересов и задач, которые стояли как перед державами, так и офицерами-союзниками. Говоря о военной миссии, мы не можем не осветить биографии ее руководителей, назначенных организовывать работу большой группы военных специалистов, имевших значительный опыт штабной руководящей работы. Бесспорным является тот факт, что подобную должность получает лучший

офицер, ведь именно ему доведется представлять свою страну на международной арене, в очень непростых условиях, которые тогда сложились. Всего в истории британской военной миссии в СССР насчитывается шесть руководителей, которым был доверен этот ответственный военно-дипломатический пост в условиях военного времени. Штаб-квартира миссии находилась в Москве, затем, после эвакуации государственных органов СССР в город Куйбышев, она временно переехала туда, но впоследствии вернулась в Москву. В то же время в Заполярье были развернуты штатные подразделения миссии (в Архангельске и Полярном), с офицерами, матросами и сержантами, которые непосредственно на местах осуществляли взаимодействие и контакты с советскими представителями и обеспечивали работу британских миссий в Заполярье. Они осуществляли свою деятельность в определенных рамках и под контролем специальных органов СССР.

Генерал-лейтенант Фрэнк Ноэль Мэйсон Макфарлейн (23.10.1889-12.08.1953) — первый руководитель миссии, которому пришлось налаживать работу в очень непростых условиях. Его послужной список достаточно интересен, с точки зрения опыта командной и штабной работы: свою военную карьеру он начал в 1907 году, поступив в военное училище, которое закончил через два года. Участвовал в Первой мировой войне, после окончания которой поступает в штабной колледж, и в 1931 году назначен военным атташе в Австрии (и по совместительству являлся атташе в Швейцарии и Чехословакии). В 1937 году получает повышение — направлен на работу в Берлин в качестве атташе. Находился на этом посту до 1939 года. В период с 1939 по 1940 год — начальник разведки Британских экспедиционных сил во Франции, но в июне 1940 года он получает пост заместителя губернатора крепости и военно-морской базы Гибралтар. В 1941 году именно он назначен главой британской военной миссии в СССР, и находился на этом посту до мая 1942 года, когда он был смещен своим коллегой, адмиралом Майлзом [8,9].

Контр-адмирал Джеффри Джон Одли Майлз (02.05.1890-31.12.1986), сменивший своего предшественника, продолжил кропотливую работу в сфере налаживания взаимодействия союзных держав, в борьбе против Германии. Он начал свою военную карьеру в далеком 1905 году, поступив в морское училище в

Дартмуте. В 1911 году он получает звание лейтенанта, принимает участие в Первой мировой войне, занимает командные должности на эсминцах, в качестве штурмана продолжает службу на крейсере «Императрица России» (1915). Затем Майлз получает повышение и производство в лейтенант-командеры (аналогично капитану 3 ранга), в качестве флаг-штурмана служит в Средиземноморской эскадре флота Его Величества, с 1925 по 1927 гг. Вскоре он поступает в штабной колледж в Гринвиче, по окончании которого служит в отделе планирования в Адмиралтействе в течение двух лет, вплоть до 1931 года. Получив звание кэптэна, становится командиром тральщика, которым командует в течение года, и вскоре переводится заместителем начальника штабного колледжа в Портсмуте (1933-1935). Командует дивизионом эсминцев, а затем снова направлен на преподавательскую работу в качестве заместителя и руководителя Школы тактики Королевского флота в Портсмуте (1937-1939). Начало Второй мировой войны приводит к карьерному росту — он получает под свое командование линкор «Нельсон», флагман британского флота. В 1941 году в карьере Майлза вскоре происходит резкий взлет, он получает должность помощника по военно-морским делам (адъютанта) короля Георга VI и звание контр-адмирала. Этот опыт в сфере штабной, преподавательской и командной работы позволил Майлзу получить должность руководителя миссии, и фактически он продолжил дело своего предшественника в сложный и непростой период войны. Дело в том, что летом 1942 года немецкая армия предпринимает новое наступление на позиции советских войск в направлении Северного Кавказа и Крыма. Более того, руководители и члены миссии, в преддверии этого наступления, посещают фронт и предоставляют подробный отчет для политического и военного руководства Великобритании. «Советские войска производят впечатление подготовленной, хорошо оснащенной, высоко дисциплинированной и бодрой духом армии, которая делает все возможное в крайне неблагоприятных условиях и полна уверенности в своей способности разгромить врага», — говорилось в телеграмме, полученной от миссии 26 июня. Спустя три недели, 15 июля, миссия в своем докладе сообщила, что моральный дух армии по-прежнему высок, а отвод войск проводится организованно. В конце доклада указывалось:

«В данной обстановке советское командование перегружено делами и требовать от него какой-либо информации трудно» [5]. Быстро меняющаяся обстановка требовала оперативного и немедленного принятия решений и очень часто выходила за рамки компетенции как главы миссии, так и полномочного дипломатического представителя Великобритании, что вызывало упреки со стороны советского руководства в бюрократии и формализме. Однако мы должны помнить и о том, что недоверие к своим союзникам сохранялось, прежде всего со стороны высшего военного руководства британской армии и флота. Ожидая в России самого худшего, глава имперского Генерального штаба фельдмаршал сэр Джон Дилл выступал против того, чтобы лишать англичан танков ради русских. Королевским ВВС были остро необходимы самолеты на Дальнем Востоке против растущей японской угрозы, а Королевский ВМФ и так несет дополнительную нагрузку — занимается охраной опасных конвоев, направляющихся в советскую Арктику [4]. Таким образом, членам миссии приходилось выполнять свою работу в условиях острого давления со стороны военно-политического руководства двух стран, которые требовали обеспечения поставок вооружения и военной техники, качественной аналитической информации касательно событий на советско-германском участке фронта, проведения переговоров с представителями штабов родов войск и т.д. Однако, несмотря на усилия Майлза, было принято решение о его замене. Майлза на этом посту сменяет генерал Жиффар Мартель [10].

Генерал Жиффар Ле Квеси Мартель (10.10.1889-03.09.1959), сын офицера, решил пойти по стопам своего отца, окончил военное училище в 1909 году и выпущен в инженерные войска. Участник Первой мировой войны, был награжден орденом, и именно тогда он познакомился с новым видом оружия — танком. В 1926 году Мартель — командир механизированной инженерной роты, конструирует одноместную танкетку. В 1930 году он в качестве преподавателя штабного колледжа четыре года преподавал военные науки. С 1936 года Мартель служит в Военном министерстве в качестве младшего директора управления механизации. Присутствует на военных маневрах советских войск в Белоруссии в 1936 году, с интересом наблюдая за советскими войсками. С началом Второй мировой войны он — командир

50-й моторизованной дивизии, а в 1940 году получает должность командующего Королевским Бронетанковым корпусом. Мартель занимается теоретическим обоснованием и разработкой методики применения бронетанковых частей в современных условиях маневренной войны. В 1942 году ему присвоено звание генерал-лейтенант бронетанковых войск. В марте 1943 года Мартель прибывает в СССР в качестве нового главы британской военной миссии. Однако он столкнулся с рядом трудностей, прежде всего организационного характера, которые довольно сильно омрачили его работу и в целом отразились и на работе миссии. Миссия продолжала свою работу достаточно эффективно, позволяя получать важную и своевременную информацию, для британского военно-политического руководства [11].

Вскоре генерал Мартель был заменен генералом Барроузом, который руководил миссией с февраля 1944 года.

Барроуз Монтегю Брокас (1894-1958) являлся участником Первой мировой войны, преподавал в военном училище в Сандхерсте, исполнял почетную и важную миссию в Риме в качестве военного атташе, затем получил под свое командование бронетанковое подразделение. Именно он и был назначен вместо Мартеля, возглавить британскую военную миссию в СССР. Однако и ему пришлось столкнуться с неприятием со стороны советских официальных лиц и соответствующих органов в своей деятельности. Более того, в конце своего срока пребывания на посту главы миссии отношения Барроуза и представителей Управления специальных заданий приняли весьма острый и проблематичный характер. Эта проблема даже получила широкий резонанс и обсуждалась на уровне главы Советского государства Иосифа Сталина. Он дал понять, что генерал-лейтенант Барроуз «неприемлем для него в качестве военного представителя» [3, с.129]. Этот демарш был озвучен на октябрьской встрече в Москве в 1944 году. Это вновь подняло вопрос о новом главе миссии. На период подбора подходящей кандидатуры было решено возложить эти непростые обязанности на главу военно-морской секции британской военной миссии — контр-адмирала Эрнеста Рассела Арчера, который на протяжении нескольких месяцев, с декабря 1944 по март 1945 года и возглавлял миссию [12].

Глава миссии контр-адмирал Арчер прошел долгий путь от простого кадета до главы военной миссии в Советском Союзе. Этот путь отнюдь не был усыпан розами. Он родился 14 сентября 1891 года в Лиде, графство Кент, в семье военного, и уже в 13 лет от роду ему была уготована морская карьера. Мальчик отдан в Королевский морской колледж в Дартмуте, который он окончил в 1909 году, и был выпущен во флот в звании мичмана. К началу Первой мировой войны Арчер находился уже в звании лейтенанта (в это звание он был произведен 15 апреля 1914 года). Службу Арчер проходит на эсминцах британского флота. В январе 1915 года он прикомандирован на эсминец «Фьюри», затем переведен в июле этого же года на эсминец «Монс», где пробыл в должности офицера до сентября 1915 года, когда он был отправлен в госпиталь на лечение из-за обострения болезни. В январе 1916 года Арчер направлен на службу на эсминец «Нереиде», где прослужил до сентября 1916 года. Отметим еще один важный факт — Арчер был удостоен ордена святого Станислава 3 степени Российской империи. А в мае 1917 года он получает под свое командование свой первый корабль — патрульный корабль Р-38, которым он командовал до февраля 1918. Впоследствии он был назначен на должность командира эсминца «Фьюри», которую занимал до октября 1919 года. В 1920 году Арчеру предложено командование эсминцем «Трастер», а с ноября этого года он уже командует эсминцем «Томахок», который был более совершенным типом эсминца, нежели те, которыми Арчер командовал ранее. Арчер прошел все низовые офицерские должности, что дало ему бесценный опыт управления не только механизмами, но обогатило его знания в сфере организации службы. Можно сделать вывод о том, что карьера для честолюбивого и перспективного молодого офицера не будет иметь препятствий, только если он сам не будет этого хотеть [1,14].

В апреле 1922 года Арчер получает производство в звание лейтенант-командера, что поднимает его еще на одну ступеньку в иерархической лестнице флотских званий и позволяет ему претендовать на более перспективные назначения во флотской среде. Вплоть до 1924 года Арчер последовательно командует эсминцами, и в 1925 году он получает под свое командование легкий крейсер «Кейптаун», которым он командовал на протяжении

двух последующих лет. В свои неполные 36 лет Арчер получает подарок — его производят в командеры флота Его Величества. Это звание эквивалентно званию капитана третьего ранга. Для производства в этот чин кандидат должен был прослужить не менее 4 лет в звании лейтенанта, из которых 3 года провести на корабле в море, и сдать экзамены по следующим предметам:

- судебное делопроизводство;
- международное право;
- история морских войн и сражений;
- познания в области иностранных боевых кораблей, вооружения и т.д.;
- сигнальное дело;
- стратегия;
- тактика и построение боевых порядков.

В экстраординарном порядке можно было получить производство в звание командера за доблесть в бою по представлению вышестоящего начальства, но имея за плечами не менее двух лет службы на кораблях и не менее одного года службы в море. В течение полутора лет Арчер служит на берегу в качестве офицера по техническому обеспечению в базе Королевского флота в Девенпорте. В 1930 году Арчер получает под свое начало авианесущий корабль британского флота «Аргус», правда, командование им длилось не более нескольких месяцев, для получения командного ценза. В возрасте 41 года Арчер получает под свое командование линейный корабль «Ройал Соверен» (этот корабль в рамках временного соглашения об усилении Северного флота СССР в 1944 году был передан советской стороне). В 1934 году происходит очередное производство. Арчер становится кэптэном Королевского флота (эквивалентно званию капитана 1 ранга в советском ВМФ), и вскоре он получает назначение на должность командира крейсера «Констанс», который числился в составе Резервного флота и находится в Портсмуте. Правда, на этой должности он находится всего 6 месяцев, и вскоре он назначен на должность старшего офицера Технических курсов резервного флота, выступая в роли преподавателя. Затем в течение нескольких месяцев Арчер исполняет должность командира 11 флотилии эсминцев, а в августе 1935 года Арчер получает назначение командиром 20 флотилии эсминцев и поднимает свой

флаг на лидере эсминцев «Монтроуз». Он командует уже не одним кораблем, а целым соединением кораблей, способным решать задачи тактического и оперативно-тактического характера [13]. Таким образом, к своим сорока годам Арчер имел опыт участника боев Первой мировой, солидный опыт командной работы. Теперь же Арчер командует соединением кораблей, что позволяет нам сделать вывод о том, что такое назначение было должным образом рассмотрено, проанализировано и решено на достаточно высоком уровне, и вполне соответствовало уровню его знаний и боевой подготовки. Интересно отметить, что многие характеристики, содержащиеся в личном деле адмирала Арчера, подписаны людьми, которые оставили значительный след не только в истории флота Его Величества, но и в истории Второй мировой войны. Так, характеристика, данная Арчеру адмиралом Роджером Бэкхаузом, будущим командующим флотом Метрополии, содержала следующую оценку его деятельности: *«Кэптэн Арчер свою деятельность на посту командира 20 флотилии эсминцев осуществлял в твердой и надежной манере, может быть порой не блестящей. Весьма основателен в своих начинаниях... Думаю, что кэптэн Арчер весьма хорош, как командир 20 флотилии»* [1ADM 196|53|41]. 14 марта 1936 года Арчер получил назначение на штабную должность, в штаб вице-адмирала Уилфреда Фрэнка, отвечавшего за обеспечение базирования и ремонта кораблей Средиземноморского флота Великобритании, на острове Мальта. В 1937 году Арчер вновь меняет свою должность и получает под свое командование рыбоохранную и миннотральную флотилию в графстве Сассекс (с 20 апреля 1937 года по 15 июня 1939 года), он поднимает флаг командира соединения на шлюпе «Харебелл», флагмане флотилии. За этот период характеристика, данная Арчеру, вполне положительно оценивает его действия на посту командира флотилии: *«Получена от их Лордств высокая оценка деятельности, как командира флотилии траления и защиты рыболовства, на основе рапорта от Управления рыболовства Сассекса, что во время его руководства было достигнуто значительное уменьшение браконьерства со стороны судов иностранных государств»* [2]. 15 июля 1939 после окончания командования флотилией Арчер назначен командиром линкора «Ривендж», который был уже достаточно старым кораблем,

хотя и прошел небольшой ремонт и модернизацию, коснувшийся главным образом систем управления огнем и зенитной артиллерии. Все эти факторы привели к тому, что линкор был зачислен вместе с однотипным «Резолюшеном» в состав Североатлантических эскортных сил. Арчеру пришлось приложить усилия для того, чтобы корабль (после долгих лет службы, с учетом того, что по сравнению с другими кораблями флота Его Величества «Ривендж» был тихоходным и несовременным) мог быть использован в первой линии. Опыт Арчера в этом деле дал свои плоды. Руководство 3 эскадры линкоров в лице контр-адмирала Ланселота Холланда (командующий 3 эскадрой линкоров Флота Метрополии) вполне положительно оценил вклад Арчера в дело приведения «Ривенджа» в боеспособное состояние: *«Очень способный офицер, который внушает доверие в своем следовании субординации. Корабль Его Величества «Ривендж» начал войну в невыгодном положении, с учетом его ремонтной программы, которая продвигалась быстро, насколько возможно, чтобы корабль мог быть представлен на флотском ревю (для Его Величества Георга VI был организован смотр кораблей Резервного флота), и это большая заслуга капитана Арчера, что корабль быстро преодолел трудности, связанные с ремонтом. Очень честный и надежный офицер»* [2]. Более того, на должности командира линкора «Ривендж» Арчер проявил себя с положительной стороны и в боевых действиях. Уже в сентябре 1939 года «Ривендж» привлечен к конвойной службе в проливе Ла-Манш, обеспечивая переброску транспортов Британского Экспедиционного корпуса во Францию. Однако вскоре, в октябре 1939 года, Арчер и команда его корабля оказались привлечены к выполнению очень важного государственного задания, которое было связано с перевозкой золота (государственного золотого запаса) из Английского банка в Канаду. Задача, поставленная Арчеру и его подчиненным, была выполнена в точном соответствии с распоряжениями и в срок, что в очередной раз подтвердило правильность выбора вышестоящего руководства. И очередная характеристика, находящаяся в личном деле Арчера, подтверждает данную ему высокую оценку: *«Выдающийся капитан, который, как я полагаю, может стать и отличным флаг-офицером. Огромные способности, настоящие и энергичные. Дер-*

жит вверенный ему корабль, как прирожденный моряк, всегда собран и готов ко всему. Обладает широким кругозором и достаточно самокритичен, в меру тверд и человечен. Контр-адмирал Бонэм-Картер.1.01.1941» [2]. Вскоре Арчеру была предоставлена возможность отличиться в операции «Медиум», которая проводилась совместно флотом и ВВС против французского порта Шербур в октябре 1940 года. В результате комбинированного удара с воздуха и с моря были причинены серьезные разрушения докам, складам и казармам Шербура. По итогам операции Арчер был удостоен благодарности. Служба Арчера продолжалась, он и его корабль принимали участие в обеспечении конвойных операций в северной Атлантике, с учетом интенсивных действий немецких подводных лодок и надводных кораблей-рейдеров противника. Однако в июле 1941 года Арчер был направлен на новую должность. Он был назначен комендантом Королевских казарм в Портсмуте. Этот период его служебной деятельности можно охарактеризовать как работу начальника центра по комплектованию команд морской пехоты на корабли флота, обучение новобранцев, руководство крупным сборным пунктом, в который прибывало большое количество личного состава и который нужно было обеспечить всем необходимым — от спичек до униформы. Обращаясь к документам, мы можем видеть оценку его деятельности в качестве командира казарм, хотя в ней имеется небольшая ремарка, несколько снижающая ее значение. В характеристике, данной Арчеру адмиралом Джеймсом, за период с июля 1941 по май 1942 года, указан интересный факт: *«Он не показал себя как инициативный офицер, хотя и проявил свои качества как подлинный командир, и заслужил уважение со стороны подчиненных как строгий, но справедливый начальник. Его продвижение во флаг-офицерский чин будет зависеть от его способностей, как офицера. Адмирал флота Джеймс (командующий Портсмутской ВМБ)»*. Однако по итогам службы, в должности командира королевских казарм, Арчер был удостоен более высокой оценки, что позволяет нам сделать вывод о том, что время, проведенное им на посту командира, не пропало даром, и он в полной мере смог реабилитировать себя, что скорее всего повлияло на его дальнейшее продвижение по службе. Новый командующий ВМБ в Портсмуте адмирал Литтл отметил:

«...с учетом совместной службы с коммодором Арчером, я утвердился во мнении, что он показал себя как выдающийся и справедливый офицер, обладающий бесценным опытом взаимодействия с личным составом, и мне будет жаль потерять его (как сослуживца)». В январе 1942 года он был награжден знаком Ордена Британской империи (Commander of most excellent of Order of British Empire). В какой-то мере это позволяет сделать вывод о том, что он оправдал возложенные на него обязанности высшим командованием, и награда тому явное подтверждение. В феврале 1943 года Арчеру предстояло новое назначение, и это назначение было в СССР в качестве старшего морского офицера британской военной миссии в Заполярье. Новая должность Арчера определялась его огромным опытом командной, штабной и организаторской работы. Практически сразу, по прибытии в СССР, Арчер включился в работу по обеспечению взаимодействия британского и советского военного флотов, налаживанию контактов с советской военной и гражданской администрацией. Первое мнение его о союзниках было весьма сухим и корректным, насколько позволяла обстановка. Он отмечал в своем рапорте: *«взаимодействие и обучение идет настолько медленно, что, кажется, русские не понимают значение этого слова»* [6,р.186]. В то же время Арчер продолжал работу по обеспечению и улучшению взаимодействия британских и советских моряков, особое внимание уделяя на недостаточное, на его взгляд, прикрытие с воздуха северных конвоев и судов эскорта. Он считал, что советские корабли далеки от стандартов британского флота и находятся по своим возможностям на уровне Первой мировой войны [6,р.188]. Оценка строгая, но все-таки справедливая. Одновременно с этим британская миссия в Заполярье взаимодействовала со штабом Северного флота, координируя свои действия с командованием британского флота, что обеспечивалось прямой радиосвязью с Лондоном, так и штабом миссии в Москве. Для этих целей в штаб старшего морского офицера в Заполярье входили офицеры связи, переводчики и технический персонал, которые обеспечивали процесс взаимодействия, в том числе и на местах, на судах советского Северного флота, в частях и подразделениях флота. Была налажена и работа по обмену данными в сфере радиоперехвата. В этом случае союзники, обладая более совершенной ра-

диоаппаратурой, передавали достаточно важные сведения для советской стороны. Все эти вопросы лежали в сфере компетенции и ответственности старшего британского морского офицера в Заполярье, которым и был Эрнест Арчер. Необходимо также отметить, что работа британской миссии проходила в очень сложных и суровых условиях не только арктического климата, и войны. Серьезным препятствием являлось также разное отношение к, казалось бы, мелочам. Например, вопросам комфорта, быта и досуга. Более того, часто работу старшего британского офицера омрачали и выходки со стороны личного состава британских военных и торговых кораблей, которые впоследствии оказывались задержанными сотрудниками рабоче-крестьянской милиции и НКВД. Дела эти получали огласку на самом высоком уровне, лишняя раз провоцируя нервозность во взаимоотношениях британской миссии и советской стороны. К сожалению, будучи главой миссии, адмирал Арчер был вынужден решать и проблемы подобного характера.

В июле 1943 года Арчер произведен в чин контр-адмирала флота Его Величества, что в какой-то мере являлось воздаянием его заслугам и очередным повышением по службе. Работа военно-морской секции британской миссии была достаточно успешной в отличие от их сухопутных коллег. В роли старшего британского офицера в Заполярье Арчеру приходилось решать вопросы размещения вновь прибывающего персонала из Великобритании, решать вопросы взаимодействия и кооперации в деле проводки Северных конвоев, заниматься сбором информации о вооруженных силах СССР, местах дислокации баз ВВС и флота. Весной 1944 года Арчер был смнен на этом посту контр-адмиралом Эгертоном, и отбыл в Москву уже как глава военно-морской секции британской военной миссии. В Москве Арчер знакомится с новым главой миссии генералом Барроузом, на которого возлагались надежды, что он *«будет проводить политику примирения и не должен требовать от русских (невозможного), в деле обмена информацией. Более того, с учетом скорой высадки в Нормандии, информация, получаемая от русских, будет иметь очень важное значение»*. Однако эти пожелания оказались эфемерными. Свою роль сыграло несколько ключевых факторов, одним из которых был тот факт, что Барроуз принимал участие в интервенции со-

ветского Заполярья в 1919 году и был весьма невысокого мнения о союзниках. Эта проблема всплыла на самом высоком уровне. Советской стороной был инициирован механизм отзыва главы британской военной миссии. Именно в этот сложный период контр-адмирал Эрнест Арчер и был назначен главой миссии в Москве, на период поиска подходящей кандидатуры в качестве главы миссии.

Хочется заметить, что на посту главы миссии Арчеру приходилось заниматься не только военными вопросами. В своих ежемесячных отчетах он затрагивает и вопросы политического характера, в том числе в сфере контактов среди высшего военного и политического руководства, анализирует обстановку в социальной сфере в советском государстве и высказывает свое мнение по интересующим британскую сторону вопросам (прежде всего адмиралтейство, органы разведки). Фактически военно-политическое руководство Великобритании имело в своем распоряжении еще один канал информации, независимый от посольства Его величества в Москве. Это позволяло весьма эффективно вырабатывать решения в ответ на действия советской стороны и гибко реагировать на быстро меняющуюся ситуацию в мире. Несмотря на краткий период исполнением Арчером обязанностей главы британской военной миссии, важно отметить следующее. Этот отрезок времени характеризуется как прошедший без осложнений [8]. Арчер имел постоянный доступ к главе советского ВМФ адмиралу Н.Кузнецову, к руководству Главного морского штаба, в лице адмирала Исакова и Кучерова. В качестве главы британской военной миссии контр-адмирал Арчер принимает участие в подготовке и проведении Крымской конференции глав трех держав, занимаясь вопросами размещения личного состава британской делегации, обеспечения связи и взаимодействия с соответствующими службами и органами советского государства и связи с посольством Великобритании в Москве. По окончании конференции, спустя всего несколько месяцев, контр-адмирал Арчер был заменен генералом Гаммелом в качестве главы британской военной миссии в СССР. Арчер продолжил свою работу в качестве главы военно-морской секции миссии. 14 июня 1945 года, Эрнест Расселл Арчер был награжден одной из степеней ордена Бани (Companion order of Bath) — одним из высших

орденов британской Империи. Но вскоре Арчер и члены британской военной миссии начали покидать СССР, ввиду уменьшения числа задач, стоявших перед ними. Усиливались противоречия между правительством Великобритании и СССР.

В октябре 1945 года Арчер был назначен на должность командующего эсминцами британского Тихоокеанского флота и пробыл на этой должности до апреля 1946 года. Этот год доставил Арчеру новую должность на ответственном направлении. Он был назначен старшим морским начальником в крепости Гибралтар, важнейшем стратегическом пункте британской Империи на Средиземном море, являвшейся базой британского флота. Карьера контр-адмирала развивалась весьма успешно и стабильно. 16 мая 1947 года он получает звание вице-адмирала флота его Величества. А в 1947 году вице-адмирал Арчер получает очередной, самый высокий пост в его карьере — он становится старшим морским командиром на территории Шотландии и Северной Ирландии, сосредоточив в своих руках всю полноту власти по отношению к военно-морским силам, находящимся на данных территориях [15]. В 1948 году Арчер был удостоен титула рыцаря Ордена Бани, а в 1950 году, после выхода в отставку, он стал полным адмиралом британского флота. Жизнь Эрнеста Расселла Арчера закончилась 17 декабря 1958 года в Истоне, графство Хэмпшир.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. The National Archive. Public record office, Archer Ernest Russell ADM 195/53/41
2. The National Archive. Public record office, Archer Ernest Russell ADM 196/92/172
3. *Дин Дж.* Странный союз. - М.: Олма-пресс, 2005 – 304 с.
4. *Трумбулл Х.* Гитлер и стратегия блицкрига. Война на два фронта 1937-1943. - М.: Центрполиграф, 2009 – 256 с.
5. *Говард М.* Большая стратегия: Август 1942 – сентябрь 1943. - М.: Воениздат, 1980 – 466 с.

6. *Ryan J.F.* The Royal Navy and Soviet seapower, 1930-1950: intelligence, naval cooperation and antagonism. - Hull: University of Hull, 1996. - 263 PP.
7. *Madsen Ch.* The Royal Navy and German disarmament, 1942-1947. - London: Frank Cass, 1998. – 314 PP.
8. *Searle A.* Uneasy intelligence collaboration, genuine ill will, with an admixture of ideology: the British Military Mission to the Soviet Union, 1941–1945// Military Advising and Assistance: From Mercenaries to Privatization, 1815-2007. -London and New York: Routledge, 2007 - 61-80 PP.
9. Хронос. Биографический указатель. Франк Ноэль Мейсон-Макфарлейн [электронный ресурс]. – URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_m/meyson_mak.php (дата обращения: 01.02.2016).
10. The Dreadnought Project. Geoffrey John Audley Miles. [электронный ресурс]. – URL: http://www.dreadnoughtproject.org/tfs/index.php/Geoffrey_John_Audley_Miles (дата обращения: 11.01.2016).
11. Peoples.ru. Жиффар Мартель. [электронный ресурс]. – URL: http://www.peoples.ru/military/general/giffard_martel/ (дата обращения: 11.01.2016).
12. Generals.dk. Burrows, Montagu Brocas. [электронный ресурс]. – URL: http://www.generals.dk/general/Burrows/Montagu_Brocas/Great_Britain.html (дата обращения: 10.12.2015).
13. uboat.net. Allied Warship Commanders. Ernest Russell Archer, RN. [электронный ресурс]. – URL: www.Uboat.net/allies/commanders/115.html (дата обращения: 09.12.2015).
14. The Dreadnought Project. Ernest Russell Archer. [электронный ресурс]. – URL: www.dreadnoughtproject.org/tfs/index.php/Ernest_Russell_Archer (дата обращения: 09.12.2015).
15. Unithistories.com. Royal Navy (RN) Officers. 1939-1945. [электронный ресурс]. – URL: www.unithistories.com/officers/RN_officersA6.html (дата обращения: 02.12.2015).

С.П. Горлянский

кандидат исторических наук,
доцент кафедры новой и новейшей истории
Крымского федерального университета
имени В. И. Вернадского
(г. Симферополь)

КРЫМ НА СТРАНИЦАХ СОЦИАЛЬНОГО СЕРВИСА ОБМЕНА ЗНАНИЯМИ QUORA В 2014–2016 ГГ.

Аннотация. Статья посвящена исследованию места, занимаемого Крымом в истории современных международных отношений в 2014 – 2016 годах на основе анализа содержания материалов социального сервиса обмена знаниями QUORA.

Ключевые слова: международные отношения, история России, история Украины, Крым, база знаний, Quora

Summary. The article investigates the place the Crimea occupied in the history of international relations in 2014 – 2016 on the basis of the content analysis of materials of a social knowledge sharing service Quora.

Keywords: international relations, history of Russia, history of Ukraine, Crimea, knowledge base, Quora

Статья посвящена исследованию места, занимаемого Крымом в истории современных международных отношений на основе анализа содержания материалов социального сервиса обмена знаниями Quora [1]. Частная компания Quora, США: Пало-Альто, Калифорния – была основана в июне 2009 года А. д’Анджело и Ч. Чивером, одними из создателей социальной сети Facebook. Содержание базы данных вопросов и ответов генерируется пользователями. Основным языком представленного ресурса является английский. Сервис стал доступен широкой публике 21 июня 2010 года. Востребованность базы знаний Quora подтверждается тем, что в начале рассматриваемого периода – в апреле 2014 года было заявлено, что компания была оценена в 900 млн. долл. [2]

Рассматриваемые материалы представлены вопросами, содержащими упоминания о Крыме (Crimea), ответами на эти вопросы и комментариями к ответам на протяжении двух лет – с февраля 2014 года по февраль 2016 г. Тема посвящена Крыму, который определен как «Крымский полуостров, также известный просто как Крым, является одним из основных участков суши на северном побережье Черного моря, который почти полностью окружен водой» [3].

К середине февраля 2016 г. на тему Крым (Crimea) были подписаны 1 тыс. 200 чел. Общее число освещаемых вопросов составило 415. [3] Большинство вопросов снабжены вариантами ответов. Последние, в свою очередь, сопровождаются комментариями и уточнениями. Вопросы были размещены также в разделах «Международные отношения», «Политика», «Россия», «Украина». Самые популярные писатели на 13 февраля 2016 г. с наибольшим количеством просмотров ответов в течение последних 30 дней, которые представили сведения, доказательства, собственные аргументы и экспертные оценки в теме «Крым» (табл. 1).

Таблица 1. Писатели, с наибольшим количеством просмотров в январе – феврале 2016 г. (данные сведены по [3])

№ п/п	Имя, Фамилия (русс.)	Имя, Фамилия (англ.)	Кол-во ответов	Кол-во просмотров
1	Игорь Марков	Igor Markov	62	22983
2	Алекс Журавлев	Alex Jouravlev	63	21952
3	Даниил Ищенко	Daniil Ishchenko	10	940
4	Евгений Гречко	Yevgeniy Grechka	5	836

5	Вахур Локк	Vahur Lokk	4	814
6	Марк Савчук	Mark Savchuk	31	730
7	Элиас Азрак	Elias Azrak	11	687
8	Джозеф Бойл	Joseph Boyle	35	605
9	Роман Подолян	Roman Podolyan	19	562
10	Гвидион Мадавк Вильямс	Gwydion Madawc Williams	19	483
11	Валентин Филиппов	Valentin Filippov	9	478
12	Андрей Шевченко	Andrey Shevchenko	16	457
13	Анна Виноградова	Anna Vinogradova	14	426
14	Рэнди Макдональд	Randy McDonald	20	402
15	Джеймс Calbraith	James Calbraith	21	388
16	Джош Гоник	Josh Gonik	16	363
17	Даррелл Фрэнсис	Darrell Francis	10	355
18	Дж. Дж. Джозеф	JJ Joseph	3	345
19	Владимир Шмидтов	Vladimir Schmidthof	11	295
20	Аликс Лейн	Alix Lane	7	291
21	Евгений Борисенко	Eugene Borisenko	7	279
22	Алексей Рясский	Alexei Ryassky	3	260
23	Жаклин Вонг	Jacqueline Wong	3	186
24	Игорь Чубин	Igor Chubin	5	165
25	Александр В. Молодцов	Alexander V. Molodtsov	4	164
26	Павел Кузнецов	Pavel Kuznetsov	12	136
27	Алекс Герулаитис	Alex Gerulaitis	5	129
28	Павел Волков	Pavel Wolkow	9	129
29	Панкай Лад	Pankaj Lad	3	121
30	Дмитрий Шкроба	Dmytro Shkroba	5	119
31	Стив Ласка	Steve Laska	7	117
32	Амир Е. Ахарони	Amir E. Aharoni	6	114
33	Годфри Робертс	Godfree Roberts	3	108
34	Виктор Поташевич	Viktor Potashevich	13	106
35	Димитар Узунов	Dimitar Uzunov	6	104
36	Наталья Незванова	Natalia Nezvanova	3	87
37	Игорь Шемякин	Igor Shemyakin	3	84
38	Дэвид Александер	David Alexander	8	82
39	Артем Клячкин	Artem Kliatchkine	5	81
40	Джон Дэвис	Jon Davis	3	78
41	Эли Мерфи-Троцкий	Eli Murphy-Trotzky	4	78
42	Алексей Пискарев	Alexey Piskarev	3	77
43	Любомир Остапив	Lyubomyr Ostapiv	3	68
44	Джон Берджесс	John Burgess	7	66
45	Витольд Пиоран	Witold Piorun	9	54
46	Рональд Киммонс	Ronald Kimmons	3	52
47	Ирен Кольтхёрст	Irene Colthurst	10	52
48	Андрей Хаврюченко	Andrey Khavryuchenko	10	51
49	Крис Ресро	Chris Resro	3	51
50	Скотт Лоу	Scott Lowe	5	46

Похожие темы и количество читателей, подписавшихся на обновление темы: «Россия» – 66 тыс. 900, «Украина» – 11 тыс. 800, «Владимир Путин» – 19 тыс., «Киев» – 12 тыс. 300, «Политика России» – 5 тыс. 300, «Политика Украины» – 1 тыс. 100, «Референдумы» – 9, «Восстание и беспорядки в Украине (2013–14)» – 739. «Российско–украинские отношения» – 1 тыс. 700, «Конфликт между Россией и Украиной (2014–15)» – 2 тыс. 900, «крымские татары» – 136, «История Крыма» – 181 чел. [3].

Целью исследования является выявление содержания и закономерностей освещения места Крыма в современной истории международных отношений. В рамках данного подхода представляется оправданной попытка квантификации истории современных международных отношений по вопросам, связанным с Крымским полуостровом, поэтому методом исследования избран контент-анализ тех материалов сайта quora.com в теме Крым (Crimea), которые связаны с вопросами, включающими название Крым (Crimea).

В качестве программного обеспечения был использован расширяемый, самодокументирующийся редактор GNU Emacs 21.3 [4], вместе с библиотекой, которая используется для взаимодействия редактора Emacs с реализациями Common Lisp – SLIME [5], реализация языка программирования Common Lisp, являющаяся свободно распространяемым программным обеспечением – CLISP версии 2.49 [6], а также свободно распространяемая реализация языка программирования Common Lisp – SBCL версии 1.0.53 [7].

Для проведения контент-анализа количественных параметров изучения места Крыма в современной истории международных отношений вопросы, ответы и комментарии по теме «Крым» (Crimea) были последовательно скопированы в текстовый файл «Quora_Crimea_2014-16_ANSI.txt».

Далее представлен текст компьютерной программы «Count-Word» на языке ANSI Common Lisp, при помощи которой проводился подсчет частоты встречаемости слов в теме «Крым» (Crimea) базы данных Quora по состоянию на 14 февраля 2016 г.: (defun count-word (pathname) (with-open-file (s pathname :direction :input) (loop for line = (read-line s nil nil) while line

```
nconc (list-symb (drop-noise line)) into words finally (return (sort (list-pair words) #'> :key #'cdr)))) (defun list-symb (s) (read-from-string (concatenate 'string (« s «)))) (defun drop-noise (s) (delete-if-not #'(lambda (x) (or (alpha-char-p x) (equal x #\space) (equal x #\_))) s)) (defun list-pair (words &aux (hash (make-hash-table)) acc) (dolist (word words) (incf (gethash word hash 0))) (maphash #'(lambda (e n) (push (cons e n) acc)) hash) acc). [8, с. 191-194] Вызов программы: CL-USER> (count-word «C:/Yalta2016/Quora_Crimea_2014-16_ANSI.txt»).
```

Всего в текстовом файле «Quora_Crimea_2014-16_ANSI.txt» (объем – 241 килобайт) было обнаружено 38 тыс. 127 слов, в том числе уникальных слов – 5 тыс. 370. Наряду с понятиями (категориями), сюда вошли и служебные слова. Далее, в качестве примера, приведена часть возвращенных данных: ((THE . 1627) (OF . 1012) (TO . 980) (IN . 871) (AND . 824) (A . 591) (IS . 566) (THAT . 528) (RUSSIA . 490) (IT . 393) (CRIMEA . 390) (UKRAINE . 353) (FOR . 323) (RUSSIAN . 301) ... (YALTA . 1) (PERTAINING . 1) (RUSIA . 1) (BOOKS . 1) (LEARN . 1) (EUROPE'S . 1) (TOPICS . 1)).

Чаще других в базе знаний Quora по разделу «Крым» встречаются имена собственные: Россия (RUSSIA) – 430 раз, Крым (CRIMEA) – 390, с неправильным написанием (CRIMEEA) – 7, всего 397 и Украина (UKRAINE) – 353 и в словосочетании «ЕС–Украина» (EU–UKRAINE) – 8, всего 361, а также имена прилагательные: «русский» (RUSSIAN) – 301, и «украинский» (UKRAINIAN) – 153 раза, имена существительные: «русские» (RUSSIANS) – 75 и «украинцы» (UKRAINIANS) – 18, в притяжательном падеже, когда речь идет о государственной принадлежности – «России» (RUSSIA'S) – 40 и «Украины» (UKRAINE'S) – 16, вместе с «пророссийский» (PRO-RUSSIAN) – 21 и «проукраинский» (PRO-UKRAINIAN) – 5, «русскоговорящие» (RUSSIAN-SPEAKING) – 6, «говорящие на украинском языке» (UKRAINIAN-SPEAKING) – 2.

Далее, по убыванию популярности следуют: люди (PEOPLE) – 118, международный (INTERNATIONAL) – 85, правительство (GOVERNMENT) – 76.

Вслед за Россией (RUSSIA) – 430 и Украиной (UKRAINE) – 353 раза, следуют: США (THE US) 44 плюс (USA) 13, «амер-

риканский» (AMERICAN) 12, Соединённые Штаты (UNITED STATES) 9 – всего 78 раз, и Турция (TURKEY) 57 плюс «турецкий» (TURKISH) 10 – всего 67, Казахстан (KAZAKHSTAN) – 45, Европейский Союз (EU) – 37, Китай (CHINA) – 31, несуществующий на протяжении 24-х лет СССР (USSR) – 24 раза, Польша (POLAND) – 21, Корея (KOREA) – 20, Балтийские государства (BALTIC STATES) – 15, Эстония (ESTONIA) – 12, Сирия (SYRIA) – 11. Из американских штатов были обнаружены упоминания Техаса (TEXAS) – 15 раз, и Калифорнии (CALIFORNIA) – 6.

Упоминание должности президента встречается в исследуемом тексте 26 раз: Президент (PRESIDENT) – 22, Президентский (PRESIDENTIAL) – 3 Президенты (PRESIDENTS) – 1. Среди высших должностных лиц чаще других встречаются фамилии Путина – всего 63 раза: Путин (PUTIN) – 55, затем, в притяжательном падеже с использованием флексии «S» – Путина (PUTIN'S) – 15, «пропутинский» (PRO-PUTIN) – 2, сторонники (дословно с немецкого: «понимающие») Путина (PUTINVERSTEHERS) – 1, в последнем примере речь идет о части политических деятелей в Европейском Союзе. Далее по частоте упоминаний среди президентов следует: Янукович (YANUKOVICH) – 11, Порошенко (POROSHENKO) и Буш (BUSH) – оба упомянуты по 6 раз.

Формы выявления общественного мнения и смены власти отражены в следующих терминах (в порядке убывания частотности): голосование (VOTE) - 43, референдум (REFERENDUM) – 42 и опрос (POLL) – 19, переворот (COUP) – 13, самоопределение (SELF-DETERMINATION) – 7.

Конкуренты и аналоги Quora – это, в первую очередь, социальный новостной сайт Reddit [9] с 234 миллионами уникальных посетителей в месяц в 2015 году, [10] сервис вопросов и ответов «Yahoo! Answers» [11] компании Yahoo! – по данным Comscore, в сентябре 2008 года его аудитория составила около 150 млн. уникальных посетителей в месяц [12], служба вопросов и ответов «Ответы@Mail.Ru» [13] компании Mail.Ru Group – 5 млн. 170 тыс. уникальных посетителей в месяц [14], Answers.com [15], за декабрь 2015 года его посетили только 90 млн. 918 тыс. жителей США [16] и др.

Основным отличием базы знаний Quora от прочих социальных сервисов, собирающих вопросы и ответы, состоит в том, что в Quora на вопросы отвечают и комментируют профессионалы под своими именами. Сервис использует алгоритм ранжирования ценности выводов экспертов, основываясь на оценках их предыдущих ответов, что, в свою очередь, обеспечивает высокую релевантность собранной информации.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. Quora [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.quora.com>, дата обращения 11.02.2016.
2. Constine, Josh (April 9, 2014). Quora Wants To Stay Independent, Raises \$80M Series C From Tiger Global At ~\$900M Valuation. TechCrunch. [Электронный ресурс]. – URL: <http://techcrunch.com/2014/04/09/quora-forever/>, дата обращения 11.02.2016.
3. Crimea [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.quora.com/topic/Crimea>, дата обращения 11.02.2016.
4. GNU Emacs – GNU Project – Free Software Foundation (FSF) [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.gnu.org/software/emacs/>, дата обращения 11.02.2016.
5. SLIME: The Superior Lisp Interaction Mode for Emacs [Электронный ресурс]. – URL: <https://common-lisp.net/project/slime/>, дата обращения 11.02.2016.
6. CLISP – an ANSI Common Lisp Implementation [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.clisp.org>, дата обращения 11.02.2016.
7. Steel Bank Common Lisp [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.sbcl.org>, дата обращения 11.02.2016.
8. Горлянский С. П. Решение задач на языке программирования Лисп [Текст]: учебно-методическое пособие [Электронный ресурс] / С. П. Горлянский. – Симферополь: ТНУ, 2014. – 924 с. – URL: <http://lisp.ru/forums.php?m=posts&q=1277>, дата обращения 14.02.2016.

9. Reddit: the front page of the internet [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.reddit.com>, дата обращения 11.02.2016.
10. Reddit.com Traffic Statistics». SimilarWeb. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.similarweb.com/website/reddit.com#overview>, дата обращения 14.02.2016.
11. Yahoo Answers: Home [Электронный ресурс]. – URL: <https://answers.yahoo.com>, дата обращения 11.02.2016.
12. Yahoo собирается продать Yahoo Answers [Электронный ресурс]. – URL: http://www.cnews.ru/news/line/sluh_yahoo_sobiraetsya_prodat_yahoo_answers 14.02.2016.
13. Ответы Mail.Ru [Электронный ресурс]. – URL: <https://otvet.mail.ru>, дата обращения 14.02.2016.
14. Рейтинг Top1000–RU: Все сайты [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.quora.com/topic/Crimea>, дата обращения 14.02.2016.
15. Answers [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.answers.com>, дата обращения 14.02.2016.
16. ComScore Ranks the Top 50 U.S. Digital Media Properties for December 2015 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.comscore.com/Insights/Market-Rankings/comScore-Ranks-the-Top-50-US-Digital-Media-Properties-for-December-2015>, дата обращения 14.02.2016.

Б.Н.Ковалев

*доктор исторических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник
Санкт-Петербургского института истории РАН.*

КРЫМ НА СТРАНИЦАХ КОЛЛАБОРАЦИОНИСТСКОЙ ПРЕССЫ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ РОССИИ (1941-1944 ГГ.)

*Reports about the Crimea in Northwestern
Russian collaborator media (1941-1944)*

***Аннотация.** В статье рассматривается описание жизни Крыма в условиях нацистской оккупации на страницах русских коллаборационистских газет.*

***Ключевые слова:** Великая Отечественная война, Крым, русская коллаборационистская пресса, нацистская пропаганда.*

***Summary.** The focus of the article is on Northwestern Russian collaborator media and their reports about the Crimea describing life in that occupied territory which was of importance to Nazis.*

***Keywords:** The Great Patriotic War, Crimea, Russian collaborator media, Nazi propaganda.*

Накануне Великой Отечественной войны органы пропаганды в гитлеровской Германии являлись одними из самых эффективных и успешных в мире. Сотрудники министерства пропаганды до 1939 года профессионально оттачивали свое мастерство на жителях III Рейха. Во многом благодаря их систематическим усилиям Германия к началу Второй мировой войны имела весьма консолидированное общество. За два года боевых действий в Европе немецкие пропагандисты накопили богатый опыт работы не только с солдатами противника, но и с гражданским населением, проживавшем на оккупированных нацистами территориях.

В годы Второй мировой войны на оккупированной нацистами территории России для местного населения выходили различные коллаборационистские издания: газеты, журналы, иллюстрированные календари, плакаты. На Северо-Западе наибольшие тиражи были у таких газет, как «За родину», «Северное слово», «Правда» и у журнала «Новый путь».

Русскоязычные газеты на оккупированной территории России курировались Имперским Министерством народного просвещения и пропаганды. Так, газета «За родину» находилась в ведении Управления пропаганды (отдел печати) северного участка фронта. Но при этом читателю всячески внушалось, что это серьезные и независимые издания, образцы «новой русской прессы». Понятно, что эти издания жестко контролировались немецкими пропагандистами, а часть материала являлась простой перепечаткой из нацистских газет и журналов.

Крым находился на противоположном, южном участке советско-германского фронта. Но только в газете «За родину» (Псков – Рига) за 1942 – 1944 год было опубликовано 227 материалов, связанных с ним [1].

Событиям в Крыму посвящались различные статьи, очерки, заметки, фоторепортажи. Встречались и перепечатки из газеты «Голос Крыма». Причину подобного интереса со стороны коллаборационистской прессы можно объяснить в том числе и тем, что получение населением объективной информации из данного региона было затруднено. Следовательно, появлялась возможность представлять Крым как образ некоего счастливого будущего, которое ждет всю территорию Советского Союза после победы III Рейха над «жидо-большевиками». Можно говорить

о разнообразии газетных материалов. Кроме пропагандистских, политических, информационных, были и познавательно-развлекательные.

В русских коллаборационистских газетах многие материалы для солидности и приданию информации большей достоверности подписывались «Наш собственный корреспондент в Берлине», «Наш собственный корреспондент в Париже», «Наш собственный корреспондент в Крыму». Именно таким «спецкором» на юге представлялся некий М.Петрович, опубликовавший 9 сентября 1942 г. материал «В освобожденном Крыму. С блокнотом и фотокамерой» [2]. Эта статья условно состояла из трех частей: что было, что есть и что будет. В самом начале журналист с гневом описывал страдания, которые принес крымской земле большевизм: *«Когда большевики в начале своей власти заняли этот благодатный край, они довели его до такого состояния, что жители от голода бежали оттуда, куда кто мог. Кровавая расправа страшного Бэла Куна еще долго оставалась в памяти местных жителей. Изголодавшаяся красная армия, наводнившая Крым, уничтожала, как саранча, все, что еще оставалось у тамошних крестьян. Впоследствии советская власть выкачивала из этой крымской житницы буквально все»* [3].

Боевые действия в Крыму представлялись как безусловный триумф германского военного гения: *«Грянула война. Большевистское командование решило защищать полуостров всеми имеющимися средствами. Спешно укреплялся Перекоп, памятный большевикам со времен гражданской войны, возводились укрепления на подступах к Севастополю. Но для германской армии все эти преграды оказались несущественными, и Крым был занят неожиданно быстро. Пала в течение одного месяца и прежняя неприступная твердыня – Севастополь»* [4].

Местные жители на оккупированной гитлеровцами Ленинградской области зачастую читали эти строки в своих разрушенных домах, испытывая чувство голода. Немецкая пропаганда пыталась им внушить мысль о том, что все трудности носят временный характер. В пример приводилась жизнь в Крыму: *«Война произвела огромное опустошение в городах полуострова. Так, Керчь, Феодосия и Севастополь почти не существуют. Но щедрая природа и радость освобождения от ненавистной власти*

свершают чудеса. В столице Крыма Симферополе следы войны менее заметны, и жизнь в нем также быстро налаживается. Торгуют базары и чего тут только нет. Продается все, что производит крымская природа» [5].

Для большей достоверности своего материала журналист дает в нем некие лично-повседневные детали: *«В Евпатории на базаре накормили нас «кебабом»: это жареное на вертеле рубленое мясо, приправленное специями» [6].*

Рецепт этого всеобщего счастья в пронацистской газете объяснялся очень просто: *«Жители Крыма легко уживаются с германскими солдатами и признательны им за освобождение. А о своем прошлом вспоминают, как о тяжелом сне» [7].*

Одним из основных лозунгов нацистской пропаганды в Советском Союзе стали слова «Гитлер – освободитель». Местному населению пытались внушить мысль, что Германия не оккупант, а освободитель народов СССР от ига жидо-большевизма. На страницах коллаборационистской прессы неоднократно писалось о том, что при большевиках Крым был раем только для советской партийной элиты и евреев. В так называемых «документальных очерках» рассказывалось о несчастной судьбе бедных тружеников, которые не могли отдохнуть на юге из-за огромной стоимости путевок и из-за того, что все места в санаториях уже заняли чиновники. Путевые заметки Петровича заканчивались своего рода обещанием: *«Крымские курорты, несмотря на разрушения, скоро смогут предоставить заслуженный отдых подлинным трудящимся. А цветущий раньше город Севастополь, пострадавший от авиации, а главным образом взорванный рукою большевистского командования, начинает свое восстановление на неслыханных пожарищах с трудом, но с верою в лучшее и светлое будущее не только своего разрушенного города, но и всей освобожденной родины» [8].*

Особое место в коллаборационистских газетах занимали перепечатки своих коллег, в частности, из «Голоса Крыма». Они носили весьма восторженный характер. Так, один из материалов назывался «Возрождающаяся Таврида». В нем давалась «картина ожившего, после большевистского погрома, Крыма: *«В Джанкое на вокзале чистота и порядок. В городе оживление: во всех концах города идут строительные работы. Там, где раньше была*

обычная грунтовая дорога, строится мостовая. Заканчиваются работы по строительству хирургического корпуса городской больницы. Кроме предприятий городского управления, в городе работает много кустарей. Открыт местный театр и организован оркестр» [9].

Населению Северо-Запада России внушалась мысль о том, что, если в том или ином регионе радостно поддерживают нацистскую политику, где нет партизанского движения, налаживается нормальная мирная жизнь. Причем она стала даже лучше, чем была до войны, при большевиках. Так, в статье с незамысловатым названием «В Крыму» говорилось о том, что *«с начала учебного года в Феодосии работают пять начальных училищ и четыре профессиональных училища. Начали занятия средние школы, где учатся в мужской – 269 учащихся и в женской – 351.*

Городским управлением установлена выплата пенсий инвалидам. Дается единовременное пособие на погребение нуждающимся гражданам. Выплачиваются пособия пострадавшим от красного террора.

В городе открыты четыре православных храма. Намечены к открытию еще 4 церкви» [10].

Немецкая пропаганда всячески подчеркивала, что немцы открывают новые церкви и мечети, помогают местным жителям в организации их бизнеса, т.е. гитлеровцы делают то, что возбранялось и запрещалось в годы советской власти. В информационной заметке «Хозяйственный банк в Симферополе» подчеркивалось, что *«этот банк в Симферополе был открыт 15 мая 1942 года. Все открытые к этому времени банки в Крыму были реорганизованы в отделения хозяйственного банка. К 1-му июня хозяйственный банк имел 28 отделений. В настоящее время их уже 34» [11].*

На Северо-Западе России активно действовали партизанские отряды, каратели сжигали деревни, шла ожесточенная борьба. Но на страницах коллаборационистской прессы не было ни одного материала, в котором бы честно рассказывалось о советской обороне Севастополя, о партизанском движении в Крыму, о геноциде по отношению к еврейскому населению. Там рассказывалось, например, о наличии в Крыму академической науки. Так, в статье «Широкая сеть школ в Симферополе» утверждалось, что

«крымский геологический институт закончил составление новых геологических и гидрогеологических карт Крыма и приступил к изучению вопроса о возможностях расширения поливных площадей Крыма» [12].

Почти в каждом номере газеты встречалась небольшая заметка о повседневной жизни в различных городах Крыма: Симферополе, Ялте, Феодосии, Керчи, Евпатории и других. Псковский и новгородский читатель из них мог узнать, что в Симферополе *«закончился ремонт городского театра. Впервые за 24 года здание театра капитально отремонтировано, и в нем проведено паровое отопление. В короткое время возникла, развилась и окрепла широкая сеть школ и курсов в такой степени, что в этом отношении столица Крыма заняла одно из выдающихся мест среди освобожденных городов восточных областей» [13].*

Ялта представлялась как исключительно благоприятное место для предпринимателей: *«В селениях Ялтинского района, не считая самой Ялты, в настоящее время насчитывается 256 частных предприятий. В районе 34 сапожных и 19 портняжных мастерских и мельниц, 11 столовых и 3 пекарни. В недалеком будущем в городе начнет функционировать гостиница «Метрополь» [14].*

В некоторых заметках встречались различные исторические экскурсы, которые явно могли заинтересовать читателя. Но даже совершенно безобидная с идеологической точки зрения информация о географических особенностях территории Крыма, его истории подчеркивала особую важность этого региона как политического, духовного и экономического центра. Так, Керчь подавалась как своего рода культурная столица: *«Постепенно возрождается гордость Керчи – археологический музей. Эту работу ведет, не покладая рук, научный сотрудник музея Шевелев» [15].* Подчеркивалась особая древность этой земли: *«Знаменитые керченские археологические находки известны каждому более или менее интересующемуся вопросами археологии. Ведь так щедро насыщен редчайшими археологическими ценностями культурный слой земли Керченского полуострова» [16].*

Правда, статья «Керченский археологический музей» несколько противоречила этому оптимистическому утверждению. Но она была должна донести до населения не факт «возрождения музея», а обвинить советских музейщиков в варварской эвакуа-

ции: *«Сейчас в апреле 1943 г. музей гор. Керчи стоит себе сиротинишкой – обобранный сильными мира сего.*

Все, что выставлено в настоящее время в музее, настолько неполно и материально бедно, что, можно сказать, с глубокой грустью смотрит на своих собирателей античная эпоха с холмов Митридата, а большевикам – губителям археологических ценностей – шлет свои проклятия» [17].

С особым почтением коллаборационистские газеты писали о носителях европейской культуры в России – немецких колонистах. В статье «Сельскохозяйственная колония Спат» так описывалась их жизнь: *«Большие красивые дома, удобные дворы, крепкие каменные постройки, аккуратные фруктовые сады и широкие мощеные улицы, – вот что представляет из себя старая немецкая колония Спат, в Крыму, образовавшаяся в 60-х гг. прошлого столетия.*

Жили колонисты хорошо, культурно и богато. Слава об их трудолюбии и зажиточности гремела по всему Крыму. Сотни крестьян Таврии приезжали в Спат, чтобы поучиться у колонистов, умело ведущих хозяйство. Немалую услугу эта колония оказала жителям Крыма. Во время бегства большевиков немецкая колония пострадала сравнительно меньше других сел. Сейчас здесь кипит неустанная созидательная работа» [18].

Пропагандисты III Рейха всячески подчеркивали единство всех своих союзников. На оккупированной территории Советского Союза немецкие пропагандисты утверждали, что эта война ведется не против русского народа, а против евреев и коммунистов, которые его поработили. Следовательно, писала коллаборационистская пресса, все подлинно патриотические национальные силы должны быть союзниками Адольфа Гитлера. На Северо-Западе РСФСР эту роль играли жители Прибалтики – эстонцы и латыши, а также финны, на юге – крымские татары и чеченцы.

В Крыму во многих горных татарских деревнях немецким командованием были созданы из татарских добровольцев отряды по борьбе с партизанами во главе с немецкими и румынскими инструкторами. Все лица, входящие в отряды, получали зарплату, продовольствие, лучшие наделы садов, виноградников, табачных плантаций, полностью или частично освобождались от

налогов. При наделении татарских «дружинников» участками садов, виноградников и другим имуществом немцы обычно отбирали его у нетатарского населения, в первую очередь, у русских и греков [19].

Писали эти газеты и о закавказских национальных формированиях: *«В Крыму отличились грузинские отряды. В германской печати уже неоднократно сообщалось, что горное население Кавказа примкнуло к борьбе против большевизма. Получив военную подготовку в Германии, эти горцы особенно отличаются своей храбростью и находчивостью. Это относится, главным образом, к грузинам, сражающимся на стороне Германии.»*

Недавно грузинские батальоны храбро и успешно сражались на Перекопском перешейке, т. е. на северных подступах к Крыму» [20].

В это время в результате наступления Красной Армии под Ленинградом и Новгородом редакции русских коллаборационистских газет были вынуждены эвакуироваться в Прибалтику. В 1944 году редакция газеты «За Родину» находилась в Латвии, в Риге. Было понятно, что победа Германии и ее союзников становится все менее возможной. Но там по-прежнему публикуются победные репортажи и аналитические материалы о том, что «крах большевизма и его союзников неизбежен». Хотя все чаще стали появляться статьи, в которых немецкое отступление объяснялось «необходимостью выпрямления линии фронта». Но Крым гитлеровцы надеялись все же отстоять: *«В результате германских отходных мероприятий на южном участке восточного фронта, «крепость Крым» превратилась в самый южный и далеко выдвинувшийся вперед фланговый опорный пункт. Все попытки советских войск прорвать германские позиции у Керчи или переправиться через Сиваш до сих пор остались безрезультатными.»*

В рядах крымских борцов на самых передовых линиях можно встретить много татар. Они стали неизменными соратниками германских солдат» [21].

Но ни союзники, ни оборонительные сооружения не помогли немецким частям. И на страницах газет стали появляться публикации с такими оптимистическими заглавиями: *«Итоги эвакуации Крыма. Германские потери незначительны»* [22], *«Блестяще*

завершена операция переправы войск на материк» [23]. Из последней статьи следовало, что *«Верховное Командование германских вооруженных сил сообщает: 13 мая из Крыма на материк эвакуированы последние части германо-румынских войск»* [24].

Но и после того, как Крым был освобожден советскими войсками, он должен был играть свою роль в системе нацистской пропаганды. В это время практически все русское население на Северо-Западе России было депортировано с мест своего постоянного проживания в Прибалтику и Германию. Для тех, кто не хотел уходить вместе с немцами, публиковались материалы, в которых подробно описывались страдания людей, оставшихся жить «под большевиками»: *«Прибывший в Сулиму из Крыма рыбак Ахмет Хазаров рассказал румынским властям о том, как около Евпатории сорок вооруженных энкаведистов погрузили на баркасы около двухсот человек с завязанными на спине руками и, отъехав на полкилометра в море, начали расстреливать несчастных из автоматов и, в конце концов, забросали их ручными гранатами»* [25].

Далекий от Северо-Запада России Крым на протяжении всей нацистской оккупации являлся одной из излюбленных тем для сочинений немецких и коллаборационистских журналистов. Русскому населению внушалась мысль о том, что где-то на юге страны немецкая политика уже приносит реальные результаты, направленные на благо местным жителям. На самом же деле и Крым, и территория Ленинградской области (как Ингерманландия) по планам нацистов должны были в будущем войти в состав территории III Рейха.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Подсчитано Автором.
2. «За родину» (Псков). 9 сентября 1942 г.
3. Там же.
4. Там же.
5. Там же.
6. Там же.
7. Там же.
8. Там же.
9. «За родину» (Псков). 12 декабря 1942 г.
10. «За родину» (Псков). 31 декабря 1942 г.
11. «За родину» (Псков). 6 января 1943 г.
12. «За родину» (Псков). 28 января 1943 г.
13. Там же.
14. «За родину» (Псков). 31 января 1943 г.
15. «За родину» (Псков). 10 февраля 1943 г.
16. «За родину» (Псков). 7 июня 1943 г.
17. Там же.
18. «За родину» (Псков). 21 октября 1943 г.
19. Материалы архивной группы Академии ФСБ РФ «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне». Коллекция документов.
20. «За родину» (Рига). 28 января 1944 г.
21. «За родину» (Рига). 28 марта 1944 г.
22. «За родину» (Рига). 17 апреля 1944 г.
23. «За родину» (Рига). 16 апреля 1944 г.
24. Там же.
25. «За родину» (Рига). 8 июня 1944 г.

Д.В. Конкин

кандидат исторических наук,
заведующий отделом Новой истории Крыма
научно-исследовательского центра
истории и археологии Крыма (НИЦИАК)
Крымского федерального университета
имени В.И. Вернадского
(г. Симферополь)

К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ ИНОСТРАНЦЕВ В ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЯХ КРЫМА (КОНЕЦ XVIII – НАЧАЛО XIX ВВ.): ЛЮДИ И ПРОЕКТЫ. ¹

*On the Problem of the Foreigners' Participation in Economic
Transformation of the Crimea
(Late Eighteenth and Early Nineteenth Centuries):
Persons and Projects*

Аннотация: В статье на конкретных примерах показано, что после 1783 г. российское правительство не всегда обращало внимание на профессионализм и порядочность привлекаемых к экономическому развитию Крыма иностранцев. В конечном итоге правительство пересмотрело свою политику и с большей тщательностью стало оценивать предложенные иностранными гражданами проекты.

Ключевые слова: Крым, Россия, иностранцы, экономические проекты.

Summary. The paper uses particular cases to show that, after 1783, Russian government not always paid attention to professionalism and decency of the foreigners engaged in economic development of the Crimea. Finally, the government reconsidered its policies to evaluate projects proposed by foreign subjects with much accuracy.

Keywords: Crimea, Russia, foreigners, economic projects.

1. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ в рамках научного проекта № 15-31-10112 «Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825»

Присоединение Крыма к России в 1783 г. в целом прошло без серьезных международных осложнений. Активных противников присоединения (кроме, конечно, Турции) на европейской арене не нашлось. Тем не менее, для Российской империи важно было не испортить в целом благоприятный международный имидж негативной внутренней политикой в Крыму. Возможно, отчасти из-за этого (внешнего влияния) основным принципом территориального управления полуострова стала мягкая адаптация, проявившаяся в таких нестандартных ходах и решениях имперского правительства, как лояльное отношение к исламу, отказ от рекрутчины, формирование правительства из местных кадров, широкая автономия в вопросах религиозного права и быта и др. Цель – показать успешность региональной политики, создать благоприятное общественное мнение, прежде всего у западных партнеров. Неслучайно во время путешествия в Крым Екатерину II сопровождали специально приглашенные европейские монархи, аристократы и послы. Полуостров стал своеобразной инновационной экспериментальной площадкой. Российскому государству необходимо было в короткие сроки достичь значительных успехов в экономическом развитии региона. Для этого готовились правительственные программы по развитию, поощрению отдельных отраслей сельского хозяйства, промышленности, активному заселению края. Переселение иностранных колонистов поощрялось в первую очередь. Равно как и привлечение иностранных специалистов и инвестиций. Но инвестировать иностранцы не торопились, а вот получить финансирование от государства под различные программы были непротив.

Ментальность русского человека что тогда, что сейчас – особое, почтительное отношение к иностранцам. Статус иностранца заранее освобождал от многих проблем, снимал часть ответственности, давал преимущества перед коренными жителями. Поэтому ничего удивительного, что помимо добросовестных специалистов, профессиональных работников в Крыму появилось значительное количество людей, которых иначе как авантюристами не назовешь. Многие из них умели пустить пыль в глаза. Предлагали четко составленные программы развития (бизнес-планы), обещали быстрые успехи и отдачу от своей деятельности.

Цель доклада – на основе нескольких конкретных примеров проиллюстрировать уровень проектов и качество исполнителей, которые включались в работу над ними.

При Екатерине II за экономическое развитие всего Новороссийского края отвечал князь Григорий Александрович Потемкин – блестящий государственный деятель и фаворит императрицы. И он как раз не всегда подробно вдавался в нюансы хозяйственных проблем. Широким жестом отдавал распоряжения о наделении землями в Крыму иностранцев, которые не выполняли возложенные на них обязательства. Поддерживал стратегические отрасли без подробных исследований и экспертных оценок целесообразности их развития. Поручал важные посты сомнительным личностям, без предварительных консультаций с местными чиновниками.

Так, совершенно растворились в крымском пространстве, не оставив и следа от своей деятельности, выписанные Потемкиным иностранцы: винодел Грунтвол, «лучший садовник винограда» Ортлин, «мастер разводить шелковицу» Линднер и многие другие [3, с. 135].

В 1786 г. по приглашению Потемкина появляется в Крыму англичанин морской офицер Иоганн Гендерсон. Через уполномоченного правителя Таврической области В.В. Каховского сразу же с ним был подписан 3-летний контракт (К.Д. – у Дружининой ошибочно 13-летний [3, с. 136, прим. 164], ср.: [8, с. 271]) о заведении в Старом Крыму ботанического сада. Племянницы англичанина – Маргарита и Елизавета Кертланд должны были заняться производством сыра [8, с. 251]. В том же году англичанин потребовал построить ему капитальный дом по его же чертежу в районе речки Бурульчи, к чему Каховский и приступил летом [8, с. 254]. Однако даже через полтора года заезжие предприниматели и не думали приступать к выполнению условий контракта, хотя предусмотренное жалованье получали регулярно и в полном объеме. Каховский с негодованием отмечал в письме к правителю княжеской канцелярии В.С. Попову, что «Гендерсон не посадил не одной былинки, а мамзель не сделала ни одного сыра». Лишь младшая племянница занималась изготовлением какого-то количества сливочного масла [8, с. 271]. По-видимому, поняв свою хозяйственную несостоятельность и окончательно

но испортил отношения с Каховским, который уже в открытую называл их «бесстыжими обманщиками», англичане покинули Крым и какое-то время пребывали в ставке Потемкина в Херсоне(?). Откуда прислали Каховскому опись своей крымской мебели, с требованием, чтобы она была оплачена за счет средств Таврического князя. «Совесть у них хуже жидовской», – комментировал данное требование Каховский [8, с. 280, 281, 289].

Несмотря на крайне негативную характеристику Каховского, а также последовавший в 1788 г. отъезд семейства Гендерсонов на родину, в том же году Потемкин приказал, «когда они возвратятся из Англии» наделить их в Крыму значительными земельными угодьями «для хлебопашества и скотоводства» [11, л. 13 об.]. Возможно, не последнюю роль в таком лояльном отношении князя к предприимчивым иностранцам сыграла «лепота племянниц», которую отмечал Каховский еще в период первого знакомства с этим семейством [8, с. 254]. Не секрет, что Потемкин был ценителем женской красоты.

Известны широкомасштабные проекты государства в рассматриваемый период по развитию в Крыму шелководства. С этой целью на полуострове повсеместно поощрялось высаживание тутовых деревьев, раздавались денежные пособия, устраивались казенные шелкомотальни [7, с. 406]. Какое-то время (с 1803 г.) занятие шелководством даже стало обязательным для иностранных колонистов [2, с. 429].

Сразу следует оговориться, что несмотря на значительные и многолетние усилия данное производство в Крыму не получило значительного развития, в первую очередь из-за постоянных болезней шелкового червя, а также из-за неспособности конкурировать с традиционными центрами отрасли (Дальний Восток, Италия) [7, с. 406]. Тем не менее, государственные усилия и средства на развитие отрасли были затрачены значительные.

Главным организатором шелководства в России, координатором государственных программ по его развитию стал специально приглашенный из Милана граф Гастан Парма. Контракт с ним Потемкин заключил в апреле 1786 году и сразу же взаймы итальянец получил немалую сумму в 4000 рублей, при том, что его годовая зарплата по условиям контракта составила 1200 рублей [6, с. 31-32]. Сложно сказать, чем руководствовался Потемкин,

заключив договор с графом и вручив ему столь внушительные средства. Впрочем, определенными талантами итальянец, вне всякого сомнения, обладал. К сожалению, весьма сомнительного свойства. Уже через год он умудрился остаться без денег и был уличен в воровстве. Причем, не в хищении казенного имущества, государственных средств – явлению достаточно широко распространенном среди чиновников в России, а в банальной бытовой краже. Каховский в марте 1787 г. сообщал, что графа Парму в течение шести недель трижды (!) уличили в краже денег. В первый раз граф стащил 15 червонцев из кошелька почтмейстера Контениуса, в доме которого он проживал. Дело замяли. Затем в этом же доме пропала 100-рублевая ассигнация у еще одного жильца – капитана артиллерии графа Валентини. На этот раз потерпевший привел свидетеля – местного купца, у которого сразу после пропажи граф Парма разменивал 100-рублевую купюру, хотя «*весь город знал, что не имел он (Парма) и двадцатипятирублевой*» [8, с. 266]. На этот раз, также пострадавшего графа Валентини успокоили, пообещав вернуть украденное. Наконец, отправившись вскоре после этих неприятных событий по делам службы в Старый Крым, граф Парма обокрал на 500 рублей проживавшего там гусарского офицера Шица. Горячего гусара от расправы над вором едва сумел остановить садовник Я. Фабр. Украденную сумму сумели вернуть после того, как графу Парме прислали офицера с требованием добровольно отдать «*взятые шуткою из сундука*» деньги, в противном случае итальянцу грозил обыск.

Все эти истории никак не отразились на службе графа. Он продолжал курировать отрасль и после смерти Потемкина. При императоре Павле Парма стал директором шелкового завода, а затем уже при Александре I до самой смерти состоял инспектором этой мануфактуры [5, с. 315].

Достаточно часто иностранцы поступали на государственную службу в России без рекомендаций и обязательств, что позволяло им без каких-либо последствий весьма прохладно относиться к своим обязанностям. К примеру, Каховский жаловался на выписанного из-за рубежа доктора Кукенбергера, который, по словам правителя области, «*жил в Феодосии, никого не пользовал и получал жалованье*» [8, с. 268]. Другой врач – штаб-лекарь

Мейер, проживав в Бахчисарае «роскошествуя в прохладнейшей праздности». «...как можно вести такую жизнь, не мучась совестью?», – искренне удивлялся чиновник.

Такой безответственный подход в отношении кадровой, экономической политики в Крыму поменялся при следующих императорах. Но в целом, мероприятия, направленные на поощрение иностранных переселенцев, продолжились, но уже на более взвешенной основе, с участием совещательных органов.

Так, с целью качественного освоения Новороссийского края императором Александром I, практически сразу после воцарения, был сформирован Новороссийский Комитет, в состав которого входили государственные деятели первой величины: министр внутренних дел В.П. Кочубей, министр коммерции Н.П. Румянцев, поэт и министр юстиции Г.Р. Державин, генерал-прокурор А.А. Беклешов, тайный советник К.-Л.И. Габлиц и др. Комитет заседал в Зимнем дворце и определял важнейшие направления хозяйственно-административного развития края. Сюда стекалось много проектов по преобразованию Крыма, значительную часть которых сочиняли иностранные подданные. Все они становились предметом обсуждения членов Комитета [4, с. 178].

Например, «Проект о развитии промышленности, торговли и сельского хозяйства Крымского полуострова» французского купца Вильгельма Рувье был рассмотрен Новороссийским Комитетом 28 декабря 1801 года [10, л. 11-13].

Сам французский предприниматель позднее в историографии получил достаточно позитивную оценку, как зачинатель тонкорунного овцеводства в Крыму, один из организаторов училища виноделия в Судаке, преобразователь этой отрасли [13, с. 626-627; 1]. Между тем не все было так пасторально и гладко. И изначально «Проект» Рувье не получил всесторонней поддержки членов Новороссийского Комитета. Экспертиза документа была поручена тайному советнику Габлицу, который ранее долго работал в Крыму и являлся ведущим специалистом по этому региону. Что же предлагал Рувье, и какие оценки этим предложениям дал Габлиц.

1. Рувье предлагал восстановить рыбную ловлю в Азовском море, которой раньше занимались венецианцы и генуэзцы, в особенности ловлю судака, который, по его мнению, «при

искусном приготовлении мог заменить треску». А поскольку треску французы и англичане в большом количестве везут в Испанию и Италию, то Рувье всерьез рассматривал возможность заменить импорт трески в эти страны крымским судаком.

Габлиц: чтобы усилить рыбную ловлю, необходимо увеличить количество людей в Крыму. Пока что заниматься рыбной ловлей на Азове некому. К тому же хорошо бы (здесь чувствуется ирония) «убедить испанцев и итальянцев, что судак лучше трески» [12, л. 26 об.].

2. Построить судостроительную верфь в Крыму.

Габлиц: нецелесообразно, т.к. для постройки полноценных судов крымского леса не хватит, максимум, возможно строительство лодок и баркасов. Местного же леса едва хватает для починки военного флота. (См. размышления морского министра де Траверсе об этом же: [15, с. 207]).

3. Развивать хлебопашество. Разрешить свободную торговлю хлебом. Строить винокурни и пивоварни, организовать производство пудры и крахмала.

Габлиц: развивать хлебопашество необходимо. Но для винокурения и пивоварения нужны лес и вода. Но леса мало (а мы знаем, что с истреблением крымских лесов власть постоянно боролась), а вода плохая.

4. По берегам Крыма много водорослей. Их можно сжигать, получать соду, которую использовать для производства мыла и стекла.

Габлиц: польза от соды значительная, но для производства необходимы рабочие руки, а их нет [12, л. 27 об.].

5. Если получится добывать много соды, то производить мыло в промышленных масштабах.

Габлиц: Для заводов нет леса и людей в достаточном количестве. Поэтому, если и производить соду, то вывозит ее на материк.

6. Нехватку стекла в Крыму компенсировать собственным производством.

Габлиц: Сомнение, что местное стекло сможет конкурировать с левантийскими и европейскими образцами. Поэтому, если и нужен завод, то только небольшой для местных нужд. К тому же снова возникает проблема нехватки леса в Крыму [12, л. 28].

7. Развивать скотоводство. Поскольку климат похож на испанский, то разводить ценные породы испанских овец. Разрешить вывоз за границу шерсти и сырой кожи.

Габлиц: согласен. Сетует на запрет вывоза, т.к. в ближайшем доступе нет кожевенных заводов и суконных фабрик, значит нет и сбыта. Правительство планировало начать разводить испанских овец еще в 1797 г., но тогда помешала начавшаяся война в Европе.

8. Развивать шелководство, поскольку климат подходит. Для этого нужно переселять способных работников – христиан из Малой Азии.

Габлиц: согласен. Но переселять греков и армян из Малой Азии запрещают турки. Разрешают отлучаться только торговцам, да и то без семей [12, л. 28 об.].

9. Развивать виноделие. Местное вино способно заменить иностранное. Поощрять развитие небольших виноградников, за которыми бы следили приглашенные французские мастера.

Габлиц: согласен. Еще в 1797 г. план по развитию виноградарства под руководством французских специалистов, но «политические обстоятельства не позволяют выписывать европейских мастеров».

10. Развивать торговлю с Анатолией.

Возражения Габлица: а чем торговать?

Резюме Габлица. Рувье не обратил внимания на проблемы, в процессе реализации своего проекта, «довольствуется одними только умствованиями» о том, что в Крыму может быть, «умалчивая о способах к тому потребных...» [12, л. 29].

В целом проект не был забракован полностью. Некоторые здравые мысли француза нашли сочувствие среди членов Новороссийского Комитета и были реализованы позднее. Что характерно, поддержку нашли именно те направления, против которых не возражал Габлиц: развитие овцеводства и виноградарства.

Хочется обратить внимание на объем льгот и уровень поддержки со стороны государства, казалось бы, не самого масштабного проекта. Так, еще во время обсуждения предложений Рувье на заседании Новороссийского Комитета, Кочубей (напомним, будущий министр внутренних дел) предложил свою помощь

«по дипломатической части» для доставки из Испании элитных пород баранов, вместе с опытными пастухами, а также французских мастеров-виноделов [10, л.13].

Эта идея не была забыта. И в 1804 г. после личного одобрения императора первая партия овец испанских пород была приобретена, правда не в Испании, а в Австрии, где российское правительство воспользовалось распродажей овец во владениях князя Иоанна Лихтенштейнского [9, т. 28, № 21610а; см. также: 14]. Граф Кочубей посчитал данное предложение целесообразным и с разрешения Александра сделка состоялась.

Узнав об этой покупке, венгерский магнат князь Эстергази предложил российскому правительству собственные услуги по поставкам элитных баранов и овец, одновременно подготовил рекомендации по развитию овцеводства в России. Необходимо отметить, что граф Кочубей с большим скепсисом относился к казенным производствам и предприятиям, поскольку многочисленный опыт показал несостоятельность проектов с участием государства в качестве собственника и распорядителя. В то же время, по его мнению, хозяйственные заведения «напротив успешны бывают...в руках частных, где надзор хозяйский сливается с его собственными пользами» [9, т. 28, № 21610а]. Поэтому Кочубей предложил реализовать проект по развитию тонкорунного овцеводства при участии частных владельцев, но при мощной поддержке государства. Наиболее удачной кандидатурой он посчитал Рувье, проект которого помнил со времен работы в Новороссийском Комитете. К тому же Рувье, после вынужденной эмиграции из Франции, несколько лет основательно изучал в Испании особенности разведения меринсов и был подготовлен к работе в данной отрасли. Идею министра поддержал император, и уже в 1805 г. с Рувье был подписан договор, согласно которому он получал государственную ссуду размером 100 тыс. рублей на закупку элитных овец у графа Эстергази и др. хозяйственные нужды, а также бесплатно получал 25 000 дес. земли в степном Крыму и еще 5 000 дес. в горной его части под обязательство к 1817 г. довести поголовье до 100 000 единиц.

В целом данный проект стал успешным. «Надо было видеть, – вспоминал родственник и компаньон Рувье, Рене Вассаль, – с каким любопытством многие съезжались из далеких мест, что-

бы посмотреть на этих меринсов, тогдашнее диво. Какие были рассуждения и толки о невозможности разведения их в России! Сколько смешным и безрассудным казалось это новое предприятие!» [13, с. 627]. Условия договора с французом государство посчитало выполненным, и по окончании контракта наследники Рувье стали владеть выделенными казенными землями уже на правах потомственной собственности и продолжали развивать начатое дело.

Но, конечно, далеко не все начинания были успешны. И, например, аналогичный проект с государственной поддержкой по развитию тонкорунного овцеводства, в котором участвовал немецкий колонист Миллер, закончился неудачно для фермера. И спустя пять лет после подписания контракта, в 1808 г. он был вынужден признать, что «разведение овец может сделаться для него со временем тягостным», поскольку российский внутренний рынок для сбыта недостаточен, а экспорт продуктов овцеводства за рубеж стал невозможен в связи с внешнеполитическим кризисом в Европе (война с Францией, Турцией) [9, т. 30, № 23085].

В заключение доклада хочется отметить весьма актуальный контекст приведенных примеров. А именно, что на стадии обсуждения, внедрения проектов не стоит безоглядно бросаться на громкие имена, заявления, иностранные паспорта участников. Необходимо трезво оценивать предлагаемые инновационные продукты, бизнес-проекты. Экспертный совет должен состоять из авторитетных, не понаслышке знакомых с местной спецификой независимых специалистов. Иначе, у нас по-прежнему, любой иностранный гражданин, отважившийся приехать в Крым и заявивший о замечательной природе, людях и возможностях полуострова, автоматически будет заноситься в число потенциальных инвесторов, получать экономические преференции, отдачи от которых можно и не дожидаться.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. Брагина Т., Васильева Н. Путешествие по дворянским именам Крыма. М., 2003. Режим доступа: <http://www.krimoved-library.ru/books/puteshestvie-po-dvoryanskim-imeniyam-krima30.html>.
2. Варзар В. Шелк (статист.) // Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Т. 39: Чугуев – Шен. СПб., 1903. С. 429-432.
3. Дружинина Е.И. Северное Причерноморье в 1775-1800 гг. М., 1959.
4. Дружинина Е.И. Южная Украина в 1800-1825 гг. М., 1970.
5. Львов Б. де Парма, граф Яков // Русский биографический словарь. Павел, преподобный – Петр (Илейка). СПб., 1902. С. 315.
6. Об ордерах князя Потемкина и графа Зубова, хранящихся в архиве Таврического Губернского Правления (1784-1796) / Сообщение К.К. Киреевко // ИТУАК. Второе издание. 1897. № 3. С. 1-35.
7. Парашук С. Шелководство // Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Т. 39: Чугуев – Шен. СПб., 1903. С. 406-415.
8. Письма правителя Таврической области В.В. Коховского правителю канцелярии В.С. Попову для доклада Е.С. князю Г.А. Потемкину-Таврическому // ЗООИД. 1877. Т. 10. С. 235-360.
9. Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое. СПб., 1830.
10. РГИА. Ф. 1307. Оп. 1. Д. 1. Дневные записки Комитета о устройении Новороссийской губернии. 4 декабря 1801 – 6 февраля 1803 г.
11. РГИА. Ф. 1307. Оп. 1. Д. 12. Указы Екатерины II и ордера князя Потемкина Г.А. о раздаче русским помещикам земли на Крымском полуострове, присланные в Комитет для сведения. 10 февраля 1802 г.
12. РГИА. Ф. 1307. Оп. 1. Д. 19. Проекты французского купца Рувье о развитии промышленности, торговли и сельского хозяйства Крымского полуострова и замечания по ним тайного советника К. Габлица. 16 декабря 1801 г.

13. *Собичевский В. Вассаль (Рене)* // Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Т. V-A: Вальтер – Венути. СПб., 1892. С. 626-627.
14. *Нигматуллин Э.Р.* Характеристика указов «Полного собрания законов Российской империи», касающихся распространения и развития овцеводства на Юге России // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Исторические науки». 2013. Т. 26 (66). № 2. С. 79-95.
15. *дю Шатне М.* Жан Батист де Траверсе, министр флота Российского. М., 2003.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ:

ИТУАК – Известия Таврической ученой архивной комиссии
ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей
ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи
РГИА – Российский государственный исторический архив.

УДК 327.8

А.В. Кративин

*доктор исторических наук, профессор кафедры истории, краеведения и методики преподавания истории
 Гуманитарно-педагогической академии
 Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского;*

Д.Н. Амедов,

*аспирант кафедры истории, краеведения и методики преподавания истории Гуманитарно-педагогической академии
 Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского
 (г. Ялта)*

ТЕМА КРЫМА И СОВРЕМЕННЫЕ РОССИЙСКО-НЕМЕЦКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Аннотация. В статье отношения между Москвой и Берлином рассматриваются в свете последних международных конфликтов, в том числе и темы Крыма. Хотя украинский кризис нанес российско-немецкому сотрудничеству определенный ущерб, в будущем общие интересы двух стран помогут им преодолеть конфликты, связанные с различным пониманием ценностей. Стремление к особому партнерству с Россией при сохранении атлантической ориентации снижает эффективность внешней политики Берлина. Дается обзор мнений немецких экспертов, которые нередко по-разному оценивают ключевые события международной жизни.

Ключевые слова: Россия, Германия, Крым, международные отношения, региональные конфликты.

Summary. Relations between Moscow and Berlin are examined in the article in the light of recent international conflicts, in the light of the theme of Crimea. Although the Ukrainian crisis inflicted some damage to Russian-German cooperation, the common interests of the two countries will help them overcome conflicts connected with different understanding of values in the future. The aspiration for a special partnership with Russia while preserving the Atlantic alignment diminishes the efficiency of Berlin's foreign policy. In this article is given a review of the German experts' opinions, which often estimates dominant events of international life differently.

Keywords: Russia, Germany, Crimea, international relations, regional conflicts.

Роль России в европейской системе международных отношений активно обсуждается как в самой стране, так и на Западе. Некоторые политики и эксперты выступают за создание единой зоны безопасности от Ванкувера до Владивостока. По их мнению, только так можно сделать Европу по-настоящему единой и гарантировать ее от раскола в ходе новой «холодной войны». Противники данного взгляда считают его утопическим и утверждают, что в обозримом будущем Россия не будет интегрирована в европейскую архитектуру безопасности. Сотрудничество между Москвой и Брюсселем будет время от времени прерываться периодами конфронтации.

В статье рассматриваются различные аспекты немецко-российских отношений и тема Крыма. От решений, принимаемых в Москве и Берлине, во многом зависит судьба западного проекта в начале нового тысячелетия. Хронологические рамки исследования охватывают 2008-2015 гг. Великая рецессия окончательно разрушила надежды США на мировое господство, но оставила им шанс сохранить глобальное лидерство.

Российское руководство понимает, что ЕС никогда не расширится до пределов Большой Европы. Брюссель сможет достичь своих целей только в тесном взаимодействии с другими игроками. По словам видного российского ученого, Ректора МГИМО академика А. Торкунова, «РФ, ЕС, все третьи европейские страны должны совместными усилиями создавать тот мир, в котором мы хотели бы жить» [5, С. 20]. Данное утверждение является положительным сигналом для Европы, но ниже ученый добавляет: «Никто не должен обладать монопольным правом на вынесение оценки демократичности» [5, С. 22]. Недопустимо использовать апелляции к нормам и ценностям демократии для давления на соседей и решения собственных проблем за их счет. Не стоит пересматривать трактовку понятия «суверенитет», сложившуюся в современном международном праве. Фундаментальная зависимость системы международных отношений от воли отдельных государств в обозримом будущем не исчезнет. Следовательно, реализацию европейского проекта можно приветствовать, но переоценивать его не нужно [5, С. 20-22].

Упомянутые факты проливают свет на нынешнюю позицию Кремля по Украине. Россия имеет ясное представление как о

своих собственных интересах, нередко игнорируемых Объединенной Европой, так и о слабостях и проблемах последней. Страна четко обозначила свою трактовку украинского кризиса, возложив ответственность за него на активистов Евромайдана [1, 2]. До сих пор никакая критика и никакие санкции Запада, в том числе и Крыму, не заставили Москву пересмотреть свое мнение.

Возникает вопрос, как украинские события повлияют на развитие российско-немецких отношений. Две страны придерживаются почти полярных взглядов на некоторые международные проблемы, что очень мешает их сотрудничеству. С другой стороны, Москва и Берлин имеют ряд общих интересов, и разрыв существующих между ними связей будет иметь катастрофические последствия для миропорядка в целом. Каждый международный игрок должен, отстаивая собственную позицию, помнить о своей ответственности за безопасность и благополучие всех.

После присоединения Крыма к РФ некоторые немецкие консерваторы стали выступать за ужесточение российской политики Германии. Они уже не исключают ни новых санкций ЕС против Кремля, ни усиления военного присутствия НАТО в Восточной Европе. Впрочем, упомянутое мнение не было отражено в официальных документах лидеров политических партий ХДС и ХСС [10].

В современных российско-американских отношениях конфронтация по одним вопросам удивительным образом сочетается с сотрудничеством по другим. Не отказываясь от критики российской авторитарной модели, Вашингтон признает вклад Москвы в разрешение сирийского и иранского кризиса. Там, где речь идет о ценностях, между Россией и США вероятен конфликт. Там, где пересекаются их интересы, открываются возможности для сотрудничества [8]. Данная модель подходит и для описания российско-немецких отношений, в которых за охлаждением всегда следует новое сближение.

Германии все труднее играть свою традиционную роль посредника между Западом и Востоком. Усилившиеся российско-американские разногласия вынудили Берлин отказаться от «особых отношений» с Москвой и поддержать НАТО в начинающемся противостоянии. Германия, в прошлом предпринявшая ряд попыток освободиться из-под опеки Вашингтона, вернулась в

фарватер американской внешней политики. По словам эксперта А. Дынкина, большинство россиян считают российскую политику ФРГ несамостоятельной. Специалисты дают ей более взвешенные оценки, но и они нередко сетуют, что европейцы никогда не принимают важных решений без согласования с США [7].

Немецкие лидеры продолжают критиковать политику Кремля в области прав человека. По их мнению, принятый в РФ закон, регулирующий деятельность неправительственных организаций на ее территории, противоречит базовым либеральным нормам. Представительница немецких «зеленых» М. Бек призвала ЕС отказаться от дальнейшего смягчения визового режима с Россией. Также она считает, что немецкий бизнес должен поддержать требование демократизации страны, озвученное официальным Берлином [9].

Президент ФРГ И. Гаук однажды заявил, что ее внешняя политика должна продвигать определенные ценности, в частности, уважение к правам человека. Немецкий журналист Р. Александер пишет, что поведение Берлина в ходе украинского кризиса обмануло надежды политика. Крымские события деморализовали главу немецкой дипломатии Ф.-В. Штайнмайера и заставили его отказаться от давления на Кремль. Пассивность Германии послужила одной из причин того, что европейские санкции против России были приняты в урезанном виде и не достигли цели. Немецкий бизнес в целом поддержал умеренный курс своего правительства. Не исключено, что восточно-европейские страны, недовольные нерешительностью Берлина, впредь при решении проблем будут рассчитывать не на ЕС, а на НАТО и собственные силы [6].

Склонность немецкой дипломатии к компромиссам сыграла с ней злую шутку. Многие жители России уверены, что Берлин не имеет самостоятельного голоса в международных отношениях, и их позицию можно понять. Однако на Западе немцев нередко упрекают в прямо противоположном – недостаточной солидарности с союзниками по ЕС и НАТО. В данной связи современную внешнюю политику ФРГ следует признать недостаточно эффективной. Посредничество между культурами и цивилизациями не оправдывает попыток совместить несовместимые интересы и ценности.

Крымские события показали слабость западных спецслужб, не сумевших проникнуть в планы Кремля [11]. Правительству Германии трудно принимать взвешенные решения там, где бессильна немецкая разведка. Проблема Украины, которая в последнее время не прекращает сотрясать мировую повестку дня, привела к тому, что в немецком общественном мнении голоса критиков России стали звучать еще громче. Немецкая пресса резко критикует действия Путина в Крыму. Многие политологи характеризуют политику России в Крыму как серьезные трения в российско-германских отношениях.

Таким образом, под прямым воздействием внутригосударственных и конъюнктурных изменений российско-германские отношения в разные периоды демонстрируют особый характер развития. В период, когда немецкие и российские интересы пересекаются на международной арене, а жесткие и антидемократические практики России набирают силу, на линии Берлин-Москва возникают колебания. Однако принимая во внимание потребность России в технологиях и нужду Германии в энергоресурсах, следует признать неоспоримым такой факт: российско-германские отношения будут образцом прочного альянса и в будущем [12]. Москвой был дан достаточно мощный асимметричный ответ на геостратегическом уровне через воссоединение Крыма с Россией. Вместо ввода войск НАТО на полуостров и демонстративного изгнания российского Черноморского флота из Севастополя Крым снова стал опорой нашего решающего влияния и контроля в Средиземноморско-Черноморском бассейне. Состоявшийся коренной сдвиг в региональном соотношении сил опирался на ясно выраженную волю подавляющего большинства населения Крыма. Это событие еще раз показало тщетность расчетов на беспомощность России в моноцентричном мире, который упрямо, хотя и безуспешно пытается построить Вашингтон. Обстрелы и бомбардировки жилых кварталов Луганска и Донецка наглядно демонстрируют, что пришлось бы испытать крымчанам, если бы было допущено промедление с воссоединением

Немецкие атлантисты постепенно теряют популярность среди избирателей. Согласно недавним социологическим опросам, только 45 % немцев считают, что Германия должна решительно

встать на сторону Запада в его конфликте с Россией. По мнению 49 %, Берлин должен сохранять нейтралитет и учитывать интересы как Вашингтона и Брюсселя, так и Москвы [4]. ФРГ состоит в НАТО с 1955 г. и принадлежит к числу стран-основательниц ЕЭС, однако почти половина ее населения отвергает атлантизм. Если правительство А. Меркель проигнорирует данный факт, это будет большой ошибкой.

В 2013 г. немецкий фонд имени Ф. Эберта опубликовал экспертный доклад «Германия и Россия в 2030 г. Сценарии для двусторонних отношений». Его авторы дают четыре прогноза развития событий, два из которых являются оптимистичными. Москва и Берлин могут заключить прочный альянс, основанный либо на ценностях, либо на интересах. В третьем сценарии Россия, сделавшая выбор в пользу авторитаризма, отказывается от стратегических связей с Западом и переносит центр тяжести своей внешней политики в Азию. В четвертом варианте все остается как есть: ценностная пропасть между Россией и ФРГ сохраняется, но не мешает их сотрудничеству в экономической и социальной сфере. Основой отношений служат интересы, хотя иногда на первый план выходят ценности [3]. Вероятно, третий сценарий включен в анализ лишь для полноты классификации. Никто не заинтересован в дестабилизации Европы – ни Россия, ни ЕС и США. Альянс, основанный на ценностях, в условиях украинского кризиса остается благим пожеланием. В двух оставшихся прогнозах есть большая доля истины. Наблюдаемая стагнация в российско-немецких отношениях может со временем смениться прагматическим партнерством. Родерих Кизеветтер (ХДС), полковник бундесвера в отставке, полагает, что стратегическая цель Путина – не Крым, а получение доступа к оборонной и тяжелой промышленности на востоке страны.

Германия воздержалась от более жесткой реакции не только исходя из экономических причин, так как она от России не настолько зависима, что последствия от жестких санкций были бы невыносимы. Выше описанные близкие политические отношения, возраставшие из роли России в объединении Германии и следовавшая за этим немецкая поддержка в интеграции России в западные структуры обязательно должны быть учтены при анализе немецкой позиции в крымском кризисе.

Москва и Берлин должны понять, что пропасть между российской и немецкой политической культурой сохранится в обозримом будущем. Ценности и мировоззрения двух народов останутся весьма несхожими, но это не может оправдывать давление на партнера или прекращение сотрудничества. России и Германии не стоит отказываться от принципов «реальной политики», если они хотят избежать просчетов и разочарований в своих двусторонних отношениях.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. *Лавров*: хорошо известно, кто и как создал кризис на Украине. Режим доступа: <http://russian.rt.com/article/23497>
2. Обращение Президента Российской Федерации. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/20603>
3. «Российско-германские отношения в 2030 году»: Германия откровенно предлагает России очередную революцию. Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/polit/1729583.html>
4. СМИ: граждане Германии не хотят портить отношения с РФ из-за Украины. Режим доступа: <http://ria.ru/world/20140425/1005453570.html>
5. *Торкунов А. В.* По дороге в будущее / А. В. Торкунов. – М.: Аспект Пресс, 2010. – 476 с.
6. *Alexander R.* Putin blamiert Deutschland Außenpolitik / R. Alexander. <<http://www.welt.de/debatte/kommentare/article125637098/Putin-blamiert-Deutschlands-Aussenpolitik.html>>
7. *Lütticke M.* Ernste Spannungen im deutsch-russischen Verhältnis / M. Lütticke. <<http://dw.de/p/1Bqt0>>
8. *Trenin D.* Mit Putin weiß man, was man hat / D. Trenin. <<http://www.zeit.de/2014/07/russland-aussenpolitik-putin>>

9. Von Salzen C. «Putin entfernt sich von Europas Werten». C. von Salzen. <<http://www.tagesspiegel.de/politik/merkel-und-putin-in-hannover-putin-entfernt-sich-von-europas-werten/8030754.html>>
10. Weiland S. Deutsche Russland-Politik: Unions-Abgeordnete für härteren Kurs gegen Putin / S. Weiland. <<http://www.spiegel.de/politik/deutschland/russland-cdu-und-csu-fuer-kurswechsel-gegen-putin-a-969317.html>>
11. Wergin C. Die Chaostheorie der russischen Außenpolitik / C. Wergin. <<http://www.welt.de/debatte/article125329711/Die-Chaostheorie-der-russischen-Aussenpolitik.html>>
12. Новости России. <http://ria.ru/politics/20160125/1365128741.html#ixzz3z5sVx3Gm>

С.В.Кулик

доктор исторических наук,
заведующий кафедрой «История»
Санкт-Петербургского политехнического
университета Петра Великого;
профессор кафедры региональной
политики и политической географии
Института наук о Земле Санкт-Петербургского
государственного университета
(г. Санкт-Петербург)

ПАРТИЗАНСКИЕ СУДЫ НАД ИЗМЕННИКАМИ РОДИНЫ КАК ПРЕДШЕСТВЕННИКИ НЮРНБЕРГСКОГО ПРОЦЕССА

*Partisan courts-martial over traitors as
the forerunners of the Nuremberg trials*

Аннотация. Рассматриваемый период занимает особое место в истории нашей страны. Тогда, перед ее народами реально встала угроза не только лишения государственности, но и полного физического уничтожения. Партизанское движение было важным фактором в достижении победы над нацистской Германией и её союзниками. В экстремальных условиях вражеской оккупации очень важной для сил советского сопротивления стала борьба с государственными и уголовными преступниками. Справедливое наказание преступников повышало авторитет представителей антифашистского движения в тылу врага. При написании данной статьи использовались архивные документы, мемуары и научная литература.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Северо-Запад России, партизанское движение, оккупация, военно-полевой суд.

Relations. *The period under review is of special interest to historians. Russia's peoples were not only under the threat of deprivation of statehood, but also under the threat of complete physical destruction. The guerrilla movement was an important factor in achieving victory over Nazi Germany and its allies. In extreme conditions of the enemy occupation the struggle with state prisoners and criminals was very important for the Soviet resistance forces. A just punishment of criminals increased the authority of representatives of the anti-fascist movement in the enemy's rear.*

When writing this article the author used archival documents, memoirs and research literature.

Keywords: *the Great Patriotic War, the Northwest of Russia, guerrilla movement, occupation, court-martial.*

С точки зрения международного права военная оккупация – временное занятие территории государства вооруженными силами противника. Сам факт оккупации не решает судьбы захваченных регионов – она определяется, как правило, по окончании войны мирным договором.

Во время встреч лидеров стран антигитлеровской коалиции и в Тегеране, и в Ялте, неоднократно ставился вопрос о необходимости наказания немецких военных преступников и их пособников.

Следует отметить, что в советской юриспруденции четкое определение понятия военных преступлений по отношению к деяниям гитлеровских оккупантов на территории СССР изначально отсутствовало. Применительно к ним следственные и судебные органы, а также специалисты отказались даже от самого наименования «преступление». Для их обозначения применялись термины «зверства» и «злодеяния», гранью между которыми, очевидно, была степень общественной опасности и тяжести наступивших последствий [1].

Поскольку деяния, обозначаемые такими терминами, выходили за рамки принятых в советском законодательстве определений деяний, преследуемых в уголовном порядке, необходимо было выработать правовые основы ответственности за их совершение. Так как злодеяния нацистов «носят характер организованной системы», отмечал академик И. П. Трайнин, даже при формальном сходстве, их нелегко приравнять к преступлениям,

записанным в национальных кодексах [2]. Нарушение фашистами законов и обычаев войны он квалифицировал как «военный разбой политических бандитов», за который виновные подлежат суровому наказанию по тягчайшим уголовным нормам. Таким образом признавалась необходимость особого регулирования их уголовной ответственности, поскольку действующее законодательство насущным требованиям не отвечало.

Преступления коллаборационистов попадали под действие норм советского уголовного законодательства. По своему характеру они сразу же были отнесены к особо опасным государственным преступлениям. Такие дела появились в практике советских судебных органов уже в первые месяцы войны.

В экстремальных условиях вражеской оккупации очень важной для сил советского сопротивления стала борьба с государственными и уголовными преступниками. Изменники родины, грабители и убийцы – все они делали жизнь, как мирных граждан, так и партизан, гораздо более сложной. Справедливое наказание преступников повышало авторитет представителей антифашистского движения в тылу врага. Понятно, что в условиях военного времени и вражеской оккупации партизаны и подпольщики не могли соблюдать все параграфы закона, особенно с процессуальной точки. Но стремление покарать зло, восстановить справедливость во многом компенсировали этот недостаток. Поэтому действия партизан и подпольщиков никак нельзя назвать простым самосудом.

В начальный период Отечественной войны наиболее активным предателям родины, коллаборационистам, обычно выносился заочный приговор. После этого партизаны получали задание советского командования уничтожить изменника.

По мере укрепления антифашистских сил только физической ликвидации стало явно недостаточно. Нацистская пропаганда представляла уничтоженных пособников как мучеников «Новой Европы», погибших от рук большевиков. Поэтому тогда, когда это было возможно, над изменниками Родины проводились открытые судебные процессы с широким участием местного населения.

Со времени Великой Отечественной войны партизанскими краями принято называть территории, освобожденные народными

мстителями в тылу врага. Все населенные пункты партизанского края очищались от гитлеровских солдат, полицейских и прочих коллаборационистов: старост, бургомистров, комендантов. Население партизанских краев жило по советским законам. Руководство там осуществляли «организационные тройки по восстановлению Советской власти». В их состав вошли опытные работники из партизан. Один из них обязательно должен был иметь довоенный опыт работы в данном районе и хорошо знать местные условия.

В сентябре 1941 года состоялось заседание по созданию тройки для руководства Белебелковским советским районом в тылу у противника (сейчас Новгородская, тогда Ленинградская область – С.К.). На нем было отмечено следующее: «...в районе никого не осталось из работников НКВД. Пользуясь этим, враги начинают активизировать свою подрывную деятельность, направленную, в первую очередь, к развалу колхозов и убийству отдельных активистов» [3].

В этих условиях функции местного начальника НКВД были возложены на участкового милиционера Быстрова. При нем был создан аппарат из 5 человек, сотрудники которого получали право производства арестов и с санкции тройки физического уничтожения предателей.

С пособниками оккупантов, предателями, организаторами развала колхозов расправа была короткой. Уличенный в подрывной деятельности враг тут же расстреливался. Только за декабрь 1941 года оргтройка Белебелковского района вынесла 38 смертных приговоров. Суровость кары была оправдана. На многих изменниках была кровь мирных советских граждан [4].

Особое внимание всего населения привлекали бывшие коммунисты, оставшиеся на оккупированной территории. Были среди них люди, вставшие на путь предательства и сотрудничества с врагом, но попадались и просто стремящиеся выжить в экстремальных условиях. Это, по мнению их бывших товарищей, являлось преступлением. Поэтому оргтройка Белебелковского района, действовавшая в партизанском крае зимой 1941-42 года, на общем собрании коммунистов поставила вопрос о «ликвидации балласта». Решением собрания все члены ВКП (б), уклоняющиеся от борьбы с врагом, были из партии исключены, а один из них расстрелян [5].

Однако партизаны и подпольщики признавали, что чаще всего на сотрудничество с немцами шли люди каким-либо образом пострадавшие от Советской власти, репрессированные и раскулаченные. Мотив их предательства понять можно, но простить, даже по прошествии десятилетий, нельзя. Слишком дорогую цену заплатил наш народ за их измену. Представители советского сопротивления докладывали в Центр о положении на оккупированной территории Северо-запада России зимой 1941-1942 гг.: *«Немецкий ставленник, староста, бывший кулак деревни Гринево Тихон Николаев занимался шпионажем в пользу немцев и предательством. Николаев разоблачен и расстрелян.*

Кулачка Петручиха из деревни Брядки выдала немцам 6 красноармейцев, которые скрывались в лесу около деревни. Несмотря на свою хромоту, ходила за 60 километров в немецкую комендатуру сообщать о партизанах. Петручиха изобличена и расстреляна» [6].

Партизанская агентура составляла развернутые списки на активных пособников врага. Некоторые материалы имели комментарии и рекомендации: *«Дорогие товарищи, вот вам список на главных врагов, которые организовались против вас. Вам нужно сразу же этих людей уничтожить, только вам их днем не найти... Как вы являетесь в деревни, они едут в Локню и сообщают, что появились партизаны. Поэтому советую ночью их по домам накрыть»* [7].

На этом донесении осталась резолюция: *«Вражеская группа бандитов истреблена под самый корень. Комбриг Васильев»* [8].

Мирное население с симпатией относилось к действиям партизан, направленных на их защиту. Так на Рождество 1941 г. в одной из деревень в районе Вырицы был убит местный бургомистр, который своими доносами и вымогательствами принес много зла односельчанам. Это убийство вызвало поддержку действий партизан и, как признали гитлеровцы, *«почти полностью прекратилось поступление сведений от жителей о появлении в их районе подозрительных лиц»* [9].

В 1941 – 42 годах в немецком тылу оказалось большое количество бывших бойцов Красной армии. Кто-то выбирался из окружения, кто-то дезертировал. Гитлеровцы попытались привлечь на свою сторону лиц, изменивших воинской присяге. Вначале

оккупанты обещали, что дезертиры могут вернуться по своим домам и заняться «сельским хозяйством». Но потом из них стали создаваться различные антипартизанские полицейские формирования, «отряды самообороны» и пр. Партизанской разведкой было установлено, что подобные отряды гитлеровцы организовали в деревне Федоровское Сошихинского района Ленинградской области и в самом районном центре. Их командирами стали бывший председатель колхоза Захаров и бывший начальник железнодорожной станции Фирсов [10].

Партизанское руководство поставило перед бойцами первостепенную задачу – уничтожить этих изменников Родины. Она была успешно выполнена.

С самого начала войны в оперативных сводках штабов партизанского движения информация об уничтожении пособников врага выделялась отдельно. Так, в сводке № 39 Ленинградского штаба партизанского движения от 1 июля 1943 года говорится: «...Убито и ранено 598 солдат и офицеров так называемой «русской освободительной армии», а также перебито в боях и расстреляно 100 полицейских и 30 предателей» [11].

Отдельные материалы партизанских газет и листовок посвящались изменникам. Так во втором номере газеты «Путь социализма» (Ленинградская область) от 2-го февраля 1943 года вышла заметка: «Смерть предателям родины». В ней разоблачались предатели Миронов, Митрофанов и Бауэр, которые разоряли хозяйства и убивали мирных граждан Шимского района. В конце статьи было напечатано: «*Советские граждане, уничтожайте предателей нашей Родины, как бешеных собак*» [12].

В иллюстрированной листовке «Кто такие старосты?» рассказывалось об активных пособниках врага. Вывод этой прокламации был следующим: «*Враги народа, предатели Родины должны быть уничтожены!*» [13].

Так, в районе действия пятой партизанской бригады за июль 1943 года было расстреляно 95 человек. Согласно докладной записке К.Д.Карицкого, среди них было: «*Гестаповцев – 15 человек, полицейских – 7 человек, террористов – 1 человек, агентов полиции – 72 человека. Имущество расстрелянных конфисковывалось, дома сжигались...*» [14].

Всего же только в сфере деятельности этой партизанской бригады за 1943 год было казнено 687 человек.

Кто были эти люди? Как признавал комиссар пятой партизанской бригады И.И.Сергунин: «*Это народ по своему прошлому ущемленный и обиженный советской властью, люди, которые были заключены во Пскове. Немцы их освободили. Большинство заключенных имели 58 статью – контрреволюция. Это были кулаки и подкулачники, которые выселялись из своих районов проживания, но при оккупации немцы вернули их в свои районы. Меньшая часть из них – это люди, которые продались немцам за кусок хлеба*» [11].

Среди казненных были старосты, которые ревностно выполняли хозяйственно-политические распоряжения оккупантов. Некоторых женщин расстреливали за сожительство с немцами.

Огромный, иногда непоправимый ущерб партизанскому движению наносили мародеры и насильники в собственных рядах. Как писал в своём приказе комиссар пятой партизанской бригады И. И. Сергунин, «*в связи с притоком нового пополнения летом – осенью 1943 г. за счёт местного населения, солдат Русской освободительной армии Власова, военнопленных, перед политическими органами, партийными и комсомольскими организациями встала важная задача: необходимо было укреплять политико-моральное состояние, дисциплину и боеспособность личного состава всех отрядов и полков*» [15].

Среди сотен перебежчиков, оказавшихся в рядах сопротивления, были как бывшие уголовники, так и вражеские агенты. Их деятельность могла нанести ущерб и дискредитировать партизанское движение. Для того, чтобы это предотвратить, на всех бывших полицейских, солдат РОА и военнопленных особые отделы партизанских бригад заводили досье для наблюдения. Выявленных предателей судили и казнили. При рассмотрении серьезных дел, имевших широкую общественную огласку, привлекались все партизаны, а также местные жители. Преступления среди партизан были разные.

Летом 1942 года два бойца отряда «За Родину» Ефремов и Афанасьев, находясь в заслоне у деревни Плотки, украли у гражданки Степановой кальсоны и улей с медом. На товарищеском суде им было вынесено общественное порицание. После этого командир полка приговорил их к трем дням ареста [16].

Большие проблемы у командования были с бывшими уголовниками, которых Ленинградское управление НКВД забросило в немецкий тыл для того, чтобы они «кровью смыли свои преступления перед родиной». Одного из них, рецидивиста Шаруна, имевшего по приговорам больше 20 лет лагерей, за подвиги, проявленные в борьбе с гитлеровцами, амнистировали. Но уголовное прошлое дало о себе знать. Шарун стал грабить крестьян, насиловать крестьянских девушек, а после полового акта душил их. По требованию крестьян партизаны арестовали его. Суд прошел на месте преступления. Многочисленные показания пострадавших и их родственников определили приговор – смертная казнь через повешенье. Он был приведен в исполнение немедленно [17].

Можно сделать вывод о том, что деятельность советских партизанских формирований в годы Великой Отечественной войны контролировалась из Центра, регламентировалась целой группой государственных и ведомственных нормативных актов, и, следовательно, она была совершенно законной.

Великая Отечественная война стала тяжелейшим испытанием для всех народов нашей страны. И по сегодняшний день особое презрение вызывают те люди, которые шли на сотрудничество с захватчиком или своим поведением дискредитировали советское сопротивление. Многие из них были заслуженно уничтожены своими земляками или однопольчанами. До какой-то степени эти процессы оказались предшественниками Нюрнбергского процесса. Но все-таки: насколько они были законны? Безусловно, они были законны для тех реалий, в условиях которых и проходила Вторая мировая война. В условиях ожесточенного военного противостояния, массовых фактов военных преступлений руководство стран антигитлеровской коалиции задумывалось о будущих репрессиях против своих противников.

Во время Крымской конференции руководителей стран антигитлеровской коалиции – СССР, США и Великобритании премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль предложил, что *«лучше всего было бы расстрелять главных преступников, как только они будут пойманы»* [18].

В ходе этой беседы Иосиф Сталин, напомнив про Гесса и военнопленных преступников заметил, *«что перед расстрелом главные преступники должны быть судимы»* [19]. На вопрос Черчилля, *«какова должна быть процедура суда: юридическая или политическая?»*, Рузвельт заявил, что процедура не должна быть слишком юридической. При всяких условиях на суд не должны быть допущены корреспонденты и фотографы [20].

Черчилль, завершив дискуссию, отметил, что, по его мнению, суд над главными преступниками должен быть политическим, а не юридическим актом. Он *«хотел бы, чтобы между тремя державами была ясность во взглядах по этому вопросу. Однако ничего на данную тему не должно публиковаться, чтобы главные преступники не стали заранее мстить союзным военнопленным»* [21].

Здесь мы видим определенное ханжество и двуличие со стороны союзников СССР. Ведь в их предложениях было еще меньше стремления к строгому соблюдению норм права по отношению к своим военным противникам. Но именно во время совместных встреч, особенно в Ялте были выработаны те принципы, которые затем найдут свое воплощение в Нюрнбергском процессе.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. Ковалев Б.Н. Коллаборационизм в России в 1941 – 1945 гг: типы и формы. Великий Новгород, 2008. С. 9.
2. Трайнин И. П. Избранные трубы. С-Пб., 2004. С. 564 – 565.
3. Государственный архив новейшей истории Новгородской области (далее – ГАНИНО), Ф. 260, Оп. 1, Д, 191, Л. 77.
4. Там же, Л. 57.
5. Там же, Л. 17.
6. Там же, Л. 61.
7. Там же, Л. 62.

8. Там же.
9. Ломагин Н. А. Неизвестная блокада. Кн. 1. С.-Пб., 2002. С. 360.
10. ГАНИНО, Ф. 260, Оп. 1, Д, 191, Л. 63.
11. Там же, Д, 195, Л. 13 – 14.
12. Там же, Д, 106, Л. 4.
13. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. ЦГА ИПД СПб, Ф. 0-116, Оп. 8, Д, 156, Л. 5.
14. ГАНИНО, Ф. 260, Оп. 1, Д. 198, Л. 43.
15. Там же, Л. 73.
16. Там же, Д. 192, Л. 88.
17. Там же, Д. 201, Л. 82.
18. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941 – 1945 гг.: Т.4. Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (4 – 11 февраля 1945 г.). М., 1984. С. 170.
19. Там же.
20. Там же.
21. Там же.

М.В. Кучмина

*магистрант кафедры истории,
краеведения и методики преподавания истории
Гуманитарно-педагогической академии
Крымского федерального университета
имени В.И. Вернадского
(г. Ялта)*

ЗНАЧЕНИЕ ЛИЧНОСТИ И.В. СТАЛИНА В ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ КРЫМСКОЙ (ЯЛТИНСКОЙ) КОНФЕРЕНЦИИ

Крымская (Ялтинская) конференция безусловно явилась эпохальным событием для всего мирового сообщества. Для Советской России это событие трудно переоценить, так как достижения советской дипломатии за восемь дней февраля 1945 г. принесли СССР ощутимые результаты: возврат Курильских островов и Южного Сахалина по «Соглашению трёх великих держав по вопросам Дальнего Востока». Положительное для СССР решение спорных вопросов по Югославии и Польше, выплата значительных репараций в пользу СССР, как наиболее пострадавшей стране. На Крымской (Ялтинской) конференции, были выработаны основы создания ООН, здесь же, в Ялте были разработаны принципы мирового порядка, получившие название «ялтинской системы». И должно быть самое главное, Советская Россия получила признание союзников как великая держава.

За всеми успехами советской дипломатии стоят конкретные люди. Возглавлял советскую делегацию Председатель СНК СССР Иосиф Виссарионович Сталин.

Далее, в своей статье я дам ответ на вопрос, какие личные качества и черты характера И. В. Сталина, как главы советской делегации, помогли советской дипломатии одержать верх над союзниками, не нарушив сферы интересов каждого из них в отдельности.

Для того, чтобы ответить на поставленный вопрос, необходимо обратиться к биографии И. В. Сталина и проследить становление его как личности. В своём исследовании я обратилась к работам таких биографов И. В. Сталина как Роберт Такер — американский политолог, профессор, а также к труду венгерских учёных Л. Беладии и Т. Крауса. Также я обратилась к труду современного постсоветского автора — Юрченко С.В., в работе которого даны портреты ключевых фигур Крымской (Ялтинской) конференции.

Мной были использованы сборники научных докладов, выпущенные по материалам научных конференций в Ливадийском дворце-музее, посвящённых Крымской (Ялтинской) конференции.

В своём исследовании, изучив разные источники, и точки зрения касаясь личности И. В. Сталина, а также его роль в Крымской (Ялтинской) конференции, мной была сделана попытка непредвзятой оценки событий 4-11 февраля 1945 г.

Рассмотрев, на мой взгляд, самые важные этапы становления характера Иосифа Виссарионовича Сталина, мы сможем увидеть, то каким он предстал перед лидерами Великобритании и США, и самое важное, какие качества характера И. В. Сталина определили столь успешное завершение переговоров на Крымской (Ялтинской) конференции.

Двадцатый век для нашей страны и мирового сообщества во многом стал переломным. Две мировые войны, Отечественная война, череда революций, социальные и духовные потрясения, все эти события прошли через судьбы каждого человека, родившегося и жившего в России в конце девятнадцатого начале двадцатого столетий. Многие из них стали свидетелями и участниками падения Российской Империи и рождения Советской России. Многие из них сыграли ключевую роль в становлении нового государства, стояли у истоков СССР. Таким человеком был Иосиф Виссарионович Джугашвили. Он же Сталин.

Конечно, можно рассуждать об объективности решений, принимаемых лидерами стран, но, на мой взгляд, не нужно забывать о том, что лидер страны тоже человек. Только в отличии от обычного человека, личные взгляды и убеждения лидера могут

иметь последствия в масштабах всей страны и для всего её населения.

История нашей страны богата примерами, когда личность лидера, его взгляды и предпочтения определяли внутреннюю и внешнюю политику России. Так, на протяжении существования в России монархии, судьба страны, по сути, была во многом подчинена воли монарха. После падения самодержавия и образования СССР власть в стране опять сосредоточилась в руках одного человека, сначала «вождя революции» В. И. Ленина, а потом И. В. Сталина. И как когда-то при монархии вся политика Советской России во многом определялась исходя из личных взглядов и убеждений лидера, а многие решения принимались посредством личной, субъективной оценки той или иной ситуации. В контексте вышеизложенного можно говорить о преемственности единоличной власти в Советской России, традиции которой не ушли в прошлое с падением самодержавия.

На мой взгляд, рассматривая все аспекты Крымской (Ялтинской) конференции и её результаты, нужно обратить внимание на портрет тройки лидеров антигитлеровской коалиции, который рисует американский историк А. М. Шлезингер-младший: *«Это были утомлённые, уставшие от работы старые люди: в 1945 г. Черчиллю был 71 год, Сталин управлял своей страной в течение 17 трудных лет, Рузвельт – в течение 12 лет, почти таких же трудных <...> Никто из них не проявлял большой последовательности в тактике или не очень беспокоился об этом; все они допускали определённую двусмысленность, чтобы сохранить за собой возможность решать большие проблемы; и теперь практически не ясно, как толковать то или иное заявление, сказанное кем-либо из них в каком-либо конкретном случае»* [8, с. 7]. Сложно не согласиться с таким мнением, действительно, события, предшествовавшие встрече в Ялте, наложили свой отпечаток на каждого из лидеров.

Характер И. В. Сталина складывался в переломный момент истории нашей страны. Он прошёл непростой путь от ученика Тифлисской духовной семинарии до диктатора во главе огромной страны, в поступках которого мало святого.

Если обратить внимание на детские годы жизни И. В. Сталина, то можно увидеть мало хорошего и радостного: пьяница-отец, побои, бедность, унижение.

«Негативный опыт, приобретённый Сталиным в детстве, когда он был одарённым и чрезвычайно восприимчивым ребёнком, связан с рядом факторов, в том числе жестокостью его отца по отношению к нему самому и к его матери» [7, с. 384].

А вот на предположение немецкого писателя Эмиля Людвига, что причина его ухода в оппозицию кроется в плохом отношении родителей, И. В. Сталин ответил отрицательно [2]. Возможно, будущий диктатор действительно считал отношение родителей к себе неплохим, а возможно, не хотел делиться с немецким писателем сокровенным. Зато в контексте этой беседы, И. В. Сталин указал причину своей оппозиционности — порядки духовной семинарии [2]. Все мы родом из детства, независимо от достижений во взрослой жизни.

На мой взгляд, формирование личности И. В. Сталина, как диктатора, завершила ожесточённая внутрипартийная борьба за власть после смерти В. И. Ленина. Эта борьба потребовала от И. В. Сталина бескомпромиссности и жестокости, а также холодный расчёт: *«Он точно знал, как нужно идти в направлении намеченной цели: прямо, через трупы врагов или друзей, или надо идти на манёвр, выбирать круглые пути» [1, с. 223].*

Прежний опыт партийного строительства определил линию стратегии И. В. Сталина на начало Великой Отечественной войны «Советский диктатор мобилизовал в себе качества «искусного мастера создания различных политических блоков», отточенные им ещё в ходе внутрипартийной борьбы в двадцатые годы. Он шёл на компромисс с любым противником и не доверял любому союзнику» [8, с. 13].

Каким же способом диктатору удалось сконцентрировать вокруг себя лучших людей, преданных ему лично и делу победы над фашистской Германией? Конечно, каждый, кто работал рядом с И. В. Сталиным в годы Отечественной войны, хотел победы советского народа над захватчиками, но чтобы понять, в какой атмосфере проходила эта работа, нужно узнать какими методами И. В. Сталин пользовался, обеспечивая беспрекословное подчинение себе лично. Вот один из фактов такой

«преданности»: «Известно, что жёны Молотова и Калинина долгое время провели в лагерях.<..> О душевной «щедрости» Сталина свидетельствует то, что он пообещал Калинин у с приближением окончания войны освободить его жену из лагеря в честь победы. И действительно, через месяц после победы уже умиравший Калинин получил извещение об освобождении своей жены» [1, с. 224].

Почему И. В. Сталин действовал такими методами? Болезнь, сильное нервное расстройство, например, Роберт Такер считает И. В. Сталина *«личностью с параноидальными тенденциями» [1, с. 229].* Думаю, если бы он действительно был бы болен, то наверно, он бы не смог хорошо справляться с огромными потоками информации, приходящей с фронтов Великой Отечественной войны, и отдавать приказы.

«Свои основные решения Сталин никогда не принимал в состоянии невменяемости. Он всегда изучал другие точки зрения, очень часто запрашивал мнение того или иного специалиста» [1, с. 229]. Значит, всегда имел место холодный расчёт.

Работа советской делегации на Крымской (Ялтинской) конференции предусматривала командную работу, но мог ли И. В. Сталин позволить кому-то из окружения дать возможность отстоять свою точку зрения, даже если она была бы правильная и на тот момент лучшая? Мог ли дать возможность превзойти себя? Для лучшего понимания ответа на эти вопросы обратимся к труду Робертуа Такера, который на страницах своей книги записал мнение на этот счёт Бухарина: *«...Если кто-то лучше его говорит, он обречён, он уже не оставит его в живых, ибо этот человек вечное ему напоминание, что он не первый, не самый лучший, если кто лучше пишет - плохо его дело, потому что он, именно он, должен быть первым русским писателем...» [7, с. 383].* Думаю мы не можем обвинить Бухарина в необъективности, так как история знает такие понятия сталинского режима, как репрессии, ссылки, расстрелы, политзаключённые и ГУЛАГ.

Обратимся к воспоминаниям одного из участников советской делегации *«Сталин уверенно направлял деятельность Советской делегации, — вспоминал А. А. Громыко. — Эта уверенность передавалась всем нам, кто работал на конференции, особенно*

кто находился с ним за столом переговоров» [8, с. 16]. Мне представляется, что уверенность, о которой говорит А. А. Громыко, граничила со страхом за собственное будущее. Думаю, каждый человек из советской делегации на Крымской (Ялтинской) конференции руководствовался в первую очередь инстинктом самосохранения, поэтому, роль «первой скрипки» и право на последнее слово оставалось за И. В. Сталиным. В связи с этим можно говорить о ключевой роли И. В. Сталина на переговорах, как сильной личности и диктатора.

В контекст вышеизложенного, будет полезно обратиться к тому факту, как приветствовали И. В. Сталина его партнёры по переговорам — У. Черчилль и Ф. Рузвельт. *«Однажды Черчилль твёрдо решил не вставать при появлении Сталина. К началу очередной встречи они с Рузвельтом, как обычно заняли свои места и стали ждать советского лидера. Сталин вошёл, и будто потусторонняя сила подняла британского премьера с места»* [8, с. 16]. Масштабы влияния на окружающих советского лидера сложно переоценить.

Мог ли И. В. Сталин в силу особенностей своего характера и «параноидальным наклонностям» доверять союзникам в лице У. Черчилля и Ф. Рузвельта? На мой взгляд, беря во внимание тот факт, что советская разведка работала на высоком уровне во время Великой Отечественной войны, И. В. Сталин не мог не воспользоваться этой возможностью — получить нужную ему информацию для успешного ведения переговоров на Крымской (Ялтинской) конференции. Беседы западных дипломатов записывались на плёнку перед встречей [8]. Аккумулируя полученную информацию от разведки И. В. Сталин составлял психологические портреты зарубежных лидеров, и как отмечал П. А. Судоплатов *«...Эти психологические нюансы были для Сталина важнее разведывательных данных: возможность установления личных контактов с главами западных делегаций Рузвельтом и Черчиллем представлялась ему решающей»* [8, с. 16].

Его партнёры по Крымской (Ялтинской) конференции неизменно попадали под обаяние И. В. Сталина, на мой взгляд, это было результатом тщательной проработки советского лидера «психологической стороны» переговоров. *«Сталин был трудным соперником, партнёром по переговорам. Об этом говорят*

многие видные политические деятели, дипломаты той эпохи, прежде всего Черчилль. Сталин в большинстве случаев достигал того, чего он хотел на переговорах. Многие объясняют его успехи актёрскими способностями, поскольку он умел обворожить собеседников» [1, с. 221].

В контексте вышеизложенного следует сделать вывод, что посредством своей политики влияния на окружающих, своим «обаянием», конечно не без применения методов разведки И. В. Сталин смог решить самые главные задачи на Крымской (Ялтинской) конференции.

И всё же, не принижая значения И. В. Сталина в историческом процессе Великой Отечественной войны, преимущественное значение победы в этой страшной катастрофе всего человечества стало возможным только благодаря героическим подвигам русского народа. Стоит отметить, что именно самоотверженность и героизм русского народа — народа победителя и освободителя — стяжали славу России и звание великой державы. Без сомнений, опыт И. В. Сталина, как великого организатора и управленца помог на Крымской (Ялтинской) конференции вернуть России Южный Сахалин и Курильские острова, решить самые важные вопросы, связанные с послевоенным миропорядком — создать «ялтинскую систему».

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. *Белади Л., Краус Т.* Сталин: Пер. с венг.- М.: Политиздат, 1989. - 318 с.
2. Беседа Сталина с писателем Эмилем Людвигом// Огонёк, №23, 1932 г.
3. Дипломатия Великой победы: итоги исследований и уроки для формирования новой системы международных отношений: Материалы научной конференции (Ялта, Ливадийский дворец-музей, 6 мая 2005 г.): Сб. науч. ст. / Под ред С. В. Юрченко. - Симферополь: Издательский дом «Крым», 2005. - 136 с.

4. Ливадийский дворец-музей. Сборник. 1994 - 1999. (Сб. науч. тр.) - Севастополь, издательство «Мир», 1999. - с. 264
5. Ливадийский дворец-музей. Сборник. 2000 - 2003. (Сб. науч. тр.) - Севастополь, издательство «Мир» Севастопольского городского отделения Украинского фонда мира, 2003 г. - 304 с., 16 ил.
6. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941 - 1945 гг.: Сборник документов/М-во иностр. дел СССР. - М.: Политиздат - 1979 - 326 с., ил.
7. *Такер Р.* Сталин: Путь к власти. 1879-1929. История и личность: Пер. с англ./ Общ. ред. и послесл. В.С. Лельчука. - М.: Прогресс, 1991. - 480 с.
8. *Юрченко С. В.* «Большая тройка» и другие официальные лица. Крымская конференция 1945 года в портретах её участников. - Севастополь, издательство «Мир».- 1999.-С.152, 83 ил.
9. Ялта 1945 - 2005: От биполярного мира к геополитике будущего. - Симферополь: Магистр, 2005. - 296 с.
10. 40 лет Великой Победы. Ялта: пересмотру не подлежит// Новое время. Политический еженедельник. /6 (2068) 1 февраля 1985 года.

М. В. Масаев

доктор философских наук,
профессор кафедры философии и социальных наук
Гуманитарно-педагогической академии
Крымского федерального университета
имени В. И. Вернадского
(г. Ялта)

ЮРИДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРИСОЕДИНЕНИЯ КРЫМА К РОССИИ В КОНЦЕ XVIII СТОЛЕТИЯ И ВОССОЕДИНЕНИЕ КРЫМА С РОССИЕЙ В 2014 ГОДУ

***Аннотация.** Исследуя юридические аспекты присоединения Крыма к России в 1783 г. и воссоединения Крыма с Россией в 2014 г., автор показывает, что и в 1783 г., и в 2014 г. соединение Крыма с Россией было свободным выбором независимого Крыма (независимого Крымского ханства в лице хана Шагин-Гирея и независимой Республики Крым и независимого города-государства Севастополя, выбором всех наций и всего многонационального народа Крыма). И в 1783 г., и в 2014 г. выбор народа Крыма соответствовал действовавшему на это время международному праву и был абсолютно законным, а временное условное пребывание Крыма в составе Украины было незаконным и с точки зрения международного права, и с точки зрения внутреннего права СССР, РСФСР и УССР. Севастополь Украина получила вообще без каких-либо оснований и документов, законных и незаконных, просто в силу невежества бывших советских руководителей союзного и республиканского уровня. Претензии Украины на территорию субъектов РФ Республику Крым и город Севастополь и её «право на геноцид крымчан» бесосновательны и преступны.*

***Ключевые слова:** свобода, независимость, свободный выбор, международное право, внутреннее право, «ковосский прецедент», законность права на самоопределение, незаконность и преступность «права на геноцид».*

Summary. Investigating juridical aspects of the joining of the Crimea to Russia in 1783 and of the reunification of the Crimea and Russia in 2014 author shows that joining of the Crimea to Russia in 1783 and in 2014 was the free choice of the independent Crimea (khanate of the Crimea in the person of the khan Shagin-Girey and independent Republic of Crimea and independent state-city Sevastopol; the choice of all Crimean nations and the whole Crimean people). Both in 1783 and in 2014 the choice of the Crimean people corresponded to the acting in that time international law and was absolutely lawful, on the contrary the temporary, conditional being of the Crimea in the composition of the Ukraine was illegal both from the point of view of the international law and from the point of view of the domestic law of the USSR, RSFSR and Ukrainian SSR. Sevastopol was received by Ukraine without any foundations and documents, both legal and illegal, simply by force of ignorance of the former soviet leaders of the all-union and republican level. The pretensions of the Ukraine to the territory of the Russian Federation's members, Republic of the Crimea and Sevastopol and its "right to genocide" against the Crimeans are groundless and felonious.

Keywords: freedom, independence, free choice, international law, domestic law, "precedent of Kosovo", legality of the right to self-determination, illegality and felonious character of the "right to genocide".

Я не знаю другого Крыма, чем российский

Матеуш Пискорский, руководитель Центра российско-польского диалога и согласия, политолог

Воссоединение Крыма с Россией необходимо и неизбежно

Джимми Картер, бывший президент США

В последнее время в дискуссиях о юридических аспектах воссоединения Крыма с Россией, в которых участвуем и мы [1, с. 3], проводится мысль о законности этого исторического события.

К сожалению, при этом забывается то, что Крым был присоединён к России в конце XVIII столетия также законно, о чём мы писали ещё в 1997 г. на страницах двух наших монографий «Присоединение Крыма к России» [2] и «Крым во внешней политике России» [3], а также в многочисленных статьях, опу-

бликованных в 90–е годы прошлого века в газетах «Республика Крым», «Мещанская газета», «Будем милосердны», «Колесо обозрения», «Воин содружества», «Сын Отечества», «Голос избирателя», «Свободный Крым», «Русский мир», «Русская Таврида», «Южный курьер» и научных сборниках «Крымский полуостров в геополитических планах от античных времён до наших дней» (1995 г.), «Проблемы политической истории Крыма: итоги и перспективы» (1996 г.), «Проблемы материальной и духовной культуры народов Крыма и Северного Причерноморья от античных времён до наших дней» (1996 г.). Вспомнить об этом надо. Это облегчит рассмотрение вопроса о легитимности воссоединения Крыма с Россией в 2014 году.

Важно также вспомнить, что Крымская область, а тем более Севастополь, который, в отличие от Крымской области, никто и никогда Украине не дарил, оказались в составе Украины абсолютно незаконно. Незаконно поступили с воссозданной в 1991 г. Крымской АССР. Об этом мы писали в 1995 г. на страницах газеты «Свободный Крым» [4, с. 1].

Цель настоящей публикации – показать, что присоединение Крыма к России в конце XVIII столетия и воссоединение его с Россией в 2014 году были законными, а пребывание его в составе Советской Украины с 1954 по 1991 год и уж тем более в составе Украины «незалежной» с 1991 по 2014 год противоречили и международному праву, и внутреннему праву СССР, и правосознанию всего мыслящего человечества.

Заслуживает также рассмотрения вопрос о преступности притязаний Украины на Крым и преступности проводимой ею политики геноцида в отношении населения Крыма. Это тоже один из юридических аспектов проблемы и об этом мы уже писали [5-13].

Обратить внимание на наши работы по вопросу о законности присоединения Крыма к России и незаконности нахождения его в составе Украины следует ещё и потому, что официальная крымская наука, бывшая в украинском Крыму украинской, на эти работы внимания не обращала. Так, на монографию «Присоединение Крыма к России» [2] обратили внимание в Москве [14] и в подчинённой меджлису М. Джемилёва и Р. Чубарова крымско-татарской печати [15], где наши работы были названы «предвестниками беды» [15, с. 5]. Сейчас, когда эта, по мнению

бывшего меджлиса крымско-татарского народа, «беда», воссоединение Крыма с Россией, совершилась, и все жители Крыма, в том числе и крымские татары, восприняли это с радостью, вспомнить об этом можно, не боясь репрессий ни со стороны меджлиса, ни со стороны официальной науки, которая была до 2014 г. в Крыму украинской, а после воссоединения Крыма с Россией стала российской.

Русские жили в Крыму задолго до официального создания русского государства. Не случайно омывающее Крым море называлось Русским. Этот факт, а также факты нахождения в составе Киевской Руси отдельных регионов Крыма (Тмутараканское княжество) дали нам основание назвать присоединение Крыма к России в конце XVIII века воссоединением Крыма с Россией [2, с. 1]. Но не будем углубляться в раннее средневековье. Тем более, что международного права, в том понимании, которое сложилось сейчас, тогда не было. Было *jus gentium*, некоторые нормы которого, правда, стали «действующим правом не только феодального, но и капиталистического права» [16, с. 11]. Но для судеб Крыма в первое тысячелетие нашей эры это практически роли не играло.

Влияние международного права на судьбы Крыма началось с конца XVIII века, то есть с того момента, когда присоединение Крыма к России встало в повестку дня истории Крыма, практически со дня Манифеста императрицы Екатерины Великой от 19 (8) апреля 1783 г. о присоединении Крыма к России. Причём Манифест этот был составлен в полном соответствии с действующим международным правом.

В этой связи хотелось бы обратить внимание на три факта.

Во-первых, Крым присоединялся к России не в результате дефляции (завоевания), что само по себе признавалась тогдашним международным правом, в отличие от современного международного права, вполне законным, а в мирное время.

Во-вторых, Крым не отнимался у Турции. Крым в 1783 г. был абсолютно независимым государством. С вассальной зависимостью от Турции было покончено в 1772 году, когда крымский хан Сахиб-Гирей получил 4 июля 1772 г. соответствующий документ из рук полномочного посла России Щербинина [17, с. 3]. 10 марта 1779 г. независимость Крымского ханства признала и Турция,

подписав с Россией соответствующую конвенцию (Айналы-Каваскую конвенцию) [2, с. 162; 18, с. 188].

В-третьих, присоединение Крыма к России было добровольным, оно было выражением воли его суверена, крымского хана Шагин-Гирея. Манифест о присоединении Крыма к России Екатерина Великая подписала 19 (8) апреля 1783 г. после того, как Шагин-Гирей отказался от ханства [2, с. 166]. Шагин-Гирей на собрании мурз, духовенства и черни в Карасубазаре (современный Белогорск) призвал на своих подданных суд Божий и объявил, что не желает быть ханом такого коварного народа [19, с. 30].

Присоединение Крыма к России в 1783 г. не было нарушением ни государственного, ни национального суверенитета Крыма – выражающий оба этих суверенитета хан Шагин-Гирей был сторонником присоединения Крыма к России. О народном суверенитете в то время речи не было. Доктрину народного суверенитета развивали в своё время лишь советские юристы-международники [16, с. 120; с. 156-159], а в эпоху возврата человечества от коммунизма к капитализму о народном суверенитете забыли. Не вспоминая об «ошибочном» коммунистическом подходе к народному суверенитету, его фактически признали, согласившись с мнением народа Крыма, всех составляющих его национальностей, при воссоединении Крыма с Россией в 2014 г.

Таким образом, присоединение Крыма к России в 1783 г. было абсолютно законным – оно выражало волю носителя государственного и национального суверенитета Крыма – хана Шагин-Гирея. Оно не нарушало прав Турции на Крым, которых у Турции уже не было.

В этой связи абсурдным представляется миф о том, что «Турция передала Крым России по... Кючук-Кайнарджийскому миру 1774 г. при условии, что если Россия откажется от него, то Крым вернётся Турции». Мысли эти были выражены публично в «актуальных письмах» в «Мещанскую газету» 19 ноября 1994 г. Но Крым стал российским не в 1774, а в 1783 году, а в 1954 г. турецким не стал. В Кючук-Кайнарджийском договоре о передаче Крыма России не говорилось. Да и не могла Турция передать России то, чем она не владела в полной мере, да ещё на таких фантастических условиях (подробнее об этом см. нашу статью в «Южном курьере» (бывший «Крымский комсомолец») [20, с. 2].

После Великой Октябрьской социалистической революции Крым оказался за пределами России не сразу. Сначала В. И. Лениным были заложены, по выражению В. В. Путина, «мины замедленного действия» в виде союзных республик с правом выхода [21, с. 2]. Затем в самую большую из мин, Украину, передали из состава РСФСР Донбасс (Донецко-Криворожскую Советскую Республику) [6, с. 7], а русскоязычный Харьков сделали столицей братской республики. В. В. Путин объяснил это необходимостью иметь на Украине «большую социальную поддержку» [21, с. 2] в лице донецкого и харьковского пролетариата. В Крыму пролетариата было меньше, и его оставили в составе РСФСР. Но после прихода к власти в СССР Н. С. Хрущёва, выросшего в качестве лидера на Украине и имевшего в качестве второй жены сверхзападенку (украинку, родившуюся на территории современной Польши), Крым стал с 1954 г. украинским. Передачу Украине Севастополя Н. С. Хрущёв, по своему невежеству, оформлять не стал. Он и так, в силу невежества всей советской элиты, оказался украинским, продолжая юридически оставаться российским.

Причём сделано всё это было в нарушение принципа государственного, национального и народного суверенитета РСФСР и без какого бы то ни было согласия народа Крыма. Так же поступили в своё время с населением Донецко-Криворожской Советской Республики [6, с. 7].

Передача Крымской области в состав Украины (город республиканского подчинения РСФСР Севастополь юридически в состав Украины не передавался) была проведена с такими грубыми нарушениями конституционных норм Советского государства, что могла считаться юридически недействительной с самого начала. Статья 14 Конституции СССР отдавала «утверждение изменений границ между союзными республиками в ведение Союза Советских Социалистических Республик» в лице Верховного Совета СССР, а статья 18 декларировала: «Территория союзных республик не может быть изменена без их согласия» [Цит. по: 1, с. 3].

Президиум ЦК КПСС под председательством Г. М. Маленкова 25 января 1954 г. признал целесообразным рассмотреть совместное представление Президиумов ВС РСФСР и УССР о передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР.

Указанного совместного представления не было подано в Президиум Верховного Совета СССР, не было соответственного рассмотрения (в соответствии со ст. 14 Конституции) этого несуществующего представления и в ВС СССР. Решение Президиума ВС РСФСР от 5 февраля 1954 г. предусматривало рассмотрение вопроса в соответствии со ст. 33 Конституции РСФСР в Верховном Совете РСФСР, чего не было сделано. Незаконным было решение Президиума ВС УССР от 13 февраля. Указ Президиума ВС СССР от 19 февраля 1954 г. был утверждён 26 апреля 1954 г. без представления на рассмотрение вопроса о передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР. Вопрос о передаче города республиканского подчинения РСФСР Севастополя из состава РСФСР в состав УССР вообще не стоял. Факты грубого нарушения конституционных норм СССР при юридическом оформлении передачи Крымской области из состава России в состав Украины были утверждены Постановлением Верховного Совета Российской Федерации от 21 мая 1992 года «О правовой оценке решений высших органов государственной власти РСФСР по изменению статуса Крыма, принятых в 1954 году». 22 мая 1992 года ВС РСФСР принял Заявление в адрес ВС Украины, в котором обратился с призывом к президенту Украины, Верховному Совету Украины «воздержаться от каких-либо действий, направленных на подавление свободного волеизъявления населения Крыма, имеющего, в соответствии с международными нормами, полное право самостоятельно определить свою судьбу» [1, с.3]. В условиях, когда стало ясно, что «воздерживаться от действий, направленных на подавление свободного волеизъявления населения Крыма» Украина не будет, и произошли известные события 2014 г., связанные с провозглашением независимости Республики Крым и города Севастополя и их добровольным воссоединением с Россией. При этом, находившиеся в соответствии с международным правом на территории Крыма российские войска гарантировали защиту народу Крыма от насильственных действий со стороны украинских властей или радикально настроенных националистов, лишаящих его возможности провести референдум, а находившиеся на территории Крыма украинские войска перешли на сторону народа Крыма. Не пожелавшие этого сделать волеизъявлению народа Крыма не препятствовали. Они от противоправных действий воздержали-

лись. Народ Крыма вполне правомерно осуществил своё неотъемлемое право на жизнь и свободу, а Россия вполне правомерно взяла его под защиту от геноцида киевской хунты.

Воссоединение Крыма с Россией спасло население Крыма от геноцида, которому Украина подвергла Одессу и Донбасс. Попытки геноцида населения Крыма со стороны Украины продолжаются, но они уже не угрожают населению Крыма полным уничтожением. В январе 2016 г. Государственный Совет Республики Крым принял Заявление в связи с геноцидом Украины против населения Крыма. Хочется надеяться, что мировое сообщество поймёт, что проводимый киевской хунтой геноцид надо останавливать. Жизнь подтверждает слова известного члена элитного клуба знатоков «Что? Где? Когда?» А. А. Вассермана, одессита, вынужденного проживать в Москве, о том, что *«превращение Украины в национальное государство есть геноцид»*.

Страдают от этого геноцида не только Крым, но и Одесса, Киев, Харьков, Днепропетровск, Запорожье и Херсон. Не хочет мириться с геноцидом Донбасс. А геноцид – это, в соответствии с Конвенцией 12 января 1951 г., тягчайшее международное преступление, о чём мы писали на страницах тамбовского «Нашего голоса» 5 марта 2015 года в статье «Преступление без наказания» [5, с. 3].

Спасая от гибельного геноцида украинской хунты народ Крыма, выйдя из состава Украины и воссоединившись с Россией.

Выступая 18 марта 2014 г. с обращением в Федеральному Собранию России, В. В. Путин отметил, что проведение крымскими властями референдума и принятие на его основе результатов декларации независимости опирается на Устав ООН *«и на известный прецедент, который наши западные партнёры создали сами, что называется, своими собственными руками, в ситуации, абсолютно аналогичной крымской, признав отделение Косово от Сербии легитимным, доказывая всем, что никакого разрешения центральных властей страны для одностороннего объявления независимости не требуется»*. 22 июля 2010 г. Международный Суд ООН большинством голосов (10 против 4) вынес консультативное заключение о том, что *«декларация независимости Косово, принятая 17 февраля 2008 года, не нарушает международного права»*.

«В XVIII, XIX и начале XX века были многочисленные случаи принятия деклараций о независимости... ни в каком из случаев

практика государств в целом не предполагала, что акт провозглашения независимости считался противоречащим международному праву, — говорилось в документе Суда. — В течение XX столетия международное право самоопределения развивалось таким образом, чтобы создать право независимости для народов самоуправляющихся территорий и народов, подчинённых иностранному игу, господству и эксплуатации» [Цит. по: 1, с. 3].

При этом любое консультативное заключение Международного Суда ООН, несмотря на свой консультативный или рекомендательный характер, выраженный в названии Документа, является высокоавторитетным, поскольку выносится главным судебным органом ООН, учреждённым на основе Устава ООН. Пункт 3 статьи 31 Статуса Международного Суда ООН устанавливает правило, которое явно предполагает, что консультативное заключение данного Суда имеет не только рекомендательный, но и в определённой степени также обязательный характер.

О «косовском прецеденте» подробнее можно прочитать в книге В. А. Томсинова «Украинский кризис и тайны современной геополитики» [22, с. 130 – 173].

Да и недолгое нахождение Крыма в составе Украины было условным. Крым был передан Украине в качестве подарка в честь 300-летия воссоединения Украины с Россией, от которого Украина отказалась в 1991 г.

Всё это и заставило бывшего президента США Джимми Картера на встрече в апреле 2015 года в Москве патриархов международной политики с президентом России В. В. Путиным и произнести фразу, которую мы выставили в эпиграф, о том, «воссоединение Крыма с Россией необходимо и неизбежно», а известный польский политолог Тадеуш Пискорский вообще не знает иного Крыма, чем русский. Тем более, что Крым у Украины никто не отнимал. С Россией воссоединилась независимая Республика Крым и независимый город-государство Севастополь. В Украину они уже не входили так же, как и не входило Крымское ханство в Турецкую империю в 1783 году. И в конце XVIII столетия, и в начале XXI столетия с Россией воссоединялся независимый Крым, выражая свою суверенную волю. В конце XVIII века волю, вытекавшую из государственного и нацио-

нального суверенитета, а в 2014 году – волю, вытекающую и из государственного суверенитета Республики Крым и города-государства Севастополя, и из национального суверенитета населяющих Крым национальностей, и из народного суверенитета многонационального народа Крыма.

Претензии Украины на Крым – это акты агрессии и геноцида. А это тягчайшие международные преступления, которые не должны оставаться без наказания.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. *Масаев М.* Воссоединение Крыма с Россией – юридические аспекты / М. Масаев // Наш голос. – 2015. - № 21 (919). – 21 мая. – С. 3.
2. *Масаев М. В.* Присоединение Крыма к России / М. В. Масаев. – Симферополь: Таврия, 1997. – 204 с.
3. *Масаев М. В.* Крым во внешней политике России (XVI – XVIII вв.) / М. В. Масаев / Министерство образования Украины. Симферопольский государственный университет. – Симферополь: Таврия, 1997. – 348 с.
4. *Масаев М.* Какие законы нарушила Украина, выйдя из СССР / М. Масаев // Свободный Крым. – 1995. - № 10 (17). – 15 апреля. – С. 1.
5. *Масаев М.* Преступление без наказания / М. Масаев // Наш голос. – 2015. - № 10 (908). – 5 марта. – С. 3.
6. *Масаев М.* Расстрелянная мечта и расстреливаемая реальность / М. Масаев // Наш голос. – 2015. - № 13 (911). – 26 марта. – С. 7.
7. *Масаев М.* Спасет ли мир экстраординарное международное право? / М. Масаев // Наш голос. – 2015. - № 22 (920). – 28 мая. – С. 6.
8. *Масаев М.* Приведёт ли доктрина «несостоятельного государства» к созданию новых норм международного права / М. Масаев // Наш голос. – 2015. - № 24 (921). – 11 июня. – С. 6.
9. *Масаев М.* Украина: как незаконнорожденное государство, функционируя в пространстве беззакония, выталкивало Крым из своего состава / М. Масаев // Наш голос. – 2015. - № 29 (927). – 16 июля. – С. 7.
10. *Масаев М. В.* 70-летие Устава ООН и перспективы развития науки международного права / М. В. Масаев // Апробация. Ежемесячный научно-практический журнал. – 2015. - № 7 (34). – С. 29-30.
11. *Масаев М.* В Израиле намекают на необходимость лишения Украины суверенитета / М. Масаев // Наш голос. – 2015. - № 39 (937). – 24 сентября. – С. 7.
12. *Масаев М.* Почему думать об угрозе украинского фашизма надо не только в Израиле / М. Масаев // Наш голос. – 2015. - № 41 (939). – 8 октября. – С. 3.
13. *Масаев М. В.* К чему приводит игнорирование уроков истории / М. В. Масаев // Наш голос. – 2016. - № 3 (954). – 21 января. – С. 7.
14. *Дейников Р. Т. Рец.: Масаев М. В.* Присоединение Крыма к России. – Симферополь: Таврия, 1997. – 204 с. // Отечественная история. – 2000. - №3. – С. 183-186.
15. *Сератдинов А.* Предвестники беды // Голос Крыма. – 2000. - №16 (335). – 14 апреля. – С. 5.
16. Курс международного права. – Издание 2-е, переработанное и дополненное. – Ответственный редактор Ф. И. Кожевников. – М.: Международные отношения, 1966. – 648 с.
17. *Масаев М.В.* Из чьих рук крымский хан получил грамоту о независимости / М. В. Масаев // Голос избирателя. – 1994. - №59 (68). – 18 ноября. – С. 3.
18. *Андреев А. Р.* История Крыма. Краткое описание прошлого Крымского полуострова. – М.: Издательство Межрегионального центра отраслевой информатики Госатомнадзора России, 1997. – 255 с.
19. *Лашков Ф. Ф.* Шагин-Гирей, последний крымский хан. – Симферополь, 1991. – 48 с.
20. *Масаев М.* Крымчане турецкоподданными не станут / М. Масаев // Южный курьер. – 1995. - №4/7480. – 27 января. – С. 2.
21. *Смирнов Дмитрий.* Зачем Донбасс отдали Украине // Комсомольская правда. – 2016. - №8 (26485). – 27 января. – С. 2.
22. *Томсинов В. А.* Украинский кризис и тайны современной геополитики / В. А. Томсинов. – М.: Вече, 2015. – 240 с.

А.Н. Оранский
Экскурсовод
Ливадийского дворцово-паркового
музея-заповедника
(г. Ялта)

«РУЗВЕЛЬТОВСКАЯ ПОГОДА» В ЯЛТЕ В ФЕВРАЛЕ 1945 ГОДА

***Аннотация.** Статья посвящена погодным условиям на Южном берегу Крыма в период проведения Крымской конференции 1945 года, определению возникшего на конференции термина «Рузвельтовская погода»*

***Ключевые слова:** Ялтинская конференция, президент Ф. Рузвельт, погода.*

***Summary.** This research is dedicated the weather conditions on the Southern Coast of Crimea in February of 1945 and why some authors call it “The Roosevelt’s Weather”.*

***Keywords:** Yalta conference, president F. Roosevelt, weather.*

В исторических трудах, посвященных заключительному этапу Великой Отечественной войны, много внимания уделяется событиям февраля 1945 года – работе Крымской (Ялтинской) конференции. Особому анализу подвергаются решения конференции по тем или иным политическим и военным вопросам. Но при этом авторы воспоминаний или каких-либо аналитических трудов, посвященных работе конференции, либо оставляют в стороне, либо лишь вскользь упоминают о многих деталях, кажущихся на первый взгляд незначительными, но в совокупности играющих значительную роль и представляющих интерес для современного исследователя. Например, практически обойден вниманием вопрос о погодных условиях на Южном берегу Крыма с 4 по 11 февраля 1945 года. А именно вопрос о погоде видится одним из факторов, совокупность которых является значимой при выборе места проведения встречи подобного уровня.

В работах западных исследователей, однако, периодически упоминается термин «рузвельтовская погода», характеризующий синоптическую обстановку в период пребывания американского президента в Крыму. При этом подчеркивается, что указанный термин применен для обозначения приемлемо теплой и комфортной метеорологической обстановки в указанный выше период.

В данной работе поставлена задача разобраться в значении термина «рузвельтовская погода» на основе воспоминаний участников конференции, а также с помощью объективных данных, предоставленных Ялтинской метеорологической станцией на 1–14 февраля 1945 года, определить степень «комфортности» погодных условий в период работы Крымской конференции.

Одно из первых упоминаний «рузвельтовской погоды» сделано сыном президента Элиотом в произведении «Его глазами», где есть такие строки: «Советские делегаты также сделали удачный дипломатический ход, обратив внимание на то, что с приездом отца в Крыму наступила хорошая погода. Им была известна ходячая поговорка, и в беседе они употребили выражение «рузвельтовская погода» [1, с. 238]. Кроме того, данный термин встречается в американском сборнике документов,

посвященном конференциям на Мальте и в Ялте. Указанный сборник вышел в печать в Соединенных штатах в 1955 году. В нем под заголовком «Журнал пребывания президента в Ялте» помещен такой текст: *«Во время нашего визита погода была самой хорошей. Средняя температура – 40 [1]. Русские оценили хорошую погоду и назвали ее «Рузвельтовской погодой». За несколько дней до нашего приезда погода была не такой благоприятной, но именно в «нужное время» прояснилась и оставалась такой во время нашего пребывания в Ялте»* [2, р. 558].

Таким образом, из краткого замечания Элиота Рузвельта и «Журнала президентской поездки» можно сделать вывод, что погода была действительно весьма комфортной.

Для того, чтобы конкретнее представить себе погодные условия в интересующий нас период, обратимся к описанию климатических условий, характерных для территории, на которой были размещены резиденции прибывших на конференцию делегаций.

Южный берег Крыма (ЮБК) побережье от мыса Айя до Ай-Тодора во все времена славился специфическим климатом. Это самое теплое побережье во всем Крыму, открытое влажным морским юго-западным ветрам и совершенно закрытое горным массивом от северных холодных ветров. Близко подходящий к морскому берегу, горный массив с вершиной Ай-Петри является естественным конденсатором морских паров, что дает в этой части Крыма значительно большее количество атмосферных осадков.

Лучшей частью ЮБК являются Ялта и ее окрестности. К Ялте подходят две долины горных речек Учан-Су и Дерекоя, и каждая из этих долин имеет свои оттенки климата, что выражается в местных ветрах. Климат Ялты субтропический средиземноморского типа – теплый и сухой. Среднегодовая температура воздуха +13 °С (в мае +16 °С, в июле +24 °С, в сентябре +19 °С, в октябре +14 °С, в ноябре +9 °С, в феврале +4 °С). Город солнца. 2250 часов в год оно сияет над Ялтой. Как в Ницце, Каннах, Сан-Ремо, больше чем на Кавказском побережье, на сто часов больше, чем в Сочи. Температура воды Черного моря бывает максимальная 28-29°, средняя температура в купальный сезон 19-24°, Летний зной умеряется морскими бризами, дующими в

течение дня. Зима очень мягкая, с большим количеством осадков (влажность - 73%), лето жаркое и сухое (62%) [3].

Именно это обстоятельство сыграло немаловажную роль в выборе места проведения второй встречи «большой тройки» на завершающем этапе Второй мировой войны. В ходе подготовки этой встречи рассматривались разные географические точки, могшие по ряду причин быть пригодными для удобства пребывания трех немолодых и изрядно уставших от забот людей. Среди прочих в переписке лидеров трех держав назывались такие места как Гаага, Афины, Кипр, Мальта [4, с. 7-17]; при этом, по словам помощника президента Г. Гопкинса *«в предложенных им (президентом – А. О.) многочисленных вариантах Россия не фигурировала»* [5, с. 558]. Но в ходе переписки становилось ясно, что советский лидер не желал бы покинуть пределы СССР. В письме президенту Сталин подчеркивал: *«Если высказанная ранее мысль о возможности нашей встречи на советском Черноморском побережье представляется для Вас приемлемой, я бы считал весьма приемлемым осуществить этот план... Поскольку в данное время врачи не советуют мне предпринимать большие поездки, я вынужден с этим считаться»* [4, с. 18]

У советского лидера были основания беспокоиться о своем здоровье, да и здоровье других главных участников конференции также оставляло желать лучшего. *«Это были утомленные, уставшие от работы старые люди: в 1945 году Черчиллю был 71 год, Сталин управлял страной в течение 17 трудных лет, Рузвельт – в течение 12 лет, почти таких же трудных»* [6, с. 244-245]. К замечанию американского исследователя А. Шлезингера-младшего следует добавить, что Рузвельт в 1921 году перенес тяжелое заболевание, сделавшее его инвалидом, и после закрытия Крымской конференции ему было отпущено лишь два месяца жизни. В свете сказанного становится ясно, что фактор климатических и погодных условий имел большое значение при выборе места проведения конференции.

Тут необходимо отметить, что «Русская ривьера» – так в прошлом называли Южный берег Крыма – оправдала возложенные на нее ожидания. В воспоминаниях участников Конференции и лиц, обеспечивавших ее проведение, имеются краткие замечания по поводу погодных условий на ЮБК в первой

половине февраля 1945 года. Участвовавший в охране части делегатов конференции И. В. Зазвонов так описал зимний климат на ЮБК: «Погода в Крыму, особенно в зимнее время, резко сменчивая. За одни сутки температура может или упасть, или подняться в пределах двадцати градусов и больше. Обычно этим отличается февраль» [4, с. 175]. Но при этом он подчеркнул: «Зима в Крыму с 44 по 45 год выдалась как никогда теплой. Уже в Алушке мне запомнился день во второй половине декабря. Когда на массивном термометре на Львиной террасе Воронцовского дворца мы увидели температуру 16 тепла. Не знаю, или синоптики так точно предсказали погоду, или что-то другое благоприятствовало проведению конференции. Но период с 4 по 11 был исключительно теплым, стояла солнечная безветренная погода» [4, с.167]. К сказанному необходимо добавить данные, приведенные в уже упоминавшемся выше американском сборнике документов, посвященных конференциям на Мальге и в Ялте: «Среднегодовая температура там 56,652. Во время нашей поездки термометр показывал около 40 и не было никаких неудобств» [2, с. 551].

Следует оговориться, что Крым встретил Западных союзников, прибывших на Сакский аэродром, расположенный в 130 километрах северо-западнее Ялты, совершенно другой погодной картиной. По воспоминаниям заместителя министра иностранных дел Великобритании А. Кадогана: «на земле лежал талый снег, но ветра не было, и было не очень холодно» [7, р. 702]. В ходе продвижения союзных автомобилей на ЮБК, по словам Кадогана, картина постепенно меняется: «Примерно на половине пути мы начали подниматься в горы, дорога улучшилась, снег стал исчезать и ландшафт стал интереснее. В конце концов, дорога завилала вниз к морю, и мы оказались в другой стране. Значительно теплее, кипарисы и деревни с хорошо крытыми черепицей крышами – скорее похоже на Италию» [7, р. 702]. При этом лидер делегации Великобритании – премьер-министр Уинстон Черчилль в своем монументальном произведении «Вторая мировая война» утверждает: «После продолжительного полета в холодную погоду мы приземлились на аэродроме, покрытом глубоким снегом ... Когда мы пересекли горы и спустились к Черному морю, мы внезапно ощутили тепло,

яркий солнечный свет. Климат здесь очень мягкий» [4, с. 113]. А вот в каких словах описывает погоду на аэродроме, предназначенном для встречи самолетов союзников, накануне конференции заместитель наркома госбезопасности Крымской АССР полковник Н. М. Ходжаев: «В ночь на 1 февраля 1945 года выпал небольшой снег, который серебристым покровом прикрыв Сакский аэродром... Поднялся степной ветер, но вскоре выглянуло яркое солнце. Под его золотистыми лучами крупинки снега на поверхности земли блестели, как самоцветы. Несмотря на все это, в воздухе чувствовалось некоторое похолодание» [4, с. 157].

Как видим, приведенные выше выдержки из воспоминаний разных людей, имевших отношение к организации проведения крымской конференции «Большой тройки» сходятся в одном: погода на Южном берегу Крыма в первой декаде февраля 1945 года была на редкость мягкой и комфортной; но при этом заметно отличалась от синоптической ситуации в центральной, степной части полуострова.

Следует подчеркнуть также, что приведенные отрывки воспоминаний участников Конференции и персонала, обеспечивавшего ее проведение, при всем своем сходстве носят в большей степени субъективный характер. Для создания объективной картины погодных условий на ЮБК зимой 1944 – 45 года необходимо прибегнуть к данным Ялтинского метеорологической станции (находившейся в ведении Севастопольского управления гидрометеорологической службы СССР), отслеживавшей ситуацию в тот далекий период. Метеорологические наблюдения проводились по ряду важнейших показателей, способных дать более четкое представление о погоде в упомянутый период. В частности, день за днем фиксировались такие параметры, характерные для зимней погоды, как: температура воздуха в разное время суток (замеры проводились в 1, 7, 13 и 19 часов), влажность воздуха, количество осадков, атмосферное давление, направление и сила ветра, количество и характер атмосферных явлений. Основываясь на объективных данных таблиц метеорологического наблюдения ялтинской метеостанции и сравнивая со средними показаниями климатических условий в данном районе можно представить себе конкретную погодную ситуацию в интересующий период.

Итак рассмотрим, какую метеорологическую обстановку зафиксировали ялтинские синоптики в первой половине февраля 1945 года.

Дата	Температура воздуха (°С)	Относительная влажность воздуха (%)	Атмосферные явления
1	6,4	81,7	
2	4,7	86,5	Дождь
3	5,2	74	
4	5,6	73	
5	5,6	71,5	
6	6,5	70,8	Дождь
7	5,0	76,3	Иней
8	3,9	76,3	
9	4,0	80	
10	4,1	74,3	
11	3,6	76,4	Морось
12	6,1	79,5	Моросящий дождь
13	7,5	79,8	Моросящий дождь, сильный ветер
14	5,2	56,5	Ливень со снегом, сильный ветер

Примечания к таблице. Для удобства понимания представленной таблицы в ней приведены среднесуточные показания приборов по указанным параметрам. Кроме того следует отметить, что измерения показаний фиксировались через каждую четверть суток – в 1, 7, 13 и 19 часов.

Согласно данным, представленным в приведенной таблице, средняя температура воздуха в первой половине февраля 1945 года составляла +5,3°С, что для зимнего периода со среднемесячным температурным показателем по Ялте +4°С является неплохим показателем. Для сравнения, средняя температура воздуха в такой же промежуток времени в 2010 и 2011 годах составляла соответственно +1,4 и +1,5°С [8, 9]. Кроме того, необходимо добавить, что в период проведения Крымской конференции наблюдалась практически безветренная погода. В целом, на февраль 1945 года пришлось лишь три ощутимо ветреных дня. При

этом нужно оговориться, что эти дни пришлось на вторую половину февраля, то есть на период, когда участники конференции покинули пределы Крыма.

Из вышеприведенных сведений можно сделать вывод о том, что в воспоминаниях Зазвонова и некоторых других лиц, обеспечивавших проведение Крымской конференции, существует некоторая неточность. По объективным данным, февральская температура на ЮБК была достаточно высока, но даже с учетом поправки на дальность расположения Воронцовского дворца от Ялтинской метеостанции (около 15 км. к юго-западу от Ялты) разница в показаниях термометров не может быть так велика. За исключением каких-либо специфических факторов. Но это последнее утверждение можно отнести уже к разряду домыслов.

Таким образом, объективные данные наглядно иллюстрируют погодную обстановку на Южном берегу Крыма в период работы Ялтинской встречи «большой тройки». Согласно этим данным можно со значительной степенью уверенности констатировать, что термин «рузвельтовская погода» действительно описывает именно заметное потепление погодной обстановки на ЮБК непосредственно в период пребывания здесь участников работы Крымской конференции. Можно также дискутировать по поводу наименования этой «погоды», задавшись вопросом, почему именно «рузвельтовская», а не, например, «сталинская» или «черчиллевская». На этот вопрос исчерпывающе ответил Э. Рузвельт в приведенной в начале данной работы цитате. Наименование «рузвельтовская» стало данью уважения принимающей стороны к одному из самых выдающихся политиков первой половины прошлого века. Уважения к человеку, проявившего в работе конференции незаурядный ум, терпение и умение найти «золотую середину» в решении самых противоречивых и спорных вопросов.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Имеется в виду 40° по Фаренгейту, что соответствует +4,4° по Цельсию.
2. 56.65° F = +13.69° C

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. Рузвельт Э. Его глазами. - М.: Государственное издательство иностранной литературы, 1947., - 256 с.
2. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Conferences at Malta and Yalta, 1945. – Washington, 1955. – 1032 PP.
3. Курорты Крыма, Чёрное море – климат [электронный ресурс]. – URL: http://www.crimea-tourcenter.com/klimat_krim.php (дата обращения: 10.02.2016).
4. Крымская конференция 1945 года в воспоминаниях и документах. Симферополь: Издат. Дом. «Крым», 2006. – 208 с.
5. Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца: в 2 т. – М., 1958. – Т. 2. – 678 с.
6. Шлезингер-младший А. М. Циклы американской истории. – М., 1992. – 688 с.
7. Cadogan A. The Diaries of Sir Alexander Cadogan 1938 – 1945. – Cassel, London, 1971. – 881 PP.
8. Погода. Информеры. Архив погоды в г. Ялта [электронный ресурс]. – URL: <http://prognoz-pogoda.com/arhiv/jalta/2-2010> (дата обращения: 01.08. 10, 10.02.2016).
9. Погода. Информеры. Архив погоды в г. Ялта [электронный ресурс]. – URL: <http://prognoz-pogoda.com/arhiv/jalta/2-2011> (дата обращения: 01.02. 11, 10.02.2016).

УДК 94(47).084.8

П.Б. Плужник

старший научный сотрудник
научно-экспозиционного отдела «История Ливадии»
Ливадийского дворцово-паркового музея-заповедника
(г. Ялта)

ДИРЕКТОР ЛИВАДИЙСКОГО КУРОРТА ПЕРИОДА ПОДГОТОВКИ И ПРОВЕДЕНИЯ КРЫМСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ 1945 ГОДА

Аннотация. Статья освещает деятельность директора Ливадийской курортной конторы в 1944-1945 годах на основании архивных материалов.

Ключевые слова: Ливадия, Ялтинская конференция, курорт, Назаров, госпиталь.

Summary. The article is devoted to the Director Livadia resort office in 1944-1945.

Keywords: Livadia, Yalta conference, resort, Nazarov, hospital.

Сразу же после освобождения Ялты в апреле 1944 года на ЮБК было создано Управление курортов и эвакуогоспиталей НКЗ СССР, которое приступило к вводу в эксплуатацию сохранившихся здравниц [1, с.277-280]. Одновременно началась работа по определению размера ущерба, причиненного курортам военными действиями и оккупацией. Согласно заключению ялтинской городской комиссии общие потери коечного фонда южнобережных здравниц составили около 40%. Ливадийский курорт потерял около 20% коечного фонда. Из девяти здравниц, функционировавших здесь до начала войны, уцелело семь. Полностью были разрушены санатории ВЦСПС и Наркомзема, построенные в советский период. Корпуса здравниц Наркомздрава пострадали меньше, преимущественно от неблагоприятных факторов природного характера, бесхозяйственности и варварской эксплуатации в период оккупации [2, ф.83, оп.1, д.167, л.4; ф.р.26, оп.2, д.83, л.58]. Однако потеря квалифицированных кадров, значительный материальный ущерб и разрыв хозяйственных связей привели к полному развалу структуры курорта. В тяжелейших условиях военного времени все приходилось начинать заново. Главную задачу южнобережным курортам в мае 1944 года определила севастопольская эпопея. Требовалось в кратчайшие сроки, буквально в считанные дни, принять, разместить и организовать работу полевых госпиталей НКЗ СССР, обеспечивая их всем необходимым для полноценного функционирования. С целью выполнения этих задач, на базе уцелевших здравниц была развернута сеть курортных контор НКЗ СССР, включая Ливадийскую. На руководителей этих организаций легла ответственность за решение всех хозяйственных вопросов, включая ремонт и восстановление основного фонда, в то время как лечебная деятельность находилась в полном ведении командования полевых госпиталей [2, ф.р.-3868, оп.1, д.19, л.336]. Довоенная практика свидетельствовала о том, что эффективное управление Ливадийским курортом возможно только под единым, централизованным руководством, однако с учетом военного времени пришлось разделить лечебную и хозяйственную функции, что создавало дополнительные трудности по координации совместных действий.

«Назначен директором Ливадийского курорта 2 мая 1944 года» – такая запись появилась в трудовой книжке Рафаила Разиловича Назарова, вступившего в должность директора Ливадийской курортной конторы в соответствии с приказом Управления Курортов ЮБК НКЗ СССР № 6 от 20 августа 1944 года [3, с.9, запись 24].

Назаров Р. Р. родился в горном ауле на юге Дагестана 29 декабря 1908 года в семье потомственного стеклодува – представителя небольшой татской народности, одной из древнейших на Северном Кавказе. Не имея возможности из-за бедности получить сколько-нибудь приличное образование, он с малых лет вынужден был трудиться рабочим на заводе, помогая отцу содержать семью и растить младших братьев. К совершеннолетию в полной мере овладев семейным ремеслом, двадцатилетний Рафаил, ставший к тому времени одним из первых комсомольцев Дагестана, перебирается в Махачкалу и поступает на стекольный завод «Дагогни». Вскоре тяжелый труд стеклодува становится причиной смертельно опасного заболевания – двухстороннего туберкулеза легких. В середине 30-х годов Назарова по комсомольской путевке направляют в Крым – для работы и поправки здоровья [4, с.67]. На новом месте он активно включается в бурную общественную и профессиональную деятельность. Под воздействием целебного приморского климата болезнь отступила, но окончательного выздоровления все же не произошло. По медицинским показаниям Назаров остается в Ялте с двухлетней дочерью на руках после внезапной смерти жены. Трудно сказать, как сложилась бы его судьба, если бы он случайно не встретил на одном из московских вокзалов уральскую казачку из Челябинска Надю Болотову (1914 - 2013) и не помог поднести ей чемодан. Девушка не испугалась трудностей, приняв все проблемы избранника, как свои собственные – больше они уже никогда не расставались [4, с.88,93]. Рафаил привез свою Надежду в Ялту, где молодой семье ответственно, перспективного работника горком партии выделил отдельное жилье. Время было тяжелое, жили бедно, впрочем особого достатка в их доме никогда не было, к тому же глава семьи продолжал серьезно болеть. Через год после свадьбы семья увеличилась – родился их первый совместный ребенок, а всего они

вырастили и воспитали четверых детей: Майю (1936), Феликса (1938) и братьев-близнецов Александра и Аву (1943). В последствии все они так или иначе будут связаны с медициной. С 1936 по 1941 годы Р. Назаров занимает руководящие должности в различных южнобережных учреждениях Наркомата здравоохранения: завхоз ялтинской медшколы, директор диетстоловой № 1, заместитель главного врача по административно-хозяйственной части санатория «им. 17-го Партсъезда» и др. [4, с.68].

С началом войны, не подлежавший мобилизации по состоянию здоровья, Назаров Р. Р. на первых порах исполняет обязанности начальника вещевого отдела ялтинского эвакогоспиталя № 3535, а затем получает назначение уполномоченным по эвакуации южнобережных госпиталей. В начале ноября 1941 года вместе с последними партиями раненых и медперсонала Назаров с семьей покидает Крым, направляясь в эвакуацию на Кавказ, где получает новое назначение в Махачкалинское эвакообъединение, а позже трудится на различных ответственных должностях в государственных учреждениях Урала и Северного Кавказа. После освобождения Ялты, в апреле 1944 года, семья Назарова вернулась в Крым в свой старый дом, который к счастью уцелел, хотя и пострадал от бомбежек и грабежей [4, с.77]. Ялтинский горком КПСС поручает ему восстановление Ливадийского дворца и прилегающей к нему территории, включая парковую зону [4, с.80], назначая на должность руководителя крупнейшего на ЮБК курорта, который надлежало немедленно привести в порядок и ввести в эксплуатацию.

Под непосредственным руководством и при личном участии Р. Назарова в Ливадии оперативно развернули работы по очистке территории и ремонту корпусов наиболее сохранившихся здравниц — санатория «им. Сталина» и «Ударник», а так же был организован сбор имущества у населения, вызванный полным отсутствием мягкого инвентаря, медицинского оборудования и медикаментов [2, ф. р. 2058, оп.6, д.1, л.8-9].

Одним из ключевых факторов, определявших успех послеоккупационного восстановления ливадийских здравниц стало неформальное взаимодействие руководителя курорта с населением и местными органами власти. Секретарем первичной парторганизации при Ливадийском курортно-поселковом со-

вете, ставшей ключевым звеном территориального управления 30 июня 1944 года, был избран пользовавшийся всеобщим доверием и уважением член ВКП(б) с 1938 года, директор Ливадийской курортной конторы Назаров Р. Р. [2, ф.83, оп.1, д.178, л.42-44]. Кроме курортной конторы на территории Ливадийского поссовета располагался целый ряд подведомственных Управлению курортов ЮБК организаций: хозяйство по благоустройству парка и территории, жилфонд, прачечная, баня, пожарная команда, метеостанция и другие. В задачу Ливадийской курортной конторы входила организация их согласованного функционирования, централизованный учет имущества, а так же контроль за его состоянием и эксплуатацией [2, ф. р.-3868, оп.1, д.28, л.2-7]. Формальная ответственность за восстановление здравниц была возложена на Строительную контору Управления курортов ЮБК. Однако на деле эта малочисленная и не имевшая материально — технических возможностей хозрасчетная организация выполняла лишь отдельные работы, требовавшие высокой профессиональной квалификации, и занималась разработкой технической документации. На местах прорабы стройконторы подчинялись директорам территориальных курортов, которые непосредственно и отвечали за весь объем, качество и организацию производимых работ, основная нагрузка при выполнении которых, как правило, лежала на сотрудниках здравниц, местном населении и отчасти на военнопленных [2, ф. р.- 3868, оп.1, д.45, л.51-55]. Усилия, приложенные руководством Ливадийской курортной конторы, оказались не напрасными и позволили своевременно и в кратчайшие сроки развернуть на базе уцелевших здравниц военные госпитали, которые в числе первых приняли раненых во время штурма Севастополя в мае 1944 года [2, ф. р. 3868, оп.1, д.2, л.60].

Ливадийские здания дворцового типа, включая Большой дворец, были заняты полевым госпиталем НКО № 2343. Остальные здания санатория им. Сталина и отдельные корпуса санатория «Ударник» находились в эксплуатации полевого госпиталя НКО № 1008 [2, ф. р.-3868, оп.1, д.16, л.17-28]. Пребывание воинских частей, которыми фактически являлись полевые госпитали, в исторических зданиях крайне негативно отражалось на их состоянии. С целью обеспечения сохранно-

сти памятников архитектуры НКЗ СССР и Управление тыла Красной армии совместно подготовили приказ, определявший порядок временного размещения воинских формирований. По линии Наркомздрава ответственность за выполнение этого приказа была возложена на курортные конторы ялтинского района, включая Ливадийскую, в связи с чем возникла потребность срочно определить размер ущерба, нанесенного здравницам в период оккупации и задокументировать их фактическое состояние [2, ф.р. - 3868, оп.1, д.1, л.9].

Согласно акту № 23 от 30 июня 1944 года, составленного комиссией под председательством директора Ливадийской курортной конторы Р. Назарова, общий ущерб, нанесенный санаторию им. Сталина, составил 15.992.905 рублей [2, ф.р.-3868, оп.1, д.4, л.89-99]. Треть этой суммы составило уничтоженное имущество – в основном материальные запасы и технические средства, включая медицинское оборудование. Можно предположить, что оставленное без эвакуации имущество не попавших в зону боевых действий здравниц, включая ливадийские, было попросту разграблено в период оккупации. Стоимость разрушенных зданий и сооружений – преимущественно легких построек, в большинстве своем разобранных на топливо, составила 10% общей суммы ущерба.

Согласно заключению комиссии было повреждено 22,7% площади Большого Ливадийского дворца, однако в чем конкретно выражались эти повреждения документ не уточняет. В крымских архивах встречаются противоречивые сведения о состоянии главного ливадийского сооружения после оккупации. Не приходится сомневаться, что местами дворец действительно пострадал преимущественно от факторов природного характера и варварской эксплуатации, но в целом, включая основные инженерные коммуникации, находился в удовлетворительном состоянии. *«Все помещения требуют очистки...»*, — главный вывод комиссии о состоянии Ливадийского дворца [2, ф.р.-4093, оп.1, д.384, л.50].

В мае 1944 года Управлению курортов ЮБК потребовалось всего лишь около 40.000 рублей, главным образом на мелкий ремонт, чтобы развернуть в Ливадии 1.000 госпитальных коек. В дальнейшем, уже в период функционирования госпиталей,

текущий ремонт производили по мере необходимости [2, ф. р.-3868, оп.1, д.17, л.2-3, 5,7]. С наступлением осени Ливадийская курортная контора начала подготовку к зимнему сезону и утвердила смету ремонтных работ на общую сумму около 90.000 рублей, однако воплотить намеченное в жизнь не представилось возможным [2, ф. р.- 3868, оп.1, д.16, л.17,28]. К осени 1944 года Крым оказался в глубоком тылу и деятельность размещенных здесь фронтовых госпиталей начала сходить на нет. Учитывая это факт, СНК СССР принял решение развернуть на ЮБК лечебную сеть для инвалидов и тяжело больных ветеранов войны, которыми были переполнены эвакогоспитали в тыловых районах страны. В Ливадии было решено развернуть 1.100 коек туберкулезного профиля на базе, которую до этого времени занимали полевые госпитали НКО. В ноябре 1944 года в ливадийских корпусах дворцового типа разместился актюбинский тыловой эвакогоспиталь НКЗ СССР № 3601 [2, ф.р.-3868, оп.1, д.1, л.118]. К концу года он сумел отладить свой режим работы, который в целом уже отвечал традиционным для южнобережных здравниц требованиям. Однако жизнь неожиданно внесла коррективы в первоначальные планы, круто изменив судьбу всего Ливадийского курорта.

В начале 1945 года в соответствии с решением правительства в Ливадии была развернута активная подготовка к встрече «большой тройки». В крымских архивных документах сохранились свидетельства, указывающие на деятельное участие в подготовке конференции представителей местных органов власти и специалистов Ливадийского курорта: *«...жизнь вызвала на производство работы, не предусмотренные титульным списком по санаторию им. Сталина, которые производились даже без наряд – заказов, существовавших взамен договоров...»*, что сопровождалось и определенными издержками, к примеру, *«... 503 руб. 01 коп. за материалы (январь 1945 года), взятые на ремонт помещений для Крымской конференции, с закрытием конференции отдел НКВД, получивший эти материалы, из Ялты выбыл...»* [2, ф. р.- 3868, оп.1, д.45, л.56].

О роли и значении Ливадийской курортной конторы в тех условиях красноречиво свидетельствует тот факт, что она не была расформирована вместе с остальными ливадийскими уч-

реждениями НКЗ СССР в январе 1945 года, включая успешно функционировавший эвакуогоспиталь № 3601, а продолжала свою деятельность на протяжении всего периода подготовки и проведения Ялтинской конференции. Эффективность проведенных мероприятий по восстановлению Ливадийского курорта косвенно подтверждается самим выбором места проведения встречи «большой тройки».

По окончании работы Крымской конференции Ливадийский курорт, получивший статус государственной дачи № 1, был выведен из состава Наркомздрава и передан в ведение НКВД. В марте 1945 года был издан приказ об организации в Ливадии Управления специальными объектами НКВД в Крыму, которое включило в свой состав все основные структурные подразделения бывшего курорта [5, с.311]. И только в мае 1945 года было расформировано последнее структурное подразделение НКЗ СССР в Ливадии – территориальная курортная контора. На основании приказа Управления курортов № 73 от 12 мая 1945 года в трудовой книжке ее директора была сделана соответствующая запись, прямо указывающая на причину увольнения: «Освобожден от занимаемой должности в связи с передачей Ливадийского курорта НКВД СССР 10 мая 1945 года» [3, с.9, запись 25]. Учитывая известные нам обстоятельства, можно с уверенностью говорить о том, что несмотря на недолгий период своего существования, Ливадийская курортная контора НКЗ СССР в полной мере выполнила возложенную на нее миссию.

Заметный личный вклад в дело восстановления Ливадийского курорта, обеспечения его успешного функционирования в период военного времени и создания благоприятных условий для проведения встречи лидеров ведущих мировых держав внес ее директор – Рафаил Разилович Назаров. После работы в Ливадии уже в конце 1945 года его назначают директором издательства и типографии редакции газеты «Сталинское знамя» ялтинского горкома ВКП(б) – нынешняя «Крымская газета», а позже он еще долгие годы успешно трудился на ответственных должностях в различных организациях южного бережья [6, с.147-151]. Его судьба навсегда оказалась связанной с Ялтой. Рафаил Разилович был личностью неординар-

ной, колоритной. Лично знавшие его вспоминают, что у него была добрая улыбка, большие черные усы и выразительная, запоминающаяся мимика. Общеизвестно, что внешне он походил на Сталина и осознавая это, любил прогуливаться по ялтинской набережной в полувоенном френче с трубкой в зубах, что придавало ему еще большее портретное сходство с «отцом народов». Курил он, несмотря на болезнь, крымский «Дюбек» и никогда не расставался с трубкой, которые ему часто дарили и которых у него было множество. Назаров был очень фотогеничен. На ялтинской набережной он никогда не оставался в одиночестве. Его всегда окружали многочисленные друзья, знакомые и просто гуляющие курортники разных национальностей. Людям хотелось сфотографироваться с ним, поговорить о том, о сем... Он был прекрасным рассказчиком и пародистом. Красивый тембр голоса и ярко выраженный кавказский акцент неизменно привлекали к нему слушателей [4, с.68-70].

Семья Назаровых долгие годы жила в Ялте на улице Заречной в доме со двором, обрамленным десятью кипарисами, недалеко от моря – в пятистах метрах от Набережной в районе гостиницы «Ореанда». Сюда к ним часто приезжали многочисленные родственники и друзья, чтобы отдохнуть и подлечиться в Крыму. Двери дома этой семьи, оставившей заметный след в истории советского периода нашего города, всегда были гостеприимно открыты для всех, кто нуждался в какой-либо помощи. Если бы не тяжелая хроническая болезнь, мучавшая Рафаила Разиловича всю жизнь, этот энергичный, трудолюбивый и целеустремленный человек, возможно, дожил бы, как и его супруга, до глубокой старости. Скончался Р. Р. Назаров 16 марта 1979 года в возрасте 70 лет и похоронен на старом ялтинском городском кладбище [7, л.1].

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. *Македонский М.* Пламя над Крымом: воспоминания командира Южного соединения партизанских отрядов Крыма. - Симферополь: Крым, 1969. - 304 с.
2. Государственный архив в Республике Крым.
3. Трудовая книжка Назарова Р.Р. от 16.01. 1939 г.
4. *Назаров А.Р.* Исповедь перед...Автобиографическая повесть.- Симферополь: изд. «Доля», 2015.-168 с.
5. *Юрченко С.В.* Ялтинская конференция 1945 года: хроника создания нового мира.- Симферополь: ИД Крым, 2005. - 340 с.
6. *Левин Э.М.* Потомки Давида Созидателя.-Ялта: изд. Адонис, 2002. - 720 с.
7. Свидетельство о смерти Назарова Р.Р. № I-АП 382430 от 19.03.1979 г.

О.В. Романько

*доктор исторических наук,
профессор кафедры истории России
Крымского федерального университета
имени В.И. Вернадского
(г. Симферополь)*

НАСИЛЬСТВЕННЫЕ РЕПАТРИАЦИИ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН В 1944-1947 ГГ.: ПРИЧИНЫ, ХОД И ПОСЛЕДСТВИЯ

***Аннотация.** В статье рассматривается проблема насильственных репатриаций членов коллаборационистских формирований из числа советских граждан, которые проводились Великобританией и США в 1944-1947 гг. Анализируются причины, ход и последствия этих мероприятий. Уточнены категории репатриантов и их количественные показатели.*

***Ключевые слова:** Ялтинская (Крымская) конференция, репатриация, коллаборационизм, казаки, власовцы.*

***Summary.** In article the problem of forced repatriations of members of collaborationist formations from the Soviet citizens which was carried out by Great Britain and the USA in 1944-1947 is considered. The reasons, the course and consequences of these actions are analyzed. Categories of repatriates and their specification of quantity are specified.*

***Keywords:** Yalta (Crimean) conference, repatriation, collaboration, Cossacks, vlasovtsy.*

Одним из знаковых событий Второй мировой войны является Ялтинская (Крымская) конференция глав трех держав Антигитлеровской коалиции – СССР, Великобритании и США. Можно по-разному относиться к этому событию. Считать его поворотным пунктом истории, почти на полвека определившим устройство послевоенного мира, или рассматривать его как сговор более сильных государств, поделивших сферы влияния в Европе за счет слабых. У каждого может быть своя точка зрения. Однако, так или иначе, приходится признать, что с 4 по 11 февраля 1945 г. в Ливадийском дворце происходило действительно очень важное событие, результаты и уроки которого не потеряли своей актуальности и в наше время.

История Ялтинской конференции изучена в отечественной и зарубежной историографии довольно хорошо. Любой читатель, интересующийся этой темой, может узнать, что на ней были приняты решения о послевоенной политике трех великих держав, направленной на установление прочного мира и системы международной безопасности, о создании ООН, о судьбе Германии после ее капитуляции (оккупация, репарации и т.п.) и многом другом. Кроме того, в ходе этой конференции рассматривались и такие специфические вопросы, как, например, польский и югославский (что, кстати, и является причиной высказываний об этой конференции, как о сговоре, со стороны определенных политических кругов) [1].

Однако в большинстве серьезных исследований по истории Ялтинской конференции только за редким исключением можно встретить упоминание еще об одном решении, принятом в ходе нее. На наш взгляд, это решение было, в какой-то степени, не менее важным, чем предыдущие, а по своей судьбоносности даже превзошло многие из них. В юридической плоскости оно было закреплено в серии договоров глав союзных держав, а на практике обернулось трагедией для миллионов людей. Речь идет о так называемой репатриации советских граждан, волею судеб оказавшихся на территории оккупированной немцами Европы [2].

Как известно, в ходе Второй мировой войны, перемещались не только фронты и армии, но также и огромные массы населения. Поэтому, одним из вопросов, который предстояло решить И. Сталину, Ф. Рузвельту и У. Черчиллю после окончания во-

йны, и была судьба этих перемещенных лиц. Так или иначе, но заинтересованность в скорейшем разрешении этого вопроса проявили все лидеры «большой тройки». Однако наибольшую актуальность он приобрел для СССР, за пределами которого, в силу ряда причин, оказались миллионы его граждан. В целом, их можно поделить на три категории, каждая из которых могла по-разному отнестись к репатриации. Но сначала немного истории.

Одной из составляющих нацистской оккупационной политики на территории СССР был массовый угон его населения на территорию Третьего рейха, с целью дальнейшего использования в качестве рабочей силы. Эти «остарбайтеры» и составили первую, самую многочисленную категорию будущих репатриантов. Другой категорией советских граждан, оказавшихся за пределами своей Родины, были военнопленные. И, наконец, была еще одна категория лиц, покинувших территорию СССР. Однако, в отличие от двух предыдущих сделали они это добровольно вместе с отступающими немецкими войсками. В число последних входили и бойцы так называемых «восточных» добровольческих формирований – частей и соединений, созданных немцами из числа советских граждан. В результате, к маю 1945 г. на территории Германии и оккупированных ею государств оказалось около 7 млн. перемещенных лиц из СССР всех указанных категорий. И если подавляющее большинство «остарбайтеров» и военнопленных ничего, в целом, не имели против возвращения на Родину, то добровольцы и прочие коллаборационисты всеми силами не хотели этого делать [3].

Рузвельту и Черчиллю суть проблемы казалась очень простой. На территориях, освобождаемых их армиями, имелось некоторое количество перемещенных лиц – граждан союзной державы, которых, по возможности скорее было необходимо отправить на Родину. Согласно подписанным 10 и 11 февраля 1945 г. документам, все договаривающиеся стороны обязались делать это как можно быстрее и без проволочек. Однако, третий лидер «большой тройки» И. Сталин понимал, что не все, оказавшиеся за пределами СССР, захотят в него вернуться. Поэтому он настоял, чтобы лидеры западных союзников дали свое согласие на *«безусловную и всеобщую репатриацию всех находящихся в их оккупационной зоне советских граждан»* по состоянию границ на 1 сен-

тября 1939 г. Это соглашение подлежало выполнению без учета индивидуальных пожеланий. При необходимости допускалось применение силы. И в первую очередь это касалось лиц, взятых в плен «в немецкой военной форме», то есть бойцов «восточных» добровольческих формирований. Несколько позже, 13 марта и 26 июня 1945 г., соглашения, аналогичные ялтинским, были заключены между СССР, Бельгией и Францией [4].

Выше уже было сказано, что с репатриацией подавляющего большинства «остарбайтеров» и советских военнопленных не должно было возникнуть каких-либо проблем. Так оно за редким исключением и происходило. Что же касается «беженцев от коммунизма» и коллаборационистов, то их передачи советским репатриационным комиссиям породили столько проблем и недоумений, что эта тема была надолго закрыта для объективного исследования. Кроме того, за послевоенный период она обросла целым клубком противоречий (в основном, политического, юридического и морального характера), которые только искажали ее и без того немногочисленные факты. В связи с этим, данная публикация не является претензией на истину в последней инстанции. Скорее, это только попытка приблизиться к пониманию основных аспектов вопроса, указанного в ее заголовке. Иначе и быть не может. Даже в наше время, через 60 лет после этих событий, многие материалы по насильственной репатриации в архивах Великобритании и США являются недоступными в силу действующих там законов о хранении подобной документации. Что же тогда говорить об отечественных архивах! Поэтому все сведения, приведенные в статье, взяты из открытых источников и литературы, опубликованной как на Западе, так и в странах СНГ.

Одной из особенностей немецкой оккупационной политики в войне против Советского Союза было активное привлечение его граждан к сотрудничеству. Оно принимало различные формы, наиболее активной из которых была служба в коллаборационистских формированиях Вермахта, войск СС и полиции. В целом, приходится признать, что эта политика имела определенный успех, так как за период с 1941 по 1945 г. в подобных частях прошло службу от 1,3 до 1,5 млн. человек [5].

Несмотря на такое количество «предателей» и «изменников», их численность не должна казаться запредельной. Она могла

быть и большей, если вспомнить историю СССР после октябрьского переворота. Ведь не секрет, что перед началом войны в Советском Союзе было огромное количество недовольных существующим режимом, настроения которых не мог не использовать осмотрительный враг. А если прибавить еще и социальное недовольство, и не решенный национальный вопрос, то ситуация приобретала просто угрожающие размеры.

Однако не надо думать, что в коллаборационистские формирования шли исключительно идейные противники советской власти. В них было много и просто обманутых, и военнопленных, доведенных до отчаяния нечеловеческими условиями в немецких концлагерях, и просто тех, которые хотели выжить в условиях войны. Тем не менее, всех их советская власть ставила на одну доску. Все они были преступниками, которые заслуживали самого сурового наказания, так как воевали в рядах врага. Это показали уже первые процессы по делу «предателей и изменников Родины», проходившие по мере того, как Красная армия освобождала те или иные территории. Ярким примером здесь может служить Краснодарский процесс (1943 г.). Обычно приговор был стандартным – смертная казнь через повешение [6].

Таким образом, часть добровольцев попала в руки советских репрессивных органов еще до вступления Красной армии на территорию Европы. Еще одной части удалось отступить вместе с немецкими войсками (например, одиозная Бригада Каминского или Казачий стан атамана Доманова). Как правило, вместе с ними уходили члены их семей и просто беженцы, не хотевшие возвращаться под советскую власть. И, наконец, третья часть «восточных» добровольцев была перемещена самими немцами с Восточного на Западный фронт в середине 1943 г. Эти последние оказались разбросанными от Норвегии до Италии, и от Польши до Франции [7].

Все вышесказанное касалось только советских граждан. Однако в перечень коллаборационистских формирований входили также части и соединения, созданные немцами из представителей белой эмиграции, которые рассматривали войну Германии против СССР, как продолжение войны гражданской. К таким, например, относились Русский охранный корпус, созданный из чинов белой Добровольческой армии в Югославии и 1-я Русская

национальная армия. Назвать этих людей советскими гражданами можно было только с очень большой натяжкой, тем не менее, как показали события, советская власть также имела на них свои виды [8].

В результате, к маю 1945 г., эта категория перемещенных лиц насчитывала более 2 млн. человек (в это число входили также и гражданские беженцы). Основная их масса была сконцентрирована на территории Германии и Австрии, куда они отступали вместе с немецкими войсками из всех уголков Европы. Кроме того, небольшая часть коллаборационистов оставалась во Франции, Италии и странах Скандинавского полуострова [9].

Из приведенного выше анализа видно, что эта категория была очень неоднородной. Кто-то в большей степени, кто-то в меньшей могли опасаться мести советской власти. Тем более что последняя (из пропагандистских соображений) в целом ряде случаев стала наказывать только наиболее одиозных «предателей», и прощала (или наказывала, но, по своим понятиям, незначительно) рядовых коллаборационистов. Однако среди «восточных» добровольческих частей были такие, все члены которых не могли надеяться на снисхождение. Здесь всех ждала смертная казнь или (что немногим лучше) 25-летняя каторга. Это следующие формирования:

- Соединения Русской освободительной армии (РОА);
- Казачьи части;
- Формирования из представителей белой эмиграции;
- Ряд украинских и белорусских соединений;
- Кавказские и среднеазиатские части и подразделения.

Следует отметить, что процесс репатриации происходил в несколько «волн», каждая из которых имела свои особенности. В целом, можно выделить три крупные «волны»: 1944-1946, 1945-1946 и 1946-1947 гг. Выдачи «русских военнопленных в немецкой военной форме» имели место и до Ялтинских соглашений. Некоторые из них были захвачены в 1943 г. в Северной Африке и тихо выданы через Египет и Иран по устной договоренности советского и английского правительств. В 1944 г. также поступали с пленными, захваченными после высадки западных союзников в Италии и Северной Франции [10]. Главной особенностью первой «волны» было то, что репатриация происходила

небольшими группами и, в основном, морем (например, из Англии в советские порты Мурманск и Одессу). По данным немецкого историка Й. Хоффманна, за период с 1944 по 1946 г. подобным образом было отправлено 32529 человек – бывших членов добровольческих формирований Вермахта [11].

Третья «волна» имела место уже после начала «холодной войны» и была как бы инерцией двух первых. СССР по инерции продолжал еще требовать выдачи «предателей», а западные союзники по инерции продолжали выполнять эти требования. И это несмотря на то, что еще в июне 1946 г. англичане объявили об окончании репатриации со своей территории и даже закрыли соответствующий отдел Военного министерства. Тем не менее, ими были проведены две операции, получившие названия «Килевание» (1946 г.) и «Восточный ветер» (1947 г.). Обе операции проходили в Италии, а количество выданных было незначительным – не более 300 человек [12].

Возможно, первая и третья «волны» так бы и остались неизвестными широким кругам мировой общественности. Возможно, о них бы вспоминали только, как о небольшом недоразумении, а их жертвы затерялись бы в общей статистике потерь Второй мировой войны. Возможно, так бы оно и произошло, если бы не вторая «волна». Именно благодаря трагическим событиям, разыгравшимся в 1945-1946 гг. мир узнал, кто такие, по меткому выражению эмигрантского историка Н.Д. Толстого, «жертвы Ялты».

Подчеркнем, что вторая «волна» репатриации наиболее отвечала «букве» Ялтинских соглашений. В результате ее союзнический долг западных демократий перед СССР был выполнен и даже перевыполнен. Но это только с одной стороны. С другой стороны, выдачи этого периода показали, что исходя из политической конъюнктуры можно «закрывать глаза» на многие юридические и моральные нюансы. И те же демократии были здесь ничуть не лучше, чем «маршал Сталин».

Выдачи этой «волны» начались сразу после капитуляции Германии. Однако в отличие от двух других «волн», здесь Ялтинское соглашение о репатриации было применено к более многочисленным группам «восточных» добровольцев. Они происходили в разное время, были отдалены географически, но объединяло

их то, что совершались они всегда обманным путем и с большой жестокостью.

Первыми «жертвами Ялты», испытавшими на себе все «прелести» этого соглашения, стали добровольческие формирования, собравшиеся в мае 1945 г. в Каринтии (Австрия). Это:

- Казачий стан генерал-майора Т. Доманова, находившийся в районе Лиенца и насчитывавший 24 тыс. военных и гражданских лиц;
- группа кавказцев в Обердраубурге под командованием генерала Султана Келеч-Гирея, численностью в 4800 человек;
- 15-й Казачий кавалерийский корпус под командованием генерал-лейтенанта Г. фон Паннвица, численностью в 30-35 тыс. человек, находившийся в районе Фельдкирхен – Альтхофен [13].

Все указанные лица надеялись, что их считают военнопленными, со всеми вытекающими из этого последствиями. Кроме того, многие попросту не верили, что англичане, верные принципу предоставления «политического убежища» тем, кто у себя на Родине испытывает притеснения, выдадут их на верную смерть. Однако, как показали дальнейшие события, нежелание «ссориться с Советами» оказались сильнее всех традиций «доброй старой Англии».

Насильственная выдача этих 50-60 тыс. человек была тщательно подготовлена штабом 5-го английского корпуса. Причем английское командование относилось к ней настолько серьезно, что во всех соответствующих документах она обозначалась термином «военная операция». Поначалу предполагалось применить только обманный маневр, но вскоре стало ясно, что придется прибегнуть и к насильственным действиям. 28 мая 1945 г. 2756 офицеров (в том числе 35 генералов) соединения генерал-майора Доманова и 125 кавказских офицеров Султан-Келеч Гирея были отделены от своих подчиненных и семей. Их под предлогом совещания с представителями английского командования перевезли в строго охраняемый лагерь в Шпиттале. Некоторым офицерам на другой день, когда обман раскрылся, удалось бежать, некоторые, как генерал-майор Д. Силкин, покончили с собой, а некоторые были застрелены англичанами при попытке к

бегству. Но подавляющее большинство из них были 29 мая 1945 г. доставлены в Юденбург и там переданы советским представителям [14].

Отделение командного состава послужило прелюдией к назначенной на 31 мая – 1 июня 1945 г. выдаче рядовых казаков и кавказцев в районе Лиенц – Обердраубург. Скрыть от такой массы людей, что их собираются передать советским властям, было уже невозможно. Это и послужило причиной трагедии, которая разыгралась в те дни в долине р. Драва. По свидетельствам очевидцев (как выживших казаков, так и англичан) наиболее кровавые события произошли в лагере Пеггец. Здесь казаки и их семьи собрались вокруг импровизированного алтаря, наивно полагая, что вид молящихся людей остановит английских солдат. Однако те имели четкий приказ выдать всех, кто был в этом и других лагерях, в руки советских представителей. В результате произошло столкновение, в котором на безоружных казаков сначала пытались «воздействовать» дубинками и прикладами, а потом, когда это не помогло, и люди стали разбегаться, многие английские солдаты попросту открыли огонь на поражение. По далеко не полным данным, только в этот день и только в этом лагере погибло около 700 человек, из которых 20-30 утонули в Драве, когда пытались спастись. Остальных же, которых, как пишут очевидцы, охватило какое-то оцепенение и равнодушие, партиями загружали в грузовики и везли на пункт выдачи – в Юденбург. События, подобные этим, происходили и в других лагерях Казачьего стана. Всего же за две недели июня англичане «репатриировали» здесь более 22 тыс. человек [15].

Одновременно, когда казаки группы Доманова были переданы советским властям, в 100 км восточнее вершилась судьба 15-го Казачьего кавалерийского корпуса. Здесь выдачи начались 28 и закончились 30 мая 1945 г. За исключением 50 казаков, которым удалось спастись, весь его личный состав также оказался на станции Юденбург [16].

Выше уже говорилось, что все выдачи второй «волны» сопровождалась необычайным коварством и жестокостью со стороны тех, кто выдавал. Однако еще одной особенностью описанных событий было то, что англичане не ограничились репатриацией только советских граждан. Заодно они выдали и тех, кто никак не

подпадал под это определение. В данном случае речь идет о так называемых «старых эмигрантах» (так, в отличие от беженцев периода Второй мировой войны называли бывших белогвардейцев) и немецком командном и кадровом персонале казачьих частей. Например, среди выданных офицеров Казачьего стана 1430 были «старыми эмигрантами», причем некоторые из них, такие заслуженные, как бывший атаман Всевеликого войска Донского генерал-от-кавалерии П.Н. Краснов, генерал-лейтенант А.Г. Шкуро и бывший командир Дикой дивизии Султан-Келеч Гирей. И если эти последние имели хоть какое-то отношение к России (правда, не советской), то 145 немецких офицеров 15-го корпуса такого отношения не имели вовсе [17].

Впоследствии схема выдач казаков в долине Дравы станет «классической» и для других подобных «мероприятий». Как можно увидеть, она была довольно проста. Сначала отделение офицеров от рядового состава, по возможности обманным путем, а затем выдача последнего – обычно, с применением силы или методов психологического воздействия (так, чтобы заставить казаков 15-го корпуса сесть в грузовики, англичане продемонстрировали им действие самоходной огнеметной установки «Оса», после чего у многих людей, прошедших всю войну, началась истерика). Несколько позднее по этой же обкатанной схеме были выданы члены еще одного крупного добровольческого формирования – 2-й дивизии РОА, капитулировавшей перед американцами 8-10 мая 1945 г. в Австрии (1-я дивизия капитулировала несколько раньше перед советскими войсками). Выдача дивизии происходила поэтапно, так как ее личный состав был разбросан по нескольким лагерям: Кемптен (11 августа 1945 г.), Дахау (21 января 1945 г.) и Платтлинг (24 февраля – 13 мая 1946 г.). При этом каждая «порция» выдаваемых насчитывала от 500 до 1500 человек. Эти репатриации также происходили в сопровождении кровавых эксцессов, а события в бывшем нацистском лагере Дахау даже стали достоянием мировой общественности. Здесь пленные власовцы (400 чел.), узнав о предстоящей выдаче, объявили голодовку и отказались выходить из барак. Многие умоляли американских солдат «застрелить их». Однако и здесь сопротивление не вышло за рамки пассивного протеста. Четырнадцать человек покончили с собой, отчасти,

как сообщается, «чтобы вразумить американцев», двадцать один нанесли себе такие тяжелые ранения, что потребовалось стационарное лечение в госпитале. Остальных же, решительно подавив все попытки к сопротивлению, выдали советским представителям [18].

В ходе этой серии репатриаций, как и в случае с казаками, старшие офицеры РОА были отделены от рядовых (их главнокомандующий генерал А.А. Власов был еще 12 мая 1945 г. пленен советскими войсками) и выданы в последнюю очередь – в Платтлинге [19].

Летом 1945 г. произошла репатриация еще одного крупного «восточного» добровольческого формирования – 162-й Тюркской пехотной дивизии. Это соединение капитулировало на севере Италии перед английскими войсками в мае 1945 г., а уже через несколько недель ее личный состав отправили поездом в порт Таранто, а оттуда – на корабле в Одессу. Начало этого «недобровольного путешествия» не предвещало ничего хорошего. Так, перед отправлением один мулла сжег себя в знак протеста против репатриации, а многие пленные утопились в море [20].

События второй «волны» репатриации показали многое. Например, коварство и жестокость западных союзников, на которые они шли, если дело касалось каких-то их личных интересов. Представители Англии, США, Франции и других стран охотно выполняли Ялтинские соглашения о репатриации вплоть до последней запятой и, как было показано выше, даже перевыполняли. Их не смущали протесты таких уважаемых на Западе людей, как генерала А.И. Деникина, обращения ряда церковных и общественных деятелей. Наконец, их не смущал сам факт того, что они выдают на верную смерть тысячи людей, среди которых даже находились их союзники по Первой мировой войне (например, генерал П.Н. Краснов). Однако, с другой стороны, эти же события показали, что если репатриация определенной части «восточных» добровольцев могла противоречить каким-то установкам, западные союзники, не задумываясь, оставляли их. Да, как ни странно, тогда было и такое. Так, по целому ряду причин, англичане и американцы отказались выдать советским представителям личный состав украинской 14-й и белорусской 30-й

гренадерских дивизий войск СС, Русского охранного корпуса и Авиационной группы РОА (за исключением ее командующего генерал-майора В.И. Мальцева). Однако самый известный из этих эпизодов произошел с 1-й Русской национальной армией генерал-майора Б.А. Хольмстон-Смысловского. В мае 1945 г. армии удалось прорваться в Лихтенштейн, и правительство этого княжества отказалось выдать ее личный состав, даже, несмотря на угрозы советской стороны. События получили такой резонанс, что о них помнят даже сейчас: относительно недавно на их основе был снят художественный фильм «Ветер с Востока», где в главной роли командующего армией снялся известный американский актер М. Макдауэл [21].

Историки до сих пор гадают, что могло послужить причиной такой избирательности. Тем не менее, всем ясно, что маленький Лихтенштейн, конечно же, не смог бы в одиночку противостоять СССР. Не смогла же так поступить нейтральная Швейцария. Скорее всего, в невыдаче Хольмстона были заинтересованы очень влиятельные люди из разведывательных сообществ Англии и США (дело в том, что этот бывший белогвардеец являлся одновременно и офицером немецкой военной разведки – Абвера). Что касается украинцев и белорусов, то по официальной версии за них заступился римский папа Пий XII, так как подавляющее большинство этих коллаборационистов были католиками или греко-католиками [22].

В послевоенной западной и эмигрантской литературе много говорилось о мотивах и причинах, по которым СССР требовал именно насильственную репатриацию, а союзники пошли на них. И, если в случае с советской стороной все более или менее ясно, то о многих побудительных мотивах представителей Англии и США можно только догадываться. В целом, по словам английского историка Н. Бетелла, дело обстояло в следующем:

1. Необходимость обеспечить безопасность английских и американских военнопленных, находившихся в советских руках;
2. Опасения вызвать подозрения советского правительства в неискренности и тем повредить общему делу – ведению войны;

3. Страх перед трудностями, которые вызвала бы необходимость устройства и расселения на Западе большого числа советских граждан [23].

Однако, по мнению эмигрантского историка Н.Д. Толстого, к первым двум причинам никто серьезно не относился, так как выдачи продолжались и в 1946, и в 1947 г. Значит главной причиной, как это не прозвучит цинично, все-таки было: «Нам они здесь не нужны».

Итак, в 1943 – 1947 гг., в ходе всех трех «волн» репатриации, западные союзники передали СССР с применением силы более 2,2 млн. советских граждан, которые проходили службу в коллаборационистских формированиях германских вооруженных сил (в это число также входят члены семей последних и беженцы, группировавшиеся вокруг тех или иных добровольческих частей). Из них по прибытии в СССР:

- 20% – расстреляны или осуждены на 25 лет лагерей (что, по сути, было равносильно смертному приговору);
- 15-20% – осуждены на 5-10 лет лагерей;
- 10% – высланы в отдаленные районы Сибири не менее, чем на 6 лет;
- 15% – посланы на принудительные работы в Донбасс, Кузбасс и другие районы, разрушенные немцами. Вернуться домой им разрешалось только лишь по истечении срока работ;
- 15-20% – разрешили вернуться в родные места.

Как видно, эти весьма приблизительные и обобщенные данные не дают при сложении 100%: недостающие 15-20% – это люди, которым удалось «скрыться» уже в СССР, умершие в дороге или бежавшие на Запад [24].

Указанные данные также не дают представления о том, какая судьба постигал каждую из категорий коллаборационистов. Следует признать, что наиболее «круто» советское правосудие обошлось с бойцами и командирами РОА. Согласно данным Н.Н. Краснова, внучатого племянника атамана, офицеры из окружения генерала Власова и штабные офицеры были сразу же отделены от остальных. Прочие власовцы были сразу же вывезены в специальный лагерь под Кемерово, где советские компетентные органы начали их фильтрацию на предмет выявления

всех офицеров, вплоть до командиров батарей и взводов. При этом наибольшее внимание уделялось пропагандистам, прошедшим подготовку на курсах в Дабендорфе (вероятно, как носителям власовской идеологии). Большинство из них были приговорены трибуналами Восточно-Сибирского военного округа к расстрелу, а остальные получили сроки в лагерях, чаще всего по 25 лет (главным образом на Колыме, в Воркуте и Джезказгане). Нечто похожее ожидало солдат и офицеров казачьих и других формирований. Со временем, к 1946 г., советские органы перестали различать отдельные категории «восточных» добровольцев, и по всем официальным и неофициальным документам они стали проходить как «власовцы» [25].

Что же касается командующих этих формирований, то их судьба была предрешена заранее. Несмотря на судебные разбирательства (правда, закрытые) все они были приговорены к смертной казни через повешение. Сначала генерал-лейтенант А. Власов и его соратники, а затем атаман П. Краснов и другие казачьи генералы. Вместе с последними был повешен и генерал-лейтенант Г. фон Паннвиц – немецкий дворянин и командир 15-го Казачьего кавалерийского корпуса [26].

Проблема репатриаций обросла, со временем, целым клубком вопросов (политических, юридических, моральных и пропагандистских). Они начали возникать уже в ходе этих насильственных выдач. Еще больше их появилось в послевоенный период, который, как известно, проходил под знаком «холодной войны» СССР и Запада. На ее фоне все эти вопросы переплелись настолько, что их, порой, бывает трудно отделить друг от друга. Выделим только главные из них и постараемся, хотя бы вкратце, на них ответить.

Почему западные демократии пошли на такое соглашение с СССР? В принципе, ответ на него уже дан, хоть его и трудно принять с точки зрения морали и общечеловеческих ценностей, о которых так пеклись и пекутся эти демократии. Просто так сложилась политическая конъюнктура и, как говорится, «ничего личного...». Однако, со временем, к этому вопросу добавился еще один: как соглашения о репатриации, достигнутые в Ялте, согласуются с нормами международного права, а именно с Женевской конвенцией (1929 г.) о правах военнопленных. Дело в том, что в

ней ясно и четко сказано, что национальность солдата определяется исключительно его военной формой. В армии Великобритании воевало много иностранцев – беженцев из Германии и оккупированных ею стран, многие из которых были гражданами государств нацистского блока. Всех их следовало уберечь от опасностей, связанных с пленом. Поэтому на ранней стадии войны Великобритания недвусмысленно заявила в Берлине через свое государство-протектор, что всякий солдат английской армии, попав в плен, находится под защитой Женевской конвенции. И пока существовала реальная опасность немецких репрессий для английских солдат, Великобритания неукоснительно придерживалась «принципа формы», хотя бы внешне. До 1943 г. это касалось и «русских солдат в немецкой форме». Однако когда опасность немецких репрессий миновала, англичане, опять-таки из политических соображений, стали рассматривать коллаборационистов не как военнопленных, а как предателей союзной державы и обращаться с ними соответственно [27].

Поэтому, отвечая на данный вопрос, можно сказать, что выдача членов добровольческих формирований, которые являлись солдатами Вермахта, носили немецкую военную форму и, следовательно, находились под защитой Женевской конвенции, означала явное нарушение действующего военного права. Однако и тут не все так просто. Если под статьи Женевской конвенции легко попадали бойцы многочисленных «восточных» батальонов и вспомогательный персонал немецких частей и соединений (так называемые «хиви» – «добровольные помощники»), то с солдатами РОА и других подобных формирований дело обстояло намного сложнее. Ведь многие из них считали себя (и вполне искренне) не немецкими прислужниками, а бойцами национальной армии, которая борется за освобождение своей Родины (наподобие хорошо известного в российской истории Чехословацкого легиона времен Первой мировой и гражданской войны). Было ли уместно обвинение этой сравнительно небольшой группы в измене Родине? По словам немецкого историка Й. Хоффманна это обвинение не выдерживает никакой критики. *«Следует заметить, – пишет он, – что понятие «измена Родине» может относиться лишь к отдельным лицам или незначительным по численности группам. Но когда в вооруженном конфлик-*

те... миллион солдат активно воюет на стороне противника, речь идет уже не об «измене Родине», а о некоем политико-историческом процессе» [28]. Однако как отделить тех, кто пошел в РОА и подобные ему национальные формирования сознательно от тех, кто был загнан туда силой? Западные союзники не стали ломать над этим голову.

В целом, ведущая роль в политике выдач принадлежала Великобритании, а США последовали за ней, хотя и не без колебаний, и в меньшем масштабе применяя насилие. И если англичане выдавали всех подряд, и бывших «красных», и бывших «белых», то американцы пытались подходить к ним дифференцированно. Выше уже было сказано, что репатриации подлежали только советские граждане по состоянию на 1 сентября 1939 г. То есть жители Западной Украины, Западной Белоруссии и Прибалтики не являлись таковыми в глазах американцев. И в основном они этого правила придерживались. Однако кровавые эксцессы в лагере Дахау настолько испугали американское командование, что оно решило на некоторое время прекратить массовые выдачи, и опрашивать военнопленных в СССР только после подробного опроса. Так, в штабе 3-й армии был подготовлен ряд вопросов, на основании которых американцы пытались разделить возможных репатриантов на полноправных граждан и тех, кто подвергался преследованиям на Родине, и потому теперь не подлежит выдаче. Вопросы касались, например, права носить оружие, права участвовать в свободных выборах или права занимать общественный пост. В конце концов, американские репатриационные комиссии выделили несколько групп людей, не обладавших, на их взгляд, гражданскими правами и тем самым не являвшихся советскими гражданами, – «кулаки», «белые» и «диссиденты». Однако и здесь не обошлось без недоразумений. Например, те, кто заявлял, что вступил в РОА под нажимом немцев или под угрозой голодной смерти, подлежали выдаче в первую очередь (в лагере Платтлинг таких оказалось более 3 тыс. человек) [29].

Но и такие, даже не половинчатые меры, не могли удовлетворить советскую сторону. И поэтому, под ее давлением, а также при деятельном участии Великобритании, США были вынуждены сдаться. Результатом этой капитуляции стала так назы-

ваемая Директива Мак-Нарни – Кларка (21 декабря 1945 г.). Согласно данному документу обязательной репатриации, «независимо от желания и с применением силы, если это окажется необходимо» подлежали все, кто:

- был взят в плен в немецкой форме;
- находился в рядах советских вооруженных сил на момент 22 июня 1941 г. и после этой даты, а также не был демобилизован впоследствии;
- обвинялся советскими властями в добровольной помощи врагу, но при предоставлении убедительных доказательств.

И, тем не менее, это была хоть и капитуляция, но капитуляция почетная: нечто среднее между полным отказом от репатриации и безоговорочными английскими выдачами. По замыслу американских юристов директива была принята с целью обеспечить возвращение предполагаемых предателей, с тем, чтобы они получили заслуженное наказание, тогда как вопрос об обычных беженцах, не запятнавших себя сотрудничеством с врагом, должен был рассматриваться в соответствии с традиционной американской политикой [30].

Наконец, после начала «холодной войны» этот вопрос приобрел также и некоторое пропагандистское звучание. Как бы неожиданно, «свободный мир» узнал о том, что Ялтинские соглашения о репатриации были настоящей трагедией для миллионов человек. И это, несмотря на то, что к ней, в свое время, старались привлечь внимание и папа римский, и видные деятели зарубежной Православной церкви, да и сами «восточные» добровольцы в лице своих лидеров (например, письма генерал-майора М. Меандрова к г-же Рузвельт). С другой же стороны на Западе узнали, что во время войны в СССР было, оказывается, более миллиона активных борцов с режимом. Все это, конечно, стало актуальным не из-за каких-то моральных соображений. Просто эти лица, как полагали западные лидеры, могут стать действенной «пятой колонной» во время предполагаемой войны с СССР. Кроме того, к 1950-м гг. относится и начало активного изучения в европейской и американской историографии проблемы коллаборационизма в Советском Союзе в период Второй мировой войны. Причем, наиболее серьезно

изучались все вопросы, связанные с немецкими методами по вербовке «восточных» добровольцев, и те ошибки, которые они допустили, не дав развернуться так называемому Освободительному движению народов России [31].

Сама же тема насильственной репатриации стала одним из сюжетов пропагандистской войны Запада против СССР. Например, в знаменитом «Архипелаге ГУЛАГ» А. Солженицына ее жертвам посвящена целая глава под названием «Та весна». А многие бывшие власовцы и члены других добровольческих формирований, выйдя из лагерей по амнистии 1955 г., пополнили ряды зарождавшегося в СССР диссидентского движения [32].

Так, в целом, выглядит эта большая и многогранная проблема. Когда более 60 лет назад главы трех союзных держав подписывали в Ялте соглашения о репатриации, они и представить себе не могли, что она переживет их всех и будет служить объектом пристального изучения даже в новом, XXI, веке. И если Сталин действительно понимал, зачем нужны ему эти репатрианты, то Рузвельт и Черчилль, кажется, не отдавали себе в этом отчет. В очередной раз, в угоду сиюминутной политической конъюнктуре, были попораны права миллионов людей. Предпринимая попытку объективно подойти к этой проблеме, автор, естественно, не собирался обелять настоящих предателей и военных преступников. Многие из них, как потом выяснилось, все-таки остались на Западе и просто поменяли хозяев. Что же касается обычных беженцев, обманутых или даже тех, кто «добросовестно заблуждался», считая нацизм меньшим злом, чем коммунизм, то их выдача была аморальной с любой точки зрения. Разве, что только не с политической?! Кубанский атаман В.Г. Науменко назвал эти выдачи «великим предательством». С ним нельзя не согласиться. Но на наш взгляд, это было предательство не в буквальном смысле этого слова. Именно там, в долине Дравы, Кемптене, Дахау, Платтлинге и многих других местах русский человек в очередной раз убедился в том, чего стоят все слова Запада о демократии, правах человека и т.п. вещах. К сожалению, этот один из многочисленных, незаслуженно забытых, но не последних по значению уроков Ялты так и оказался невыученным.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. См. например: Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. Сб. документов: В 6 т. – М., 1984. – Т.4 (Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании – 4-11.2.1945 г.).
2. На наш взгляд, наиболее интересными публикациями по этой проблеме являются такие работы российских авторов: *Полян П.М.* Жертвы двух диктатур. – М., 2002; *Полян П.М.* Депортация советских граждан в третий рейх и их репатриация в Советский Союз // Материалы по истории Русского освободительного движения: Сб. статей, документов и воспоминаний. – М., 1998. – Вып. 4. – С. 322-409; *Арзамаскин Ю.Н.* Советские органы репатриации в 1944 – 1946 гг. // Материалы по истории Русского освободительного движения: Сб. статей, документов и воспоминаний. – М., 1998. – Вып. 4. – С. 258-284. Однако основное внимание в этих исследованиях уделяется, прежде всего, структуре органов репатриации и различной статистике по репатриантам.
3. *Арзамаскин Ю.Н.* Указ. соч. – С. 258.
4. Советский Союз на международных конференциях... – С. 258; Хоффманн Й. История Власовской армии. – Париж, 1990. – С. 235.
5. *Дробязко С.И.* Под знаменами врага. – М., 2005; *Дробязко С.И., Романько О.В., Семенов К.К.* Иностранцы формирования Третьего рейха. – М., 2011; *Окороков А.В.* Антисоветские воинские формирования в годы Второй мировой войны. – М., 2000; *Романько О.В.* Мусульманские легионы во Второй мировой войне. – М., 2004; *Романько О.В.* Советский легион Гитлера. Граждане СССР в вермахте и СС. – М., 2006.
6. *Майоров Н.* Краснодарский процесс // Неотвратимое возмездие. По материалам судебных процессов над изменниками Родины, фашистскими палачами и агентами империалистических разведок. – М., 1979. – С. 160-170.
7. *Назаров М.В.* Миссия русской эмиграции. – Ставрополь, 1992. – С. 309.

8. *Дробязко С.И.* Под знаменами врага... – С. 88-97, 131-144.
9. *Арзамаскин Ю.Н.* Указ. соч. – С. 258-259.
10. *Назаров М.В.* Указ. соч. – С. 336.
11. *Хоффманн Й.* Указ. соч. – С. 236.
12. *Толстой Н.Д.* Жертвы Ялты. – М., 1996. – С. 416-426.
13. *Хоффманн. Й.* Указ. соч. – С. 236.
14. *Толстой Н.Д.* Указ. соч. – С. 181-220.
15. Там же. – С. 233-255.
16. *Хоффманн Й.* Указ. соч. – С. 237.
17. Там же. – С. 237.
18. *Полян П.М.* Депортация советских граждан в третий рейх... – С. 384-385.
19. *Назаров М.В.* Указ. соч. – С. 337.
20. *Толстой Н.Д.* Указ. соч. – С. 349.
21. *Дробязко С.И.* Эпопея генерала Смысловского // Материалы по истории Русского освободительного движения: Сб. статей, док-ов и воспоминаний. – М., 1998. – Вып. 4. – С. 116-135.
22. *Назаров М.В.* Указ. соч. – С. 345.
23. *Bethell N.* The Last Secret. The Forcible Repatriation to Russia 1944 – 1947. – London, 1974. – P. 242-243.
24. *Толстой Н.Д.* Указ. соч. – С. 426, 468.
25. *Поздняков В.В.* Власовцы в СССР. Письма Н.Н. Краснова // Новое русское слово. – 1964. – 22-23 декабря.
26. Известия. – 1946. – №181. – 2 августа; Правда. – 1947. – №15. – 17 января.
27. *Хоффманн Й.* Указ. соч. – С. 242.
28. РОА – «третья сила» второй мировой. Интервью Д-ра Йоахима Хоффманна Российскому информационному агентству «Новости» (май 1995 г.). – Личный архив О.В. Романько (Симферополь, Российская Федерация). – Л. 1-2.
29. *Хоффманн Й.* Указ. соч. – С. 253.
30. *Толстой Н.Д.* Указ. соч. – С. 407.
31. См. напр.: *Thorwald J.* Wen sie verderben wollen. Bericht des grossen Verrats. – Stuttgart, 1952.
32. *Солженицын А.И.* Архипелаг ГУЛАГ. 1918 – 1956. Опыт художественного исследования. – М., 1991. – Т.5. – С. 169-198.

Д.В. Соколов
исследователь, публицист
(г. Севастополь)

ПОЛОЖЕНИЕ ИНОСТРАНЦЕВ В КРЫМУ ПОСЛЕ ВРАНГЕЛЯ 1920-1921 ГГ.

События, происходившие на территории Крымского полуострова в первые месяцы после окончательного установления советской власти в ноябре 1920 г., на протяжении долгого времени привлекают к себе внимание многих исследователей, историков и краеведов. Тем не менее, многие аспекты по-прежнему остаются на сегодняшний день практически не исследованными. Один из них – положение иностранцев в рассматриваемый период, отношение к ним местных органов власти, партийных организаций. Не претендуя на полноту и всесторонний охват указанной темы, попробуем, тем не менее, отразить некоторые ее ключевые моменты.

К ноябрю 1920 г. в Крыму находились не только местные жители, но и беженцы с центральных районов России, иностранные подданные. Традиционно Крымский полуостров был местом обитания многих народов. Веками здесь сосуществовали десятки разных культур. Установление в регионе власти большевиков и проводимые ими радикальные социально-политические экономические преобразования, естественно, коснулись и иностранцев.

Ведущими принципами советского государственного строительства в первые годы после Октябрьского переворота были «пролетарский интернационализм», строительство «земшарной республики» путем «мировой революции». Как написал в одном из своих стихотворений известный поэт Владимир Маяковский, «чтобы в мире без России, без Латвии, жить единым человечьим общежитьем» [1]. Лозунг «пролетарии всех стран, соединяйтесь!» был не только агитационным призывом большевистской партии, но он лежал и в основе первой Конституции РСФСР 1918 г., являясь своего рода государственным девизом.

По мнению профессора Томского государственного университета, д.и.н. Ларисы Белковец, «идя по пути отказа от одного из

главных положений науки государственного права, считающей основным правовым признаком человека его подданство, Конституция РСФСР, по сути, отменила прежнее понятие иностранца, признав за всеми трудящимися, независимо от их подданства, политические права российских граждан» [2].

«Исходя из солидарности трудящихся всех наций, – гласила ст.20 Конституции. – Социалистическая Федеративная Советская Республика предоставляет все политические права российских граждан иностранцам, проживающим на территории Российской Республики для трудовых занятий и принадлежащим к рабочему классу или к не пользующемуся чужим трудом крестьянству, и признает за местными Советами право предоставлять таким иностранцам, без всяких затруднительных формальностей, право российского гражданства» [3].

В соответствии со ст.21 Конституции, Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика предоставляла право убежища всем иностранцам, подвергающимся преследованию за политические и религиозные преступления. В годы Гражданской войны и после нее иностранные граждане привлекались к партийной и советской работе. Немало иностранцев (так называемых «интернационалистов») воевало в рядах Красной армии. Так, венгерский коммунист Бела Кун, в недавнем прошлом глава Венгерской советской республики, переживший крушение революции в своей стране, в конце 1920 – начале 1921 гг. был членом Реввоенсовета Южного фронта и первым председателем Крымревкома. Имя этого партийного и советского деятеля стало символом трагедии красного террора, который захлестнул полуостров в первые месяцы после прихода большевиков.

Именно за подписью Бела Куна был выпущен печально известный приказ Крымревкома №4 от 17 ноября 1920 г. о регистрации иностранно-подданных, офицеров и солдат добармии. Этот приказ принято считать положившим начало кровавой «зачистке» Крыма от «контрреволюционеров». Примечателен пункт 1 приказа, которым предписывалось *«всем иностранно-поданным, находящимся на территории Крыма» в трехдневный срок явиться для регистрации. Не зарегистрировавшиеся рассматривались как итшоны и предавались суду ревтрибунала «по всем строгостям военного времени» [4].*

Хотя основное внимание советского репрессивного аппарата, ревкомов и военных властей было сосредоточено на ликвидации «внутренней контрреволюции», уничтожении либо отправке на восстановительные работы в Донбасс бывших военнослужащих Русской армии генерала Петра Врангеля, к иностранцам, которые находились на территории Крыма, местные партийные, советские и чекистские органы также относились весьма настороженно. Это обуславливалось не только официальными идейными установками, изображавшими полуостров как «оплот эксплуататоров», который *«отстал на три года в своем революционном развитии»* [5], но и тогдашней сложной международной и внутривнутриполитической ситуацией. Так, в конце 1920 – начале 1921 г. среди населения циркулировали слухи о готовящемся новом вторжении интервентов. Реальность давала тому определенные основания. В Черном море крейсировали английские и французские военные корабли, которые совершали диверсии против советских торговых судов. Так, французские миноносцы в январе 1921 г. потопили советское судно «Зейнаб». В те же дни другому судну были нанесены серьезные повреждения [6].

Некоторые иностранцы были арестованы и расстреляны в ходе развернутого большевиками террора. Так, 7 декабря 1920 г. в Ялте приговорили к расстрелу 315 человек. Среди них гражданин Польши, прапорщик Евгений Бреннерт [7]. Разумеется, он не был единственным иностранцем, погибшим в те страшные месяцы.

И здесь обнаруживается чрезвычайно интересный аспект. В рассматриваемый период на территории Крыма продолжали действовать иностранные консульства. Так, в деле Бреннерта исследователь политических репрессий в Крыму и на территории Украины, киевский юрист Леонид Абраменко обнаружил ходатайство представителя Польского дома (консульства) Викентия Козаковского. Ссылаясь на мирный договор между Советской Россией и Польшей, в соответствии с условиями которого *«должно быть приостановлено все судебное, административное, дисциплинарное и всякое другое исследование против граждан Польской республики, а также незамедлительно должно быть приостановлено приведение в исполнение наказания, наложенные на этих лиц в каком бы то ни было порядке»*, сотрудник консульства просил освободить Бреннерта из-под стражи и передать

для отправки польским властям. Тем не менее, это ходатайство было проигнорировано [8].

И все же иностранные консульства, действовавшие на территории Крыма, давали людям хотя бы призрачный шанс уцелеть. Как пишет в своих воспоминаниях мичман Николай Алексеев, в конце 1920 г. прибывший из Батума на пароходе «Возрождение» в занятую красными Феодосию, по мнению местных жителей, лишь одни иностранцы были *«относительно обеспечены от всяких покушений»* со стороны ЧК и особых отделов [9]. Чтобы обезопасить себя, люди спешили принять иностранное подданство. Далее в воспоминаниях описывается, как по совету одного из оставшихся в городе консулов Алексеев обратился в эстонское консульство. Здесь ему объяснили, что это дипломатическое учреждение – фикция. Перед приходом красных бывший высокопоставленный чиновник министерства торговли и промышленности повесил над домом государственный флаг Эстонии, а на двери прикрепил записку с надписью «Эстонское консульство».

«Я, – вспоминал Алексеев. – был немедля <...> превращен в эстонского гражданина и стал секретарем консульства». Зарегистрировав печать в местном ревкоме, Алексеев и его компаньон стали выдавать фиктивные эстонские паспорта всем желающим. Эти документы действительно помогали их обладателям и были *«одной из тех немногих соломинок»*, благодаря которым удавалось *«сохранить свободу и жизнь»* [10].

Официальные документы свидетельствуют, что местные власти уделяли проблеме иностранцев пристальное внимание. 3 января 1921 г. опубликован приказ Крымревкома №193 «О правах и обязанностях иностранцев», регламентировавший правовой статус иностранных граждан в Крыму. Их наделяли теми же правами и обязанностями, что и граждан РСФСР за рядом исключений. Так, в случае привлечения к уголовной ответственности за спекуляцию или контрреволюционные преступления, как обычные судебные учреждения, так и чрезвычайные комиссии обязаны были поставить об этом в известность Крымский отдел управления, который, в свою очередь, доводил эту информацию до сведения наркомата иностранных дел и консула страны, подданным которой числился арестованный. Иностранцам наравне с российскими подданными предоставлялось право на защиту. Апеллировать к наркомату ино-

странных дел через представителей иностранных государства допускалось лишь в случае возникновения ситуаций, неразрешимых обычным путем. Квартиры иностранцев подлежали реквизиции только на основании решений жилищных комиссий и только для нужд советских учреждений. При этом бывшим хозяевам давался срок не менее недели, для переезда на новую квартиру, предоставленную жилищной комиссией. Зато «уплотнению» иностранцы подлежали наравне с российскими гражданами.

Служащие иностранных дипломатических учреждений льготами не пользовались и лишь в вопросах реквизиции помещений ставились в условия, одинаковые с условиями для советских учреждений. Помещения консульств, а равно их документация, переписка не подлежали просмотру, обыску и изъятию, но это не касалось частной переписки сотрудников консульств по вопросам, которые не были связаны с их профессиональной деятельностью. Иностранцы наравне с российскими гражданами облагались всеми обязательными налогами, как личными, так и имущественными. Конфискация товаров или иного движимого имущества допускалась только на основе общегосударственных декретов либо если товары составляли предмет государственной монополии или их оборот был запрещен законом. То же касалось и реквизиций. К отбыванию воинской повинности, сборам и налогам на военную службу иностранцы не привлекались. Зато привлекались к отбыванию трудовой повинности на общих основаниях, как и граждане РСФСР [11].

В тот же день, 3 января 1921 г., вышел приказ Крымревкома за №195, регламентирующий порядок привлечения иностранцев к трудовой повинности. От нее освобождались лишь члены иностранных миссий и представительств, признанных народным комиссариатом по иностранным делам. Те иностранцы, которые заявили о намерении покинуть РСФСР и получили соответствующее разрешение, освобождались от трудовой повинности с момента выезда. Уклонившиеся от трудовой повинности рассматривались как дезертиры труда и предавались суду революционного трибунала [12].

Таким образом, политика советской власти в Крыму по отношению к иностранцам в первые месяцы после ликвидации красного Южного фронта осенью 1920 г. характеризовалась известной

долей вариативности. С одной стороны, декларировались принципы, отраженные в действующей Конституции РСФСР 1918 г., с другой – граждане иностранных государств, проживающие на территории Крыма, в рассматриваемый период пережили те же тяготы и трудности, что и российские подданные.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. *Маяковский В.В.* Сочинения в двух томах, т. I – М.: Правда, 1987. – с.392
2. *Белковец Л.П.* Иностранцы в Советской России (СССР): регулирование правового положения и порядка пребывания (1917 – 1939-е гг.) Ч.1 // http://e-notabene.ru/lr/article_796.html
3. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. Принята V Всероссийским съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 года // <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1918.htm>
4. Ревкомы Крыма. Сборник документов и материалов. – Симферополь, 1968. – с.23
5. *Мельгунов С.П.* Красный террор в России 1918-1923 гг. // *Мельгунов С.П.* Красный террор в России 1918-1923 гг. Чеккистский Олимп. М.: Айрис-Пресс, 2006. – с.113
6. Очерки по истории Крыма. Часть III. Крым в период социалистического строительства (1921-1941 гг.) / под общ. ред. д.и.н. И. С. Чирвы. – Симферополь, издательство «Крым», 1964. – с.10
7. *Абраменко Л.М.* Последняя обитель. Крым, 1920-1921 годы. – К.: МАУП, 2005. – с.355; 358
8. Указ. соч. – с.358
9. *Алексеев Н.* Крым Бэла Куна // Красный террор на Юге России / предисл., комментарии д.и.н. С.В. Волкова. – М.: Айрис-пресс, 2013. – с.354
10. Указ. соч. – с.354-355
11. Сборник приказов революционного комитета Крыма (№187-325) (2 I – 31 III 1921 г.). Выпуск второй. – Симферополь, 1921. – с.8-9
12. Указ. соч. – с.10

УДК 32. 019.5

А.В. Ставицкий

кандидат философских наук,
доцент кафедры
истории и международных отношений
Филиала МГУ в Севастополе
(г. Севастополь)

ПРИЧИНЫ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»: МИФОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Causes of «Cold War»: mythological aspect

Аннотация. В статье дается оценка современной политической мифологии и рассматриваются наиболее известные мифы о причинах «холодной войны», за которыми скрываются планы США по установлению мирового господства.

Ключевые слова: политический миф, причины «холодной войны»

Summary. The article assesses the current political mythology and examines the most famous myths about the causes of the «Cold War», that hide America's plans for world domination.

Keywords: political myth, the causes of the Cold War

В условиях гибридных войн особое внимание экспертов начинает привлекать политическая мифология. Ведь именно она формирует общественное политическое сознание, определяет стратегию и тактику развития конкретных политических систем и политических отношений, «отмывает» или порочит ту или иную политическую систему, отдельных политических деятелей или события, связанные с ними, вычеркивает из истории то, что на самом деле происходило, или создает мифы о том, что в действительности лишь могло произойти, но не произошло.

Становясь частью общественного сознания, политические мифы формируют психологические и идеологические установки в обществе, обладающие стойкостью предрассудков. Поэтому недооценивать их роль и место в общественной жизни нельзя. Мифы отражают эмоционально окрашенные представления людей о политической действительности и вытесняют реальное представление о ней. Соединяя действительность с вымыслом, мифы строятся на определенных признаках, которые имеют место в политике, но подменяют объективную реальность субъективным восприятием, которая присутствует практически в любой точке зрения. Именно поэтому политическая мифология строится на вере, образующей субъективное и эмоциональное пространство, в котором функционирует политика и власть. И обойтись без нее не может ни одна политическая система. Власть должна порождать веру в ее возможности, в способность и желание удовлетворить желания людей. Поэтому мифы широко культивируются в любой политике, а нередко настойчиво прививаются. И период, когда разгром Германии и окончание Второй мировой войны привели к изменению соотношения политических сил в мире и к началу «холодной войны», не оказался исключением. Разворачивая ее, бывшие «союзники» не хотели брать на себя бремя ее явных инициаторов и пытались переложить ответственность друг на друга. Чтобы обосновать свое особое видение причин «холодной войны», своей роли в ней и своей исключительной правоты, обеими противостоящими сторонами были использованы технологии мифологизации международных политических процессов, которые работают до сих пор.

В свете этого будет полезным рассмотреть наиболее распространенные мифологемы этого периода, делая ставку преимуще-

ственно на западные представления о причинах «холодной войны». И, возможно, наиболее популярным среди них является миф, что основной причиной «холодной войны» стало противостояние двух супердержав, чьи глобальные проекты были просто несовместимы. Тогда Америке пришлось бросить все свои силы, чтобы не допустить экспансии страны Советов. В связи с этим отметим, что мессианизм был свойственен СССР и США с начала их образования. Но если на первой стадии их существования он развивался в условиях вынужденной изоляции, когда, находясь в стороне от мировой политики, СССР и США могли лишь рассчитывать на силу своего примера, то после Второй мировой войны характер и масштабы мессианизма изменились. «Мы пришли спасти мир, дав ему свободу и справедливость». Под этим заявлением американского президента В. Вильсона, сделанным после Первой мировой войны, мог подписаться и В. И. Ленин. С разгромом фашистской Германии этот лозунг стал лейтмотивом внешней политики ведущих мировых держав, но свобода и справедливость, принесенные их солдатами другим народам на своих штыках, не сделали этот мир лучше. Потом в своем знаменитом выступлении 1983 г. в Орландо, где СССР был назван «империей зла», Рональд Рейган, касаясь внешней политики США, привел известные слова французского исследователя Алексиса де Токвиля: «Если Америка когда-нибудь перестанет быть справедливой, она перестанет быть великой» [1, с. 154]. Но многие ли сейчас считают, что Америка в мире поступает нравственно, устанавливая свои порядки повсеместно и пытаясь жить за счет других? Впрочем в данном случае возможен и другой подход, когда при подчинении нравственности интересам политической борьбы (нравственно все то, что способствует усилению влияния США в мире), она становится способом оправдания любых их действий, истинная цель которых мировая гегемония и контроль над мировыми ресурсами с помощью долларовой системы, позволяющей Америке жить за счет других.

Впрочем, у послевоенных событий, как внутри страны, так и за ее пределами, была своя особенность. Понять ее отчасти помогает знаменитое изречение премьер-министра Великобритании У. Черчилля, который заметил, что, дав приказ своим войскам перейти границу Советского Союза, Сталин совершил две

ошибки: во-первых, он показал Ивана Европе и, во-вторых, он показал Ивану Европу. В этой мысли выдающегося английского политика угадываются как трагедия «детей 1945 года», которые, преследуя отступающие фашистские войска, шагнули за пределы «железного занавеса» и увидели иной мир, так и испуг населения Европы, когда армия, освободившая их от фашизма, «забыла» уйти обратно домой. Действительно, постоянное напряжение и смертельный риск, которые испытывали во время войны миллионы советских людей раскрепостили их, а совместная борьба и временное падение «железного занавеса» вызвали огромный интерес и симпатию друг к другу. Это привело к росту популярности «враждебных» идей как в СССР, так в Великобритании и США. Одним захотелось большей свободы, другим – большего равенства и социальной защищенности. Но руководства стран-победителей увидели в этом угрозу существующим режимам и, захлопнув «железный занавес», перешли в наступление против тех, кто, по их мнению, им угрожал. Такая внутренняя политика привела в Советском Союзе к «ждановщине» и борьбе с космополитами, а в США – к «маккартизму» и «охоте на ведьм». Эти процессы явно показывают, что общественное мнение в СССР и США первоначально не было готово принять «холодную войну». Но поскольку в демократических странах принято было опираться на общественное мнение, в политических и дипломатических кругах США и Великобритании предпринимались попытки представить его как явно антисоветское. Согласно этому мифу к росту противостояния в Европе бывших союзников толкали не имперские амбиции супердержав, а позиция простых людей, возмущенных вероломством русских. При этом вовсе упускается из вида тот факт, что еще до окончания войны по распоряжению У. Черчилля из немецких военнопленных готовились войска для продолжения войны с СССР только уже на стороне Великобритании. И только случайность позволила этого избежать.

В свете этого миф о «вероломстве русских» и «предательстве» ими своих «союзников» выглядит особенно вычурно. Ведь разные социально-политические системы, разные идеологии и исторически сложившиеся стратегические интересы не позволяли надеяться на прочный союз без серьезных взаимных уступок и компромиссов. Реальность военно-политического сотрудниче-

ства гарантировалась реальностью общей угрозы. Разногласия временно ушли на второй план, но не исчезли, и о том, что они реально существуют можно было догадаться по отказу западных союзников разделить ответственность с Советским Союзом за исход военных действий в Европе в течение 1941-1943 гг. Чего стоит, скажем, знаменитое высказывание У. Черчилля о том, что он будет воевать с нацистской Германией «до последнего русского солдата». На фоне подобных откровений становятся понятными многочисленные «приветствия» и похвалы, которые расточал английский премьер в адрес тех, на кого легло основное бремя войны с нацизмом, пока это было ему нужно. Так, прикрываясь лозунгами «боевого братства», западные союзники преследовали свои геополитические интересы. Об этом свидетельствует, в частности, реакция Запада на отказ Сталина помочь Варшавскому восстанию. Начатое по указанию находившегося в Лондоне польского правительства, оно ставило целью освободить столицу Польши и провозгласить власть эмигрантского правительства до прихода советских войск. В результате поражения восстания Варшава была почти полностью разрушена, а около 200 тысяч поляков погибло. Западный мир был потрясен «безразличием» Сталина к человеческой трагедии и явной политической выгодой, которую получал Советский Союз от уничтожения Армии Крайовой. «...это произвело эффект резко сброшенной маски боевого товарищества, открывшей Западу неприветливый лик советской политики», – писал позже А. М. Шлезингер-мл. [2, с. 254]. Возможно, его эмоциональная оценка морально оправдана, но политически она более, чем спорна. Ведь фактически перед руководством Советского Союза был конкретный выбор: без соответствующей подготовки и материального обеспечения бросить свои истощенные войска в наступление, чтобы ценой огромных потерь помочь восставшим и сдать Варшаву антикоммунистам или, не потеряв ни одного русского солдата, одним политическим решением обеспечить перевес в Польше своих сторонников и получить гарантии добрососедских отношений с Польшей на будущее? Попытка поставить Советский Союз перед фактом создания независимой Польши с прозападной ориентацией закончилась полным провалом. Но миф о предательстве «боевого братства» остался и до сих пор культивируется.

Пока Германия и Япония еще сопротивлялись, взаимная заинтересованность в полном разгроме агрессоров удерживала союзников вместе, но на высшем уровне «борьба под ковром» шла полным ходом. Именно в это время обнаружилась принципиальная разница в концептуальных подходах руководства СССР и США к проблеме механизма международного взаимодействия. Американская послевоенная историография предлагает две крайние точки зрения по этому вопросу. По одной из них «холодная война» была смелым и необходимым ответом свободных людей на коммунистическую агрессию. По другой (т.н. школа «открытых дверей») – Соединенные Штаты задалась целью «интегрировать» все мировое сообщество в американскую экономическую систему, а Советский Союз им в этом мешал. При этом, историки школы «открытых дверей» отбрасывают и известную точку зрения, что смерть Ф.Д. Рузвельта ускорила развал коалиции, утверждая, что проживи он дольше, внешняя политика США принципиально бы не изменилась, так как администрация Трумэна была прямой наследницей внешнеполитических идей Рузвельта (включая Бреттон-Вудскую систему) и продолжала его политику применительно к новым условиям. Школа «открытых дверей», естественно, упрощает (а значит «мифологизирует») проблему начала «холодной войны», сводя ее к экономической заинтересованности США в Восточной Европе. В действительности перед Второй мировой войной на долю Восточной Европы приходилось лишь около 2% американского экспорта. Но то, что руководство Соединенных Штатов уже в конце войны ощущало себя мировой державой, без участия которой не может быть решен ни один вопрос мировой политики, несомненно. А отказ И.В. Сталина принять условия Бреттон-Вудской системы, что лишало Америку шансов подчинить себе СССР с помощью доллара, уже ставил крест на планах США по мировой гегемонии в ближайшем будущем и вынуждал их начинать «холодную войну», чтобы сломать строптивые Советы.

Впрочем, отметим, что анализ внешней политики Советского государства в первые годы и положенных в его основу идей показывает, что подобный взгляд поначалу отличал и руководство СССР. Согласно идее неизбежной мировой революции и победы

социализма во всем мире, борьба за мир являлась лишь одной из возможных форм классовой борьбы. По ней помощь коммунистическому движению и антиимпериалистическим союзникам, вмешательство во внутренние дела других стран посредством обострения классовой борьбы были естественными, необходимыми и морально оправданными, и даже агрессия в этом случае считалась вынужденным актом самообороны. При этом если концепция о неизбежной борьбе между социалистической и капиталистической системами была сродни теории «универсализма», то принцип мирного сосуществования опирался на идею раздела сфер влияния. И хотя В. И. Ленин многократно осуждал политический раздел мира между ведущими государствами, Сталин сделал попытку осуществить такой раздел совместно с Германией накануне и в начале Второй мировой войны. В результате, по мнению многих экспертов на Западе, Советский Союз разделил ответственность за развязывание новой мировой войны с Германией. Хотя территория, которую заняли в 1939 г. советские войска, не выходила за пределы тех границ, которые отводились России по решениям Парижской конференции. Более того, по одной из версий, имеющих хождение на Западе до сих пор, в условиях якобы нарастающих территориальных претензий Советского Союза у Гитлера не было другого выхода, как напасть на него. Впрочем, данная версия – блестящий образчик того, как можно трактовать общеизвестные факты, когда небольшое смещение акцентов приводит к созданию очередного политического мифа. Но так или иначе советское руководство в течение всей войны оставалось приверженцем раздела сфер влияния. Об этом свидетельствует совместное решение СССР и Великобритании (1944 г.) о зонах интересов, которое, по словам Черчилля, Сталин выполнял неукоснительно.

Однако, в отличие от руководства СССР и Великобритании среди американских политиков в этом вопросе не было единства. Одни из них с самого начала выступали за раздел Европы на сферы влияния и за проведение внешней политики на основе баланса сил и интересов. Другие - являлись сторонниками концепции «универсализма», считая, что теория раздела мира на сферы влияния уже устарела, и надо создавать новый мир, построенный на принципах открытости и доверия. По их мне-

нию, идея баланса сил являлась нестабильной по своей сути, поскольку в прошлом всегда приводила к неудаче. Не говоря о предательстве принципов, ради которых велась Вторая мировая война. В качестве альтернативы балансу сил они рассматривали ООН, которое, по их мнению, сможет контролировать соблюдение будущего миропорядка. Сторонникам соблюдения баланса интересов, предлагавших позволить Советскому Союзу создать из соседних государств «кордон безопасности», они резонно отвечали: а кто поручится, что на этом притязания русских ограничатся? Не станет ли тогда Восточная Европа трамплином для оккупации истощенной войной Западной Европы? А т.н. «непредсказуемость» русских в этом вопросе объяснялась их якобы «паранойей», порожденной в равной мере и российской историей, и ленинской идеологией. В свою очередь, избирательное использование «универсализма» руководством США делало его эффективным способом мирного контроля над остальным миром, но подталкивало Советский Союз к принятию защитных мер, которые приводились потом руководством Соединенных Штатов в качестве свидетельства агрессивных намерений русских.

Как следствие, совершенно очевидно, что возможности СССР и США были существенно ограничены. Ограничены их противостоянием и примерно равным военным потенциалом. Они оба оказались в стане победителей, имели свои геополитические интересы в Европе, в других частях света, и игнорировать эти интересы значило не считаться с реалиями, сложившимися после мировой войны. Как видим, подобная позиция лежит в основе понимания необходимости взаимного признания государствами законности этих интересов и неизбежных в таком случае взаимных уступок. Тех американских политиков, которые понимали это и предлагали учитывать интересы СССР в Восточной Европе, можно было назвать циниками, но именно они оказались прагматиками и реалистами, поскольку требование предоставить право на самоопределение странам Восточной Европы Москва восприняла как оказание «намеренного давления на западные границы России». Кроме того, сама попытка реставрации капитализма в странах, освобожденных советской армией ценой огромных людских и материальных потерь, казалась им кощун-

ственной, явным предательством тех принципов и идей, за которые они сражались и проливали свою кровь.

По мнению дипломата и советолога Дж. Кеннана, претензии СССР были законны, и Восточную Европу следовало уступить, поскольку политические проблемы Восточной Европы касаются Америки не больше, чем Россию - политические дела в Латинской Америке и Западной Европе, но экономическую помощь Советам следует прекратить. Дж. Кеннан и его сторонники не сомневались в попытках СССР сделать социалистическими соседние страны, но принимали это как неизбежное. Ведь на деле никакой компромисс не был возможен до тех пор, пока обе стороны не достигнут реалистичной, и значит сходной оценки соотношения сил. Следовательно, «холодная война» началась не в результате какого-то произвольного решения. Ее породила проблема, перед которой оказались обе страны, когда каждая сторона испытывала неодолимое желание проводить именно ту политику, которую другая никак не могла рассматривать иначе, как угрозу принципам установления мира и собственной безопасности. Чтобы предотвратить эту угрозу, обе страны предприняли оборонные меры, необходимые, по их мнению, для поддержания безопасности. И поскольку каждая сторона верила, что будущая международная стабильность зависит от успеха ее собственной концепции мирового порядка, избежать политического и идеологического противостояния они уже не могли. Не стоит удивляться тому, что «холодная война» началась. Скорее было бы удивительно, если бы ее не произошло. И не виновные перед нами, а ее жертвы. Жертвы собственной, истощавшей обе страны политики и положенных в основу ее мифов, искажавших истинные причины «холодной войны» и сознательно путавших национальные «ценности» и национальные «интересы».

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. *Рейган Р.* Откровенно говоря. Избранные речи. М., 1990, 398с.
2. *Шлезингер-младший А. М.* Циклы американской истории. М., 1992, 686 с.

Н.П. Таньшина
доктор исторических наук,
профессор кафедры
новой и новейшей истории
Института истории и политики
Московского педагогического
государственного университета
(г. Москва)

«КРЫМ ВДРУГ СТАЛ В МОДЕ»: КРЫМ В ПУТЕВЫХ ЗАМЕТКАХ ФРАНЦУЗСКОГО ДИПЛОМАТА ПРОСПЕРА ДЕ БАРАНТА

*«The Crimea has suddenly become in fashion»: the Crimea
in the travel notes of a French diplomat Prosper de Barant*

Аннотация. В статье речь идет о восприятии Крыма послом Франции в России в 1835–1841 гг. бароном П. де Барантом. В условиях набиравшего обороты Восточного кризиса в 1838 г. он решил вернуться в Россию из очередного отпуска морским путем через Константинополь и Одессу. Отсюда началось путешествие Баранта по Крыму и по России, впечатления от которого легли в основу его «Заметок о России».

Ключевые слова: Крым, барон Проспер де Барант, «Заметки о России», граф М.С. Воронцов, Севастополь, Николай I, Восточный кризис.

Summary. In the article we are talking about the perception of the Crimea by the Ambassador of France in Russia in 1835–1841, baron P. de Barant. In conditions of a growing Eastern crisis, in 1838 he decided to return to Russia by sea, via Constantinople and Odessa. From this point his journey in Crimea and Russia began. These travel observations formed the basis of baron de Barant's «Notes about Russia».

Keywords: Crimea, baron Prosper de Barant, «Notes about Russia», count M.S. Vorontsov, Sevastopol, Nicholas I, the Eastern crisis.

«Крым вдруг стал в моде» — эти слова были произнесены отнюдь не сегодня и даже не год назад, а в первой половине XIX века французским дипломатом, послом Франции в России в 1835–1841 гг. бароном Проспером де Барантом (1782–1866), выходцем из старинной аристократической семьи, известным литератором и историком, администратором наполеоновской эпохи. На посольском посту он сменил маршала Н.-Ж. Мэзона.

Только в самом конце XVIII века императрицей Екатериной II Крым был присоединен к России, и история российского Крыма едва начиналась, но за очень короткий по историческим меркам период в результате правления российских властей Крым претерпел существенные позитивные изменения, в особенности при генерал-губернаторе Новороссийского края графе (с 1845 г. князе) Михаиле Семеновиче Воронцове. За двадцать один год его руководства, с 1823 по 1844 г., был создан тот Крым, который мы знаем и поныне с его знаменитым Воронцовским дворцом и парком, дворцом в Массандре, виноградниками и винным заводом «Магарач», а также дорогой, соединившей Крымское побережье. Именно таким в 1838 г. Крым увидел французский дипломат.

Каким образом утонченного француза, привыкшего к высшему парижскому свету и петербургскому лоску, занесло в столь дальние края? Дело в том, что в условиях набиравшего обороты Восточного кризиса, а именно конфликта между турецким султаном и пашой Египта, в который оказались втянуты все европейские державы, а также в условиях активизации политики Великобритании в Османской империи, Барант решил из очередного отпуска вернуться в Россию морским путем через Константинополь и Одессу, чтобы своими глазами увидеть, что происходит в Крыму, а главное — в Севастополе, который и был основной целью его визита. Ведь в то время проблема так называемой «русской угрозы» была весьма актуальна, и на Западе очень ревниво воспринимали усиление позиций России в районе Проливов и в непосредственной близости от Константинополя.

После двухнедельного пребывания на карантине в Одессе, куда посол прибыл 16 августа 1838 г., он морем на пироскафе отбыл в Ялту, посетил Севастополь, Симферополь и Перекоп,

откуда через Харьков, Курск, Орел и Тулу направился в Москву, регулярно фиксируя свои наблюдения. Эти путевые записи, а также наблюдения Баранта о русском народе, его менталитете, обычаях и нравах были опубликованы после его смерти под заголовком «Заметки о России» [1]. Эта работа в России почти не известна, на русский язык не переводилась, а между тем Барант в отличие от своего современника-соотечественника маркиза Кюстина, который своей шумевшей книгой «Россия в 1839 году» на сто пятьдесят лет основательно подмочил репутацию нашей страны, был наблюдателем очень доброжелательным. Не считая Россию варварским и деспотичным государством, он видел общность путей развития России и западного мира, верил в большой потенциал и будущее нашей страны.

Итак, Крым глазами французского дипломата, каков он? Крым Баранта поразила сначала своей природой, которая напомнила ему Генуэзскую Ривьеру, а поселения в районе Ялты вызвали воспоминания о сельских домах в окрестностях Женевы и Лозанны. Баранту очень понравился мягкий климат, похожий на климат Лангедока, позволявший выращивать в естественных условиях многие средиземноморские культуры. Он не заметил в Крыму апельсиновых деревьев и алоэ, но отмечал, что инжир, оливки, гранаты, земляника, мастиковое дерево, зизифус произрастали там весьма хорошо [2]. Все это очень напоминало Баранту его «милую Францию», и он находил, что Крым, удаленный от центральной России, а, следовательно, от жесткого контроля столичных властей, имел все шансы стать наиболее европеизированной частью Российской империи [3].

Барант был поражен, что столь заметные положительные результаты в Крыму произошли в столь короткие сроки. Еще тридцать лет назад, пишет дипломат, этот «замечательный край» заселяли татары, совсем не занимавшиеся его развитием. Они не возделывали почву, не строили дороги, имели скудные урожаи яблок и груш, выращивали табак, кое-где сеяли пшеницу, но все это исключительно для своего потребления. Татары, по словам Баранта, вообще не отличались трудолюбием, довольствовались малым и зарабатывать деньги своим трудом могли только под угрозой голодной смерти [4]. При этом с российскими властями у них, по наблюдениям дипломата, сложи-

лись весьма добрососедские отношения. Российские власти уважали традиции, обычаи и религию татар, не делали ничего, чтобы их «шокировало и скандализировало» [5], а татары, со своей стороны, не имели никаких политических претензий и жили спокойно и счастливо [6].

Главная заслуга в превращении Крыма в цветущий сад, по твердому убеждению Баранта, принадлежала генерал-губернатору графу Воронцову. Это Воронцов ввел моду на Крым. *«Знатные вельможи из Петербурга и Москвы захотели иметь дома в этом красивом краю, жить в этом мягком климате, иметь те продукты, которые до сего получали из Италии или Прованса. С этого момента побережье перешло из состояния дикости в состояние цветущего сада»* [7].

Успехи Воронцова, по мнению Баранта, во многом были связаны с тем, что он являлся человеком западного склада ума. Михаил Семенович родился в семье дипломата, образование получил в Англии, там усвоил западные манеры и, видимо, английскую практическую хватку, а заодно и «свободу духа, мало знакомую в России», при этом преданно служа императору. Будучи очень богатым человеком, а, по словам Баранта, у него было более миллиона ренты и, не испытывая привязанности к столице, все свои огромные доходы он вкладывал в развитие Новороссийского края. Как писал французский дипломат, в случае, если государственных денег не хватало, он покрывал общественные расходы из своих личных средств [8].

Граф Воронцов, что особо подчеркивал Барант, являлся умелым администратором и крепким хозяйственником, который своей кипучей энергией превращал пустующие земли в цветущие сады и виноградники, строил дворцы и дороги и заражал своим энтузиазмом других. *«Граф Воронцов, подающий пример другим, имеет собственность в различных частях побережья. В Алушке он строит замечательный замок. В Массандре у него виноградники и питомники... Вдоль побережья проложена дорога. Он хочет привезти сюда сорта винограда из всех стран мира. Он даже пригласил в Крым виноградарей из Бургундии и Медока»* [9]. Правда, как истинный француз Барант полагал, что только французы могли создавать превосходные вина, и относительно винодельческих проектов Воронцова был настроен весьма

скептически, полагая, что высокого качества вин, несмотря на все старания, в Крыму достичь не удастся, да и стоит они будут гораздо дороже импортных. Он писал, что начинания Воронцова в Массандре *«все это люкс и скорее фантазия богатых людей, нежели полезное предприятие»* [10]. Посол полагал, что Воронцову надо было обратить внимание не на производство вин экстра-класса, а сосредоточиться на массовом производстве недорогого вина, которое находило бы широкий сбыт и тем самым запуская бы кумулятивный механизм роста экономики. Но Барант тут же оговаривался, такого массового потребителя в Крыму еще не было, и в этом он видел главную проблему для развития всей Новороссийской губернии. Он справедливо отмечал, что Крым пока еще являлся просто «новой фантазией», забавой для части аристократов, а благосостояние края могло быть связано только с развитием массового производства и массовой колонизацией. При этом Барант подчеркивал, что сам граф Воронцов это прекрасно осознавал, приводя в пример его эксперимент в «Магараче», когда земля сдавалась в аренду небольшими участками. Арендаторы земли становились ее полноправными собственниками только после того, как сажали на своих землях определенное количество предписанных сортов винограда.

Как администратора Баранта особенно интересовала финансовая и хозяйственная составляющая деятельности графа Воронцова. Так, он отмечал, что возведение дворца в Алушке, который, на взгляд дипломата являлся настоящим феодальным замком, а не загородным домом, уже стоило Воронцову многие миллионы. При строительстве дворца использовался в основном труд оброчных крестьян из Владимирской и Московской губерний. Но Воронцов, по словам Баранта, выправил крестьянам паспорта, за которые они должны были уплатить по 30 рублей, а имели возможность зарабатывать они по 800 рублей, работая каменщиками и плотниками. В таком подходе к труду Барант усматривал *«дух истинного либерализма»* [11].

Если император Александр I, по словам Баранта, был очарован красотой этих мест, особенно Ореандой (как и сам посол), то Николай I не испытывал восторга по отношению к Крыму. Когда в 1837 г. императорская семья посетила Крым, ни Оре-

анда, ни в целом побережье его не очаровало, а императорское нерасположение к Крыму стало темой нескольких весьма любопытных разговоров между государем и послом [12].

Конечно, Крым Николая весьма интересовал, по крайней мере, в одном очень важном аспекте – укрепление позиций России на черноморских рубежах. Именно поэтому Севастополь стал главной целью путешествия французского дипломата. В Севастополе для проживания ему выделили «павильон», который занимал император Николай, будучи в Севастополе. Этот павильон построили на месте «барака», в котором останавливалась императрица Екатерина II во время своего визита в Крым. Севастополь, отмечает Барант, *«это серьезный морской порт, обладающий реальной важностью на Черном море, возрастающей день ото дня»* [13].

Если рассматривать Севастополь не как военно-морской порт, а как гражданский город, то Севастополь, по словам Баранта, – это «ничто». Помимо моряков, солдат, служащих и рабочих, население города насчитывало, по его данным, 6000 жителей [14]. *«Ничто еще не привлекает людей в этот военный лагерь... Еще не предвидится то время, когда Севастополь станет чем-то иным, нежели морским портом»*, – писал он [15].

Французский дипломат имел возможность детально ознакомиться с устройством севастопольского порта. Севастопольский рейд, который, по его словам, мог вместить все флоты Европы, закрывался двумя батареями пересекающихся казематов на двести мест каждая. Император, как отмечал Барант, в юности изучавший искусство фортификаций, очень любил именно систему батарей-казематов. *«Казематы, широкие и проветриваемые, они должны быть весьма здоровым местом обитания для войск; третья батарея той же мощности расположена на входе в военный порт. Этот порт очень удобен. Глубина везде достаточна для прохода больших кораблей...»* [16].

Строительные работы велись под руководством английских инженеров. По словам Баранта, в морском деле русские следовали английскому опыту. На протяжении долгого времени на русской службе находилось много английских моряков, однако в настоящее время, как отмечает дипломат, *«во флоте, как и в армии национальное мнение и, следовательно, мнение импера-*

тора настроено против допуска иностранцев» [17]. Как видим, политика «импортозамещения» и в прежние времена была актуальна.

Кто являлся строителями севастопольского порта? Как писал Барант, в России нет свободных рабочих, пролетариата. Каждый человек, не являющийся ни дворянином, ни торговцем, ни солдатом, ни служащим, является чьей-либо собственностью. В городах активно применялся труд отходников, но, когда речь шла об осуществлении больших работ, рук не хватало. Тогда предприниматели покупали у собственников наиболее населенных провинций патент на вербовку рабочих в их землях. Так было при восстановлении Зимнего дворца, сгоревшего от пожара и восстановленного за пятнадцать месяцев. Такие рабочие составляли примерно десять тысяч строителей порта в Севастополе.

Помимо этой категории рабочих в Севастополе, по словам Баранта, использовались солдаты двух дивизий 5-го армейского корпуса, что составляло двадцать пять тысяч человек пехоты. Это позволяло задействовать примерно семь тысяч рабочих ежедневно в погожие месяцы. Поскольку гидравлические работы очень тяжелы и вредны для здоровья (по причине, в том числе, и эпидемий), в Севастополе применялся труд двух тысяч каторжан. Еще одну тысячу составляли вольнонаемные рабочие, каменщики и плотники [18]. В общей сложности это давало двадцать тысяч человек, ежедневно занятых на строительных работах.

Для Баранта эти люди являлись не просто строителями, а солдатами и моряками, которых при необходимости можно быстро посадить на корабли и доставить к Константинополю. *«В течение трех дней Россия сможет перебросить туда армейский корпус; ее флот на Черном море не имеет другого предназначения»* [19]. Именно в этом Барант усматривал пресловутую «русскую угрозу», хотя он вовсе не был русофобом.

Вообще в Крыму Баранту все понравилось. *«Нам ничего не нужно было просить, насколько велико было желание нам услужить»* [20]. В распоряжении дипломата всегда были самые лучшие дома: в Мисхоре, например, он жил в загородном доме генерала Льва Нарышкина – племянника Марии Антоновны

Нарышкиной, фаворитки императора Александра I, проживавшей в Ялте. Множество слуг, замечательный повар, лошади, кареты, всегда готовый помочь исправник — все это было любезно предоставлено послу.

Итак, вот такой французский взгляд на Крым. Видимо, успев за несколько лет изучить русский характер, барон де Барант понимал, что в России многое зависело от человеческого фактора и опасался, что ситуация в Крыму могла измениться, если сменится власть. А уже давно циркулировали слухи будто Воронцов собирался оставить свой пост, хотя, как мы знаем, он пробыл губернатором до 1844 г. Барант писал: *«... если другой губернатор наследует графу Воронцову, Крым может быть забыт: если, напротив, эта «новая фантазия» еще продлится какое-то время, развитие продолжится; мелкие собственники потянутся сюда вслед за крупными; сюда приедут иностранцы. Появятся небольшие городки, а вместе с ними и ресурсы...»* [21].

Если же мода на Крым пройдет, если сюда не будут приезжать в поисках мягкого климата и более независимой жизни богатые аристократы, готовые вкладывать деньги в регион, благие начинания, по мнению дипломата, зачахнут через несколько лет. Не имея ничего против татарского населения, но не считая его склонным к активной трудовой деятельности, Барант писал: *«Татары и дикая природа вновь станут хозяевами побережья»* [22].

Итак, Крымом надо заниматься, осваивать, заселять и развивать экономику, иначе он снова быстро одичает, — к такому выводу приходит французский посол. К счастью, Крым совсем не одичал, даже напротив. А завет французского дипломата о том, что Крым надо развивать и им надо заниматься, в 2016 году актуален как никогда.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. *Barante P. de. Notes sur la Russie. 1835–1840. Paris, 1875.* Подробный отчет о своем путешествии по России Барант изложил главе правительства графу Луи де Моле в письме от 19 октября 1838 г. См.: *Barante P. de. Souvenirs du baron de Barante. 1782–1866. Т. 1–8. Paris, 1890–1901. Т. 6. P. 122–141.*
2. *Barante P. de. Notes sur la Russie. P. 208.*
3. *Ibid. P. 207.*
4. *Ibid. P. 206.*
5. *Ibid. P. 220.*
6. *Ibid. P. 218.*
7. *Ibid. P. 203.*
8. *Barante P. de. Souvenirs. Т. 6. P. 124.*
9. *Ibid. P. 131.*
10. *Barante P. de. Notes sur la Russie. P. 201–202.*
11. *Ibid. P. 192.*
12. *Ibid. P. 195.*
13. *Barante P. de. Souvenirs. Т. 6. Ibid. P. 132.*
14. *Barante P. de. Notes sur la Russie. P. 241.*
15. *Barante P. de. Souvenirs. Т. 6. P. 136.*
16. *Barante P. de. Notes sur la Russie. P. 223.*
17. *Ibid. P. 234.*
18. *Ibid. P. 236–237.*
19. *Ibid. P. 238.*
20. *Ibid. P. 186–187.*
21. *Ibid. P. 207.*
22. *Ibid. P. 206.*

Н.И. Храпунов ,

кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Научно-исследовательского центра
истории и археологии Крыма
Крымского федерального университета
имени В. И. Вернадского
(г. Симферополь)

РАЗМЫШЛЕНИЯ О КРЫМЕ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ В ТРУДАХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ РУБЕЖА XVIII-XIX ВВ.¹

*Reflections of the Crimea in Global Political Context
in Travelogues from the Turn of the Eighteenth and
Nineteenth Centuries*

Аннотация. Рассматриваются взгляды на положение Крыма в системе международных отношений, сформулированные тремя интеллектуалами, занимавшими разные идеологические позиции – французами Шарлем де Баром и Жаном де Рёйи, а также британцем Эдвардом Кларком. Они полагали Крым ключевым регионом для обеспечения военно-политического господства в Причерноморье, который открывал широкие возможности для развития международной торговли.

Ключевые слова: записки путешественников, Крым, международные отношения, международная торговля.

Summary. This paper analyses observations of the Crimea in the system of international relations by three intellectuals, who held different ideological stands, – Frenchmen Charles de Baert and Jean Reuilly, and Britisher Edward Daniel Clarke. They considered the Crimea to be the key region for military-political dominance in the Black Sea, which also provides broad opportunities for the development of international trade.

Key words: travelogues, Crimea, international relations, international trade.

1. Работа выполнена в рамках Гос. задания Минобрнауки РФ № 2015/701-3 по теме «Этнокультурные процессы в Крыму в античности, средневековье и новое время».

Внешнеполитические успехи России в Причерноморье, ослабление Османской империи и начавшаяся революция во Франции, традиционно активной в Причерноморье, радикально изменили баланс сил на юге Восточной Европы в конце XVIII в. Европейским державам пришлось не только вносить изменения во внешнеполитические доктрины, но и пересматривать свои взгляды на Россию, ставшую ключевым актором в регионе, ее культуру и историческую миссию [Гро, 1994, с. 164–172; Нойманн, 2004, с. 125–136]. Свое видение проблемы предлагали не только политики, но и философы, ученые и литераторы. В докладе речь пойдет о сочинениях трех путешественников, лично побывавших в Крыму и изложивших свои взгляды на возможную роль полуострова во внешнеполитических планах европейских держав – французов Шарля де Бара и Жан Рёйи, а также британца Эдварда-Даньела Кларка. Эти сочинения представляют собой аналитические разработки, системно излагающие сведения о физической географии, флоре и фауне, населении и городах, экономике и военном состоянии, истории и археологии Крыма, которые пользовались популярностью у современников. В Европе записки путешественников считались важнейшим источником информации о дальних странах, на основании которой генерировались идеи о развитии с ними отношений. Не случайно в Париже дипломатические и секретные службы внимательно изучали известия о Причерноморье, опубликованные в книгах Клода-Шарля де Пейссоннеля и барона Антуана де Сен-Жозефа [Черкасов, 2004, с. 279], а французский резидент в Санкт-Петербурге Шаретт де ла Колиньер получал сведения о новых владениях России на юге от автора знаменитого «Физического описания Таврической области» Карла Ивановича Габлица и своего соотечественника – ученого, губернатора и путешественника Жильбера Ромма [Чудинов, 2001]. По-видимому, предполагалось, что путешественники могли исправить и дополнить информацию, имеющуюся в распоряжении правительств, благодаря своему практическому опыту. К тому же их записки формировали общественное мнение – не случайно в правление Анны Иоанновны русский посланник в Лондоне Антиох Кантемир пытался помешать изданию «Московит-

ских писем» Франческо Локателли, а затем опубликовал к ним критические комментарии [Володина, 2014, с. 226–227], Екатерина II приложила немало усилий для опровержения «Путешествия в Сибирь» Шаппа д’Отроша [Стенник, 2004, с. 150–155], а после издания первого тома «Путешествий» Кларка по России анонимный русский автор, быть может с ведома Александра I, опубликовал их подробнейший разбор, указав на многочисленные ошибки и передергивания [Observations, 1812].

Барон Шарль де Бар (1750 или 1751 – 1825) много лет провел в путешествиях, объехав практически всю Европу, и в частности побывал в Крыму весной 1784 г. [Кадо, Режемортер, 1970; Храпунов, Гинькут, 2014]. Он был представителем высшей аристократии, имел множество знакомств в правящих кругах европейских держав, а своими покровителями называл наследника русского престола Павла Петрович и всесильного правителя юга России Григория Потемкина. Потому высказывается мнение, что его поездка на юг была инициирована последним [Кадо, Режемортер, 1970, с. 166], очевидно, заинтересованным в популяризации своих начинаний. Не исключено также, что де Бар собирал конфиденциальную информацию по заданию французского правительства [Храпунов, Гинькут, 2014, с. 398]. Впоследствии революционные события во Франции заставили де Бара временно покинуть Родину. Большая часть его путевых дневников так и осталась неопубликованной. Лишь в 1798 г. француз анонимно издал небольшой фрагмент, посвященный поездке из Киева через Крым, Предкавказье и Астрахань до Казани [Vaert, 1798]. Де Бар отказался от традиционной для путевых записок формы подачи материала в виде дневника, превратив «крымский фрагмент» в аналитическую записку, анализирующую различные аспекты жизни полуострова в отдельных статьях. По-видимому, автор использовал не только собственные наблюдения, но и информацию, полученную от российских чиновников, из имперского законодательства, а также опубликованных книг, посвященных Крыму. Сторонник Старого режима де Бар, вероятно, надеялся, что на родине прислушаются к его размышлениям о ситуации в Северном Причерноморье, сложившейся в резуль-

тате российской экспансии на юг, а также об открывающихся здесь для Франции возможностях. Нужно думать, что, по его мнению, русско-турецкая война 1787–1791 гг. и смерть Екатерины II в 1796 г. не привела к принципиальным изменениям обстановки, раз он решил сохранить в тексте свои выводы о логике действий российского правительства и о перспективах франко-русской торговли.

По мнению де Бара, присоединение Крыма продиктовано военно-стратегическими, а не экономическими интересами России, Франция же недооценивала ее амбиции и военный потенциал. *«Вероятно, [Севастопольская] гавань в политическом смысле является тем местом в России, которое должно более всего привлечь внимание Европы»*, – пишет он [Baert, 1798, р. 27]. Француз тщательно проанализировал прямые и косвенные данные: идеологические декларации Екатерины II, выказанные в именах ее внуков и принципах их воспитания, выпущенных памятных медалях и картах, экспансионистские планы Петра I в изложении фельдмаршала Буркхарда-Кристофа фон Миниха,sstrатегическое положение Крымского полуострова, позволяющее в течение двух суток перебросить экспедиционную армию под стены османской столицы, наличие здесь значительных контингентов русской армии и небольшого, но прекрасного флота, высокие боевые качества русских солдат и офицеров, а также внутреннюю нестабильность Османской империи из-за национально-религиозных противоречий. В результате де Бар заключил, что Россия не собиралась останавливаться на покорении Крыма и лелеяла планы разгромить Османскую империю и учредить на ее месте союзное себе государство [Baert, 1798, р. 26–31].

В этих рассуждениях де Бар предстает не только проницательным наблюдателем, но и выразителем определенных настроений, существовавших у западноевропейских интеллектуалов. Так, военно-стратегическое значение Крыма и торгово-экономические перспективы, открывавшиеся перед Россией в результате его завоевания, оценил британец Джон-Глен Кинг (1732–1787), несколько лет прослуживший капелланом английской фактории в русской столице [King, 1788, S. 99–122]. В 1781 г. французский посланник в Петербурге маркиз

Шарль-Оливье де Верак направил министру иностранных дел графу Шарлю-Гравье Вержену донесение, посвященное идеологическому обеспечению русской политики [Черкасов, 2004, с. 205–206]. Однако, Россия еще в конце 1782 г. фактически отказалась от проекта раздела Османской империи, не найдя поддержки со стороны Австрии [Петрова, 2011, с. 217–228; Черкасов, 2004, с. 207–208, 237]. Заметим, что еще до революционных событий во Франции хронический дефицит государственного бюджета вынудил правительство Людовика XVI отказаться от активной политики на турецком направлении [Черкасов, 2004, с. 149–239].

Очевидно, осознавая сложное положение своей страны, де Бар заключил, что основой взаимовыгодного франко-русского сотрудничества в Причерноморье может стать торговля, центром которой он предлагал сделать Феодосию. По его мнению, собственная торговля Крыма несущественна, однако полуостров может стать центром транзитной торговли с внутренними провинциями России, которая будет вестись по Днепру, Дону и Волге. Франция должна попытаться направить туда свои товары – предметы роскоши – в обмен на русское сырье. Это позволит переместить российскую торговлю из Балтики на Черное море, а Франции – стать основным партнером России, заняв место Великобритании и Голландии [Baert, 1798, р. Р. 24–25]. Похожие идеи высказывали и другие французы, как в мемуарах, поданных в Министерство иностранных дел, так и в опубликованных сочинениях [Черкасов, 2004, с. 277–279; Чудинов 2001, с. 203]. В 1787 г. Франция и Россия заключили торговый договор, впрочем, не давший результата из-за начавшейся революции [Черкасов, 2004, с. 282–302].

Жан Рёйи (1780–1810) был сторонником Наполеона. В 1802 г. его направили в Петербург, на следующий год он совершил поездку в Северное Причерноморье, а в 1806 г. издал энциклопедическое описание Крыма [Reuilly, 1806]. Вернувшись на Родину, он начал успешную административную и научную карьеру, которую прервала безвременная смерть [Biographie, 1829, р. 2542]. По словам самого Рёйи, он отправился на юг России в 1803 г. вместе с Арманом-Эммануэлем де Ришелье (1766–1822) после назначения того градоначальником Одес-

сы, а уже оттуда из любопытства поехал в Крым [Reuilly, 1806, p. xi–xii]. Ришелье, несомненно, был заинтересован в рекламе своих начинаний за рубежом и потому имел основания покровительствовать своему соотечественнику. Современники, однако, подозревали, что Рёйи был агентом Наполеона, которому предписывалось разузнать о настроениях крымских татар на случай возможной франко-русской войны [Holderness, 1827, p. 196].

Рёйи точно осознал и сформулировал проблемы, стоявшие перед российским правительством: «С тех пор как Россия овладела Крымом, она внесла множество изменений в его устройство, чтобы сделать его более похожим на другие части империи. Тщетно пыталась она завоевать любовь своих новых подданных, уважая их верования, их мечети и позволив им самим выбирать себе судей. Желая создать земледельческий народ из народа воинственного и беспокойного, ей следовало бы менять его нравы после того, как она изменила бы их законы: но она столкнулась с сильным сопротивлением, как и следовало быть, когда империя меняет нравы своих народов. Значительная часть татар эмигрировала, а те, что остались, сделают это при первой же возможности. Это случится в ближайшее время: ведь подчиненная нация, нравы и религия которой слишком отличаются от свойственных господствующей нации, оказывается притесняемой и угнетаемой ее правителями, даже если те и не думают вводить тиранические порядки» [Reuilly, 1806, p. 176–178].

В Крыму Рёйи встречался с уважаемыми и влиятельными представителями крымскотатарской знати – Атай мурзой Ширинским, предводителем дворянства Феодосийского уезда [Макидонов, 2011, с. 180, 191], и главой мусульманского духовенства муфтием Сеит-Мегмет эфенди [Бойцова и др., 2009, с. 178–179; Макидонов, 2011, с. 224]. Насколько можно понять француза, имевшего основания говорить намеками, крымские татары возлагали надежды на то, что Александр I «восстановит справедливость», поколебленную правлением его отца [Reuilly, 1806, p. 163–171].

Несмотря на то, что во французской политической литературе этого времени влиятельны были антирусские настроения

[Гро, 1994, с. 169], Рёйи был сторонником сближения России и Франции, полагая, что это в интересах обеих держав, главным противником которых он называл Англию. Основой, на которой можно развивать взаимовыгодные отношения, Рёйи, как и де Бар, считал торговлю, в которой важную роль отводил Крыму из-за его географического положения. По мнению француза, Крым мог стать звеном на глобальном торговом пути, который связал бы Францию и ее заморские колонии с внутренними губерниями России вплоть до самой Сибири. Для этого, однако, предстоит много сделать, ведь в 1803 г. крымская торговля и соответствующая инфраструктура находились в упадке [Reuilly, 1806, p. 129, 135, 138, 189, 195–198, 249, 277–278]. Центром торговли с европейскими странами Рёйи предлагал сделать Феодосию. Французы должны учредить в Причерноморье склады для экспортных и импортных товаров. Союз с Испанией позволял Франции использовать испанские порты как перевалочные базы для своих колониальных товаров. К числу проблем, препятствующих реализации его проекта, Рёйи отнес наличие посредников в торговле, отсутствие надлежащей инфраструктуры, препятствия, чинимые англичанами, высокие таможенные пошлины на импорт в России, отсутствие страхования торговли, нестабильность курса рубля, трудности пути к черноморским портам, нехватку торгового капитала и высокие процентные ставки по кредитам [Reuilly, 1806, p. 198, 253–255].

Эдвард-Даньел Кларк (1769–1822) прославился как энциклопедист и путешественник [Otter, 1827]. В качестве гувернера Кларк в 1799–1802 гг. сопровождал молодого Джона-Мартена Криппса в образовательной поездке по Северной Европе, России, Балканам, Ближнему Востоку и Египту. С июля по октябрь 1800 г. они находились в Крыму. Всю оставшуюся жизнь Кларк работал над шеститомным описанием этого путешествия, в котором он проанализировал и изложил сведения о физической географии, флоре и фауне, населении и городах, экономике и военном состоянии, истории и археологии виденных им стран на основе как собственных наблюдений, так и значительного массива античных, средневековых и современных ему сочинений. Для нескольких поколений

путешественников и просто интересующихся записки Кларка стали важным источником информации об экзотических краях. Первая часть записок, посвященная поездке по России, вышла в 1810 г.

Россию Кларк откровенно не любил, а потому в его книге достаточно стереотипов, берущих начало еще в XVI–XVII в. и, казалось бы, отступивших на второй план в эпоху Просвещения, когда контакты между Россией и Англией значительно увеличились [Cross, 1997, p. 389–391]. Посещение Крыма дало ему возможность еще раз заклеить Россию как варварское государство, неправоммерно захватившее полуостров и подвергнувшее жестоким страданиям его жителей: *«Если же сегодня спросят о том, как вели себя русские в отношении Крыма после той безнравственности, жестокости и убийств, посредством которых он был приобретён, ответ можно дать в немногих словах. Они опустошили страну, вырубали деревья, снесли дома, сломали священные постройки местных жителей и все их общественные здания, разрушили общественные водопроводы, ограбили население, оскорбляли татар во время их публичных богослужений, извлекли из могил тела их предков, бросив их останки в выгребные ямы и сделав их гробы кормушками для свиней, уничтожили все памятники древности, разломав гробницы и святых, и язычников, и развеяв их прах по ветру»* [Clarke, 1817, p. 179–180].

Следует отметить два обстоятельства. Во-первых, жертвами «русского варварства» Кларк представляет исключительно крымских татар, но не караимов, греков или представителей других этносов. Во-вторых, относясь к крымским татарам с явным сочувствием, британец смотрит на них свысока, в традициях европейского колониального (или ориентального) дискурса. Так, последний крымский хан Шахин Гирей показан как наивный и непрактичный человек, которого легко смог обмануть коварный негодяй Потемкин [Clarke, 1817, p. 173–179]. А призывая освободить Крым из-под власти России, Кларк предлагал вернуть его под управление Османской империи, иначе говоря, местные жители не способны к самостоятельной политической жизни, а судьбу их решать должны европейцы [Clarke, 1817, p. 269]. Путешественник даже составил

примерный план десантной операции по изгнанию русских с территории полуострова. По его мнению, внутреннее состояние Крыма сделает ее делом легким и приятным, с которым справится экспедиционная армия в тысячу человек во главе с опытным генералом. Негативные черты характера Павла I – мелочная дисциплина, военизация быта, склонность к халатности и упрямству – поразили весь государственный аппарат России. Успехи русской армии в Итальянской кампании 1799 г. связаны с единственным фактором – личностью Александра Суворова, после смерти которого русская армия совершенно разложилась. Побережье Крыма практически не охранялось, а местные жители готовы были встретить врагов России «со слезами радости» на глазах [Clarke, 1817, p. 268–272].

К моменту первого издания этой части записок Кларка отношения между Россией и Англией были окончательно испорчены – сказывались результаты Тильзитского мира. Поэтому антирусские выпады Кларка должны были попасть на хорошо подготовленную почву. Сочинение Кларка следует рассматривать как яркий показатель страха перед Россией, охватившего Европу на рубеже XVIII–XIX вв. в результате осмысления разделов Польши, успехов России на юге, а также крушения европейского баланса сил после Французской революции [Гро, 1994, с. 164–172; Anderson, 1958, p. 143–214].

Как видим, взгляды на положение Крыма в системе международных отношений, сформулированные тремя интеллектуалами, работавшими на рубеже XVIII – XIX в. и занимавшими разные идейные позиции – представителем Старого режима во Франции и сторонником Наполеона, а также приверженцем мысли о британской исключительности – имеют некоторые общие черты. Они рассматривали Крым как ключевой регион, контроль над которым давал военно-политическое господство в Причерноморье и открывал широкие возможности для развития международной торговли, прежде всего транзитной. Успех или неуспех мероприятий, направленных на интеграцию Крыма, рассматривался как важный показатель успешности русской политики и шире – способности России быть передовым («цивилизованным») государством. Записки путешественников способствовали выработке и транслирова-

нию определенных общественных настроений, поскольку из них читатели узнавали о значении полуострова, прежде им почти не известного.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. *Бойцова Е. В., Ганкевич В. Ю., Муратова Э. С., Хайреддинова З. З.* Ислам в Крыму: очерки истории функционирования мусульманских институтов. – Симферополь, 2009.
2. *Володина И. П.* Русские впечатления Франческо Альгаротти // Альгаротти Ф. Путешествие в Россию. – СПб., 2014.
3. *Гро Д.* Россия глазами Европы: 300 лет исторической перспективы // Дружба народов. – 1994. – № 3.
4. *Кадо М., Режемортер Ж. Л. ван.* Внешняя торговля России в 1784 г. по путевому дневнику Баера дю Оллана // Франко-русские экономические связи. – М.; Париж, 1970.
5. *Нойманн И.* Использование «Другого»: образы Востока в формировании европейских идентичностей. – М., 2004.
6. *Макидонов А. В.* Персональный состав административного аппарата Новороссии XVIII века. – Запорожье, 2011.
7. *Петрова М. А.* Екатерина II и Иосиф II: формирование российско-австрийского союза, 1780–1790. – М., 2011.
8. *Стенник Ю. В.* Идея «древней» и «новой» России в литературе и общественно-исторической мысли XVIII – начала XIX века. – СПб., 2004.
9. *Храпунов Н. И., Гинькут Н. В.* Крым в 1784 г. по свидетельству французского путешественника барона де Бара // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – 2015. – Вып. XX.
10. *Черкасов П. П.* Екатерина II и Людовик XVI. Русско-французские отношения, 1774–1792. 2е изд. – М., 2004.
11. *Чудинов А. В.* Французские агенты о положении в Крыму накануне русско-турецкой войны 1787–1791 годов // Русско-французские культурные связи в эпоху Просвещения. – М., 2001.
12. *Anderson M. S.* Britain's Discovery of Russia, 1553–1815. – London; New York, 1958.
13. *[Baert Ch. A. de].* Mémoire extrait du journal d'un voyage fait, au printemps de 1784, dans la partie méridionale de la Russie // Voyages historiques et géographiques dans les pays situés entre la Mer Noire et la Mer Caspienne... – Paris, 1798.
14. *Biographie universelle classique, ou dictionnaire historique portatif.* P. 2: H–R. Paris, 1829
15. *Clarke E. D.* Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. Pt. 1: Russia, Tahtary, and Turkey. 4th ed. Vol. 2. – London, 1817.
16. *Cross A. G.* By the Banks of the Neva: Chapters from the Lives and Careers of the British in Eighteenth-Century Russia. – Cambridge 1997.
17. *Holderness M.* Journey from Riga to the Crimea, with Some Account of the Manners and Customs of the Colonies of New Russia. 2nd ed. – London, 1827.
18. *King J. G.* Bemerkungen über Rußland und die Krimm. Nebst Bemerkungen über das Klima von Rußland. – Leipzig, 1788.
19. *Observations on the first volume of Dr. Clarke's Travels in Russia, Tartary and Turkey // The American Review of History and Politics.* – 1812. – Vol. III.
20. *Otter W.* The Life and Remains of Edward Daniel Clarke. – New York, 1827.
21. *Reuilly J.* Voyage en Crimée et sur les bords de la Mer Noire pendant l'année 1803... – Paris, 1806.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

МАТЕРИАЛЫ

**Научной конференции
«Ялта 45: уроки истории.**

**Крым в истории международных отношений
в XIX-XXI вв.»**

25-26 февраля 2016 г.

Сборник научных статей

Ответственный за выпуск:

Редактор:

Верстка и дизайн: ИП Панина Т.Н.

Подписано в печать: ??.03.2016. Формат. Бумага офсетная.

Гарнитура PetersburgС. Тираж ??? экз.

ISBN 978-5-9908009-3-9

Отпечатано в